

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВЛАСИТЕЛЬСКИЙ КОМПЛЕКС ВОКРУГ СВЕТА

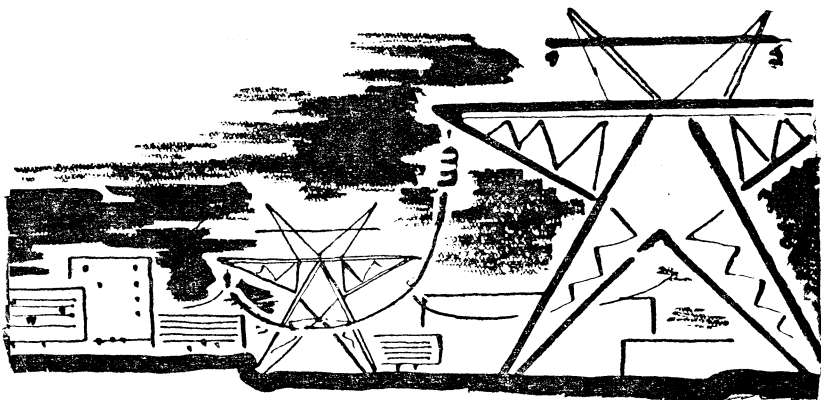
№5 (11)
1962

СКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ТОК ИЗ ПЛАЗМЫ

Тишина. Негромкие слова команды...
Громовый удар. Еще, еще... Всполохи фиолетового пламени в камере. Взрывы сливаются в гуд, в котором тонут все звуки. Сквозь желтое бронзовое стекло виден ослепительный поток. В камере бушуют беспрестанная молния и непрерывный гром. Чуть вздрагивают стрелки на пульте управления. Спокойны люди, вызвавшие эту бурю — смерч бушующей плазмы, температура которой только в два раза меньше, чем на поверхности Солнца: три тысячи градусов. Внимательно следят люди за приборами. Вот стрелка одного поползла направо, деление за делением...

Ярким светом вспыхнула сигнальная электрическая лампочка. — Есть ток!

Чудо свершилось! Чудо безмашинного превращения тепловой энергии в электрическую. Техника грядущего стала явью. Создан плазменный генератор. Советские ученые испытали уникальную модель будущих установок, которые смогут давать огромные мощности.

...Еще со времени Фарадея было известно, что для получения тока необходимо пере-
мещать металлическую про-
волоку в магнитном поле.
А если проволоку заменить
газом? Он станет течь

На 2-й стр. обложки —
рисунок В. Логовского.

в магнитном поле, пересекают магнитные силовые линии, и в нем возникнет электродвижущая сила. Тогда, опустив в быстродвижущуюся струю газа электроды, можно отвести от нее электрическую энергию. Но газы в обычном состоянии не проводят электричества. Чтобы газ стал проводником, его надо ионизировать, превратить в плазму — сильно разогреть и добавить в него соединения калия, цезия или других щелочных металлов.

Так получается плазма, в которой «рождается» электрический ток.

Чем выгоднее плазменный генератор по сравнению с другими? В нем нет движущихся частей — якорей, турбинных дисков. А трущиеся поверхности быстро изнашиваются. Устройство плазменного генератора просто. Струя раскаленного ионизированного газа проходит через сильное магнитное поле и омывает электроды, которым отдает возникшее в газе электричество. Это, конечно, кажущаяся простота. Нужны сверхтугоплавкие материалы, чтобы выдержать даже «низкотемпературную» плазму. Но советские ученые успешно штурмуют и этот, последний барьер. Уже сделаны необходимые расчеты по созданию уникальной плазменной установки мощностью в десятки тысяч киловатт. В ближайшее время начнется ее сооружение.

В Программе Коммунистической партии Советского Союза записано: «Наиболее важными являются следующие задачи: ...открытие новых источников энергии и способов прямого преобразования тепловой, ядерной, солнечной и химической энергии в электрическую...».

Создание плазменного генератора — шаг к осуществлению величественной программы строительства коммунизма.

ЗЕМЛЯ ПОД „РЕНТГЕНОМ“

Да, речь идет о всей нашей планете, которую ученые хотят исследовать с помощью «космического рентгеновского аппарата».

Самые глубокие скважины прошли в глубь Земли не более чем на семь километров. Дальше взгляд человека еще не проникал. Если сравнить земной шар с куриным яйцом, то можно сказать, что мы едва преодолели скорлупу. А каковы природа и строение остальной массы планеты, об этом ученые могут пока лишь догадываться.

Сейчас существует ряд проектов освоения «геокосмоса». Об одном из них мы уже рассказывали во втором (восьмом) номере «Искателя» за этот год. Но, пожалуй, самый «фанта-

стический» проект исследования внутреннего строения Земли предложили физики.

Исследования структуры материи могут проводиться с помощью частиц, которые названы учеными «снарядами», — частиц с наибольшей пробойной силой, нейтрино.

Нейтрино, по представлениям современных физиков, обладает способностью «прострелить» насквозь земной шар. Советские ученые считают, что в перспективе возможно создание такой установки, которая позволила бы использовать нейтрино для просвечивания всей толщи земного шара.

Понятно, что изучение нейтрино в космических лучах представляет большой принципиальный интерес. Особое значение для этой работы будет иметь установка, создаваемая грузинскими физиками. Основные параметры ее уже определены.

Известно, что, подобно рентгеновским лучам, частицы высоких энергий, проходя через слои различной плотности, теряют часть своей энергии, а то и вовсе поглощаются средой. Этим-то и объясняется появление на специальном экране рентгеновского аппарата изображения различных предметов. Некоторое весьма отдаленное сходство будет иметь с рентгеновским аппаратом и установка по работе с нейтрино.

Физики считают, что «фотографию» внутреннего строения Земли им удастся получить намного раньше, чем другие ученые иными методами смогут исследовать сокровенные недра нашей планеты.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

№5 (11) 1962

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

КОСМОС БУДЕТ ПОКОРЕН

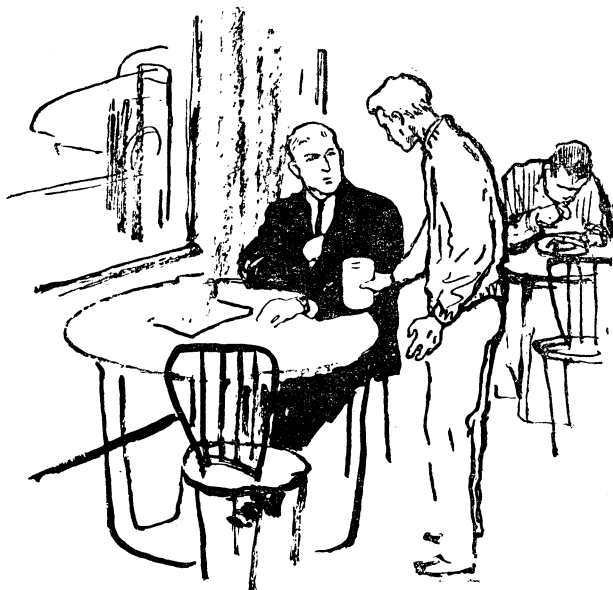
**ПОЕДИНОК
В ЛЕДЯНОЙ ПУСТЫНЕ**

**КОМСОМОЛЬЦЫ —
БЕСПОКОЙНЫЕ СЕРДЦА**

*За Ихтиандром в глубь
океана*

ЧУДЕСА ФИЗИКИ

Смех О'Генри

НИЧЬЯ

Рисунки П. Павлинова

Автобус с туристами отошел от скромного домика, где некогда родился великий поэт Германии.

— Александр Иванович! — крикнули из окна автобуса. — Что же вы?

Немолодой человек в темном костюме, улыбнувшись, помахал рукой. Он вынул из кармана бланк адресного стола, внимательно прочитал его и зашагал в обратную сторону. Он шел не торопясь, оглядывая улицы ищущим взглядом.

* Повесть печатается в сокращении. Полностью она будет опубликована издательством «Молодая гвардия» под названием «Белая земля».

дом приезжего. Город был красив, весь в зелени садов. Рядом с черепичными крышами старинных особняков и островерхими башнями церквей подымались новые здания из бетона и стекла.

Человек на секунду задерживался на перекрестках, читая таблички с названиями улиц, и сворачивал в нужную сторону.

Внизу за гранитной набережной лежала широкая серозеленая река. Суетились буксиры и катера, неторопливо плыли вереницы барж. С прогулочных теплоходов неслась музыка.

Человек свернул к центру города. Здесь его темный костюм особенно выделялся среди ярких плащей, курток и рубашек уличной толпы. На стенах висели плакаты: толстый человек измерял штангенциркулем серебряную марку. Подпись гласила: «Если ты не хочешь, чтобы наша марка стала меньше, голосуй за Эрхарда — ХДС!»

Приезжий равнодушно скользил взглядом по изобретательным приманкам бесконечных витрин. Вдруг он остановился.

За окном на темном бархате лежали ордена. Железный крест, рыцарский крест, дубовые листья к рыцарскому кресту, крест за тыловую и этапную службу, бронзовый щиток участника боев в Крыму, медаль за зимнюю кампанию 1941—1942 годов... Человек изумленно поднял глаза на вывеску. Нет, это не была лавка древностей. Обычный ювелирный магазин. Здесь каждый мог приобрести себе соответствующий орден.

Было душно. Приезжий снял шляпу. У него были сильно тронутые сединой волосы, простое, чуть скуластое лицо.

ЗЕМЛЯ*

Он снова вынул из кармана карточку адресного стола и прибавил шаг. Он шел теперь быстро, внимательно глядясь в номера домов. Наконец остановился перед серым четырехэтажным домом. Еще раз сверил адрес. Все правильно. Над подъездом висели медные номера квартир.

Человек сделал шаг к массивной двери и остановился. Он постоял в нерешительности перед подъездом, потом перешел на противоположную сторону улицы и вошел в небольшое кафе.

В зале было немногочленно. Кельнеры убирали со столов чашки из-под кофе и пустые рюмки. В углу двое подростков кидали никели в игральный автомат. Приезжий сел за столик у окна. За соседним столиком пил пиво широкоплечий парень в пестрой рубашке.

Нельнер положил на стол круглую картонку с надписью: «Избавь нас, боже, от злого взгляда, большого зноя, ненастья тоже» — и поставил на нее высокую глиняную кружку темного пива.

Послышалось осторожное позвякивание. У столика оставался худощавый юноша в сером потертом свитере. В руках у него был небольшой металлический ящик-копилка.

— Алжирским детям! — строго произнес он.

Парень в пестрой рубашке, не подымая глаз, ел шницель. Приезжий положил в кружку несколько монет.

— Спасибо, — с достоинством сказал юноша и двинулся дальше.

Еще несколько раз звякнули упавшие в кружку монеты.

Вечерело. От стоящего поодаль собора доносился явственный даже в уличном шуме перезвон колоколов. Неожиданно могучий рев заглушил все. Зазвенели стекла. Люди, повскакав с мест, прильнули к окнам. Над готической колокольней собора низко, едва не коснувшись шпиля, пронеслись два стремительных треугольника.

— «Локхид»! — восторженно воскликнул парень в пестрой рубашке.

— «Спитфайер», — поправил кто-то.

— Жаль, не «мессершмитт»... — парень бросил на стол деньги и вышел.

Человек в темном костюме задумчиво посмотрел ему вслед...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Гулко бьется сердце. Темнота. Комок тошноты у горла. Я сижу на узкой жесткой койке. Сильно качает. Пахнет сыростью. Отдергиваю штору светомаскировки. За круглым иллюминатором тусклый рассвет. Проступают очертания тесной каюты. Верхняя койка пуста. Мой сосед штурман Иенсен на вахте. Значит, он ничего не слышал. Проклятый кошмар! Снова я проснулся от него. Каждый раз одно и то же...

...Над степью беззвучно летят грязно-серые самолеты с черными крестами на хвостах. Они летят не торопясь, спокойно выглядывая цель.

Один из них нависает надо мной. Помедлив мгновение, бросается вниз, и сразу исчезает тишина. Все ближе нарастающий вой. Тело тчетно пытается уйти в землю. От самолета отделяется черная капля. Она неудержимо приближается. Нет сил пошевелиться, отвести взгляд. Черный овал закрывает весь мир. Из груди вырывается отчаянный немой крик...

Я открыл иллюминатор. В кабину ворвался холодный воздух. Тошнота отступила. Закутавшись в одеяло, откинулся к стенке. Прикрыл глаза. И тут же вновь встала выжженная степь у переправы, вспененный взрывами Дон и надвигающаяся армада грязно-серых «юнкерсов»...

Где теперь моя третья стрелковая? Я не имел никаких вестей от ребят уже несколько месяцев — с того самого дня, когда меня после выздоровления от контузии неожиданно вызвали в штаб и приказали отправляться в Москву для подготовки кграничной командировке...

Я закурил «Кемел». Никак не могу привыкнуть к этим легким сигаретам после солдатской махорки. Заснуть уже не удастся.

Послышалась боцманская дудка. Потом — топот ног. Начинался новый день. Я поднялся. Надо было проверить груз. В трюме «Святого Олафа» — старого норвежского транспорта — тщательно принятовлены драгоценные станки. Я должен доставить их из Лондона на авиационный завод, где работал до войны. Завод теперь на Урале. Мои товарищи по командировке уже, наверное, вернулись на Родину: как-то трудно сейчас сказать — домой. А на мою долю выпала неожиданная морская прогулка. Холодное море, погашенные огни, тревожные сигналы эсминцев конвоя...

Сверху донеслась музыка. Неожиданная на корабле, но я уже успел привыкнуть к ней за время пути. Песня Сольвейг. Когда в апреле сорокового года гитлеровцы захватили Норвегию, «Святой Олаф» случайно оказался в канадском порту. Теперь он плывал под английским флагом, но почти вся команда по-прежнему состояла из норвежцев, и капитан Сельмер Дигирнес на подъеме флага вместо «Правь, Британия, морями...» упорно ставил пластинку Грига.

Я оделся и вышел на палубу. В промозглom сером утре под песню Сольвейг медленно полз вверх по флагштоку восьмилучевой британский крест на синем поле — «Юниор Джек».

На мостике маячила коренастая фигура Дигирнеса. Козырек фуражки, вислый нос и зажатая в зубах трубка обращены на юг — туда, где за горизонтом лежат берега Норвегии.

Я поднялся на мостик. Дигирнес протянул руку.

— Доброе утро, мистер Колчин. Хау дид ю слип? — он изъясняется со мной на жутковатой смеси русского с английским.

— Отлично. Никогда не спал лучше.

— Воздух, — говорит Дигирнес. — Воздух нашего Норвежского моря — замечательное средство от всех болезней. Верно, Роал?

Мой сосед по каюте штурман Йенсен молча кивает. Его не легко заставить заговорить. Дигирнес в этом отношении исключение среди норвежцев. В его роду все мужчины становились пасторами. Он первым, мальчишкой убежав из дому, нарушил традицию. Но груз наследственности давал себя знать.

Над морем расходился туман. Вода была серо-зеленой, местами белел битый лед. Небо облачно. Это успокаивало. Мы опасались главным образом немецких бомбардировщиков.

Базируясь на севере Норвегии, гитлеровцы зорко стерегли эту зыбкую морскую тропинку, связывающую нас

с союзниками. В мае им удалось потопить два английских крейсера. В июле — растрепать огромный караван, или, как говорят англичане, «конвой». Из тридцати пяти судов пошли ко дну двадцать два.

От камбуза тянуло дымком. Сейчас меньше качало. Я почувствовал голод.

— После завтрака приходите ко мне! — крикнул Дигирнес. — Я сейчас передам вахту.

2

Когда я вошел в каюту, капитан сидел перед старинной библией в кожаном переплете — реликвией, переходившей из поколения в поколение Дигирнесов. На столе стояла квадратная бутылка джина, дымящийся термос с кипятком и открытая банка консервированного лимонного сока.

Капитан знаком указал мне на стул.

— Вы слышали когда-нибудь про бой Давида с Голиафом?

— Немного. Кажется, Давид уложил его камнем из рогатки.

— Из пращи, юный язычник... «И опустил Давид руку свою в сумку, и взял оттуда камень, и бросил из пращи, и поразил филистимлянина в лоб, и он упал лицом на землю. Так одолел Давид филистимлянина пращей и камнем, меча же не было в руках Давида», — Дигирнес шумно захлопнул книгу. — Что вы будете пить? Чистый джин?

— Никак не привыкну к этой соленой водке. Лучше грог.

Капитан одобрительно кивнул. Он собственноручно готовил грог, рецептом которого очень гордился. Надо признаться, рецепт был незамысловатый: на полстакана водки — полстакана крутого кипятку, несколько кусков сахара и немного лимонного сока. Дигирнес наполнил два стакана.

— Ну-ка, попробуйте.

Я осторожно отпил глоток обжигающего напитка.

— Ну как? Не мало джина?

— Нет. В самый раз.

Дигирнес отхлебнул добрую половину своего стакана, поморщился.

— Горячая вода. — Он долил стакан из квадратной бутылки. — Давайте я вам тоже добавлю.

— Спасибо. Мне достаточно.

Дигирнес допил стакан и тут же налил себе снова.

Что-то случилось. Недаром капитан перечитывал притчу о Давиде и Голиафе. Он не мог забыть позора девятого апреля сорокового года. Сданных без выстрела береговых укреплений Нарвика, несработавших минных полей Ослофьорда.

Давид победил Голиафа. Почему же случась без боя его гордая страна, у которой если не меч, то уж праща-то бы-

ла в руках! Но что заставило Дигирнеса сегодня снова вспомнить об этом?

— Вы чем-то расстроены, капитан?

— Нет, все хорошо. Все идет хорошо. Слишком хорошо, чтобы это продолжалось долго... Налить вам еще?

— Только немного. Я еще не спулся в трюм.

Дигирнес посмотрел на меня поверх стакана.

— Вы думаете, кому-нибудь еще нужны эти станки?

— Полагаю, да.

Дигирнес налил себе чистого джина.

— Я слушал сегодня сводку, — сказал он. — Бои идут уже у Волги.

Было очень трудно слышать это, но я сдержался и как можно спокойней сказал:

— Дальше они не пройдут.

— Вы уверены?

— Да. За Волгой сейчас стоит вся Россия.

— У вас гигантская страна, — вздохнул Дигирнес, — но не все, мой друг, решается размером. Нас, норвежцев, всего три миллиона, но если у вас был Петр Великий, то у нас — король Сверре. У вас — Достоевский и Толстой, а у нас — Бьернсон и Ибсен.

Капитан вдруг притих и, допив стакан, буркнул:

— Это честный морской счет. Книги Гамсуна я еще год назад выбросил за борт.

Он взял бутылку и потянулся к моему стакану. Я накрыл его ладонью.

— Видите ли, капитан, у нас нет не только Гамсуна, но и Квислинга.

Это было жестоко по отношению к старику, но он слишком раскис сегодня. Мне не хотелось, чтобы он раскисал. У него в Тромсе осталась семья, он не видел ее уже больше двух лет. Дигирнес опять налил себе.

— Кретины с протухшим жиром вместо мозгов! — вдруг воскликнул он. Моряк в нем, видно, совсем забил в этот момент пастора. — Обжирались копченой селедкой и думали, что нас оставят в покое в наших фьордах! Будь трижды прокляты сытость и беспечность!

Переplet старинной библии жалобно пискнул под ударом кулака. Таким капитан мне нравился больше.

В иллюминатор заглянуло солнце. Я посмотрел на часы. Было без двадцати двенадцать. Я поднялся.

— Куда вы? — спросил Дигирнес.

— Вышло солнце, Иенсен сейчас будет брать широту. Дигирнес улыбнулся.

— Я все забываю, что вам только двадцать пять лет.

3

Я стоял на мостике с секстантом в руках и старался поймать отражение солнечного луча. Мне была немного знакома авиационная навигация — во время летной практики в институте я работал дублером штурмана и теперь

пользовался каждым случаем, чтобы постичь премудрость кораблевождения. Молчаливый Иенсен уже доверял мне самостоятельно определяться по солнцу.

Мне почти удалось совместить солнечный луч с точкой горизонта, как вдруг горизонт сдвинулся с места. Это было невероятно. Я снова навел прибор. Намеченная точка оторвалась от горизонта. Она приближалась к нам. Я опустил секстант и взял бинокль. С юга к нашему каравану, спутав осень с весной, стремительно приближался четкий клин журавлиной стаи.

И в тот же миг завывли сирены судов. Послышалась команда Иенсена. На «Олафе» забил колокол громкого боя. Я бросился на корму — там у пожарной помпы было мое место по боевой тревоге.

Бой длился всего несколько минут. Он окончился раньше, чем я успел добраться до своей помпы. «Юнкерсов» встретил огонь всех зенитных стволов кораблей конвоя. Клип раскололся пополам и исчез из виду. Через несколько мгновений «юнкерсы» появились с востока. Конвой не успел перестроиться. Несколько самолетов прорвалось к транспортам. На «Олафе» забили пулеметы.

Со второго захода пикировщик положил бомбу у нас за кормой. Меня бросило на палубу. Кто-то страшно закричал рядом.

Когда я поднялся, столб воды от взрыва еще не успел опасть, но бой уже заканчивался. Рядом с нами кормой в воду уходил эсминец. У него заливало трубы, а с бака еще бил трассирующими спаренный зенитный пулемет. С тяжелым воем падал в воду пикировщик. «Юнкерсы» вразброд тянулись к югу. Два транспорта горели.

«Олаф» как-то странно рыскал из стороны в сторону. Я вернулся в рубку. Капитан Дигирнес чертыхался в переговорную трубу.

— Руль, — сказал Иенсен, — проклятая бомба. Мы потеряли управление.

Это была очень длинная для него фраза.

Я вышел на ходовой мостик. На воде расплывались радужные масляные круги. Возле горящих транспортов суетились спасательные лодки. Несколько шлюпок и моторных баркасов подбирали команду затонувшего эсминца.

По палубе пронесли на носилках незнакомого мне матроса. Кажется, он был уже мертв. Матросы, которые несли носилки, скосив глаза, смотрели на юг. Я тоже посмотрел на юг. Горизонт пока был чист. Два эсминца ставили дымовую завесу. Черный дым стлался низко над водой.

Мы все еще крутились на месте. Дигирнес торопливо прошел в радиорубку. Он пробыл там четверть часа и вышел очень озабоченным. На флагманском крейсере вверх по флагштоку побегала вереница сигнальных флажков. Видимо, сигнал был адресован нам, потому что все вокруг подтянулись. Дигирнес что-то приказал, и на «Олафе» подняли такие же флажки.

— Что это? — спросил я.

— «Желаем удачи». — Дигирнес положил мне руку на плечо. — Вы сразу попали в хорошую переделку, мой друг. Я откажусь от буксира. Я не могу задерживать караван. Постараемся справиться своими силами и догнать их завтра.

Караван медленно уходил на восток. С юга все шире расплзалась полоса дымовой завесы. В багровом дыму догорали два транспорта. Мы остались одни посреди холодного моря.

4

Ночью с Атлантики потянул ветер. К утру разыгрался настоящий шторм. О ремонте не могло быть и речи. Дигирнес, маневрируя машинами, только пытался держать «Олаф» против волны. Нас несло штормом на северо-восток. Утром «Олаф» запросили по радио с флагмана. Дигирнес ответил, что все в порядке и скоро надеется нагнать караван. Он хорошо понимал, что попытка пробиться к нам на помощь может дорого обойтись другим кораблям.

На второй день в трюмах показалась вода. Найти пробоину не удалось — по трюму, сорвавшись с найтовых, с грохотом двигались мои драгоценные ящики со станками.

На третий день механик доложил, что топлива до Мурманска не хватит. Дигирнес остановил машины и разрешил сообщить кодом о нашем положении. Но на отчаянные призывы радиста «Олафа» никто не отозвался. «Олаф» уносило все дальше на северо-восток. Транспорт дал заметный крен на левый борт — помпы не справлялись с откачкой воды.

Я встретился с капитаном в кают-компании, куда он заскочил на секунду выпить горячего чая.

— Где мы? — спросил я.

— У черта в пекле. — Дигирнес прислушался к вою ветра.

— И надолго?

— Не знаю... — Капитан, обжигаясь, допил чай. — Уповайте на милосердие божие... Тут есть островок — ничья земля...

Он не договорил — не хотел искушать словами судьбу.

Вбежавший матрос позвал капитана в радиорубку. Дигирнес, оставив стакан, бросился к трапу. Я поспешил за ним.

Молодой англичанин-радист с воспаленными от бессонницы глазами радостно метнулся навстречу капитану.

— Ну? — спросил Дигирнес.

— Нам отвечают. Вот радио, — радист протянул бланк радиограммы и счастливо улыбнулся.

Он плавал первый год, и ему, видно, было очень жутко один на один с оглохшим эфиром. Дигирнес, взглянув на бланк, нахмурился.

— Почему открытый текст?

Улыбка сползла с лица радиста.

— Я дал «SOS»...

— Что?!

— Я думал... Теперь все равно...

— И наши координаты?

Радист попятился.

— Мальчишка!

Я на всякий случай встал между радистом и капитаном. Дигирнес шумно вздохнул.

— Я предам вас военному суду. Кто это? — он потрянул радиограммой.

— Не знаю... Я поймал не сразу... Они радировали по-английски.

— Запросите — кто?

Радист кинулся к передатчику.

— Кодом?

Дигирнес махнул рукой. Застучал ключ. Мы молча ожидали ответа. И снова по какой-то причине радисту не удалось принять начала ответной радиограммы. Под писк морзянки его карандаш стремительно бежал по бумаге.

«...Следуйте нашим указаниям, — писал он по-английски. — Держитесь норд-ост-норд». — Дальше шли градусы и румбы. Связь оборвалась. Несмотря на все старания радиста, неизвестная радиостанция не отвечала.

Мы с Дигирнесом вышли из радиорубки. Капитан вызвал к себе Иенсена и главного механика. После короткого совещания механик ушел. Дигирнес сам встал к машинному телеграфу. «Олаф» тяжело развернулся. Мы легли на норд-ост-норд.

5

Было еще светло, когда впереди показалась извилистая полоса берега. Радист принял обрывок новой радиограммы. Там опять уточнялся наш курс к острову. Дигирнес подчинился этому указанию. Трудно было предположить, что так далеко на севере мог оказаться враг.

Мы вошли в узкий, глубоко вдающийся в сушу залив. Здесь было тихо. Ветер остался позади.

Я стоял на мостике рядом с Дигирнесом. В наступившей тишине звонко кричали птицы. Чайки кружились над нашей палубой. По сторонам залива лежал пологий берег. К нему нетрудно было пристать.

Вся свободная от вахты команда была на баке. Люди молча смотрели на приближающуюся землю. Дигирнес, не снимая руки с машинного телеграфа, негромко командовал рулевому. «Олаф» осторожно продвигался вперед.

— Кажется, вам придется представить радиста к ордену, — сказал я.

Капитан, не ответив, перебросил ручку телеграфа на «малый». И тут же палуба ушла у меня из-под ног. Я едва успел вцепиться в поручни.

Дигирнес рванул ручку на «самый полный назад», но «Олаф» даже не шелохнулся.

— Камни... — глухо сказал Дигирнес. — Их нет в лоции...

Транспорт быстро кренился на левый борт. Дигирнес поднял мегафон.

— Всем покинуть корабль!

Команду будто смело с бака.

Я попытался пробраться в каюту за вещами. Корабль продолжал стремительно валиться на борт. В переборках заклинило двери. Я с трудом вернулся обратно на палубу. Ее уже заливала вода. «Олаф» почти лежал на боку. Шлюпки были спущены. В них прыгали люди. У борта дрались за спасательные круги. Дигирнеса нигде не было видно.

Через мгновение шлюпки отвалили. Опоздавшие бросались вплавь. И тут на палубе вновь появился Дигирнес. Он вылез из своей каюты с какой-то тряпкой и небольшим мешком под мышкой. Увидев шлюпки, он взволнованно закричал по-норвежски, но его никто не услышал. Придерживаясь за палубные надстройки, Дигирнес не спеша двинулся к корме. Где-то в глубине корабля послышалась музыка.

Вслед за Дигирнесом я перебрался на противоположную, поднимающуюся вверх палубу. Дигирнес задержался у флагштока, дернул фалреп. Британский флаг пополз вниз. Теперь я узнал музыку — это была знакомая пластинка Грига. Капитан оставил в своей каюте заведенный патефон.

Дигирнес сорвал восьмилучевой «Юниор Джек» и привязал к шнуру принесенное полотнище. Его сразу рвануло неожиданно налетевшим ветром. Вверх по флагштоку пополз красно-синий флаг Норвегии.

Две шлюпки, бешено загребая веслами, стремились скорей отойти от тонущего транспорта. Между ними виднелись барахтающиеся в воде люди.

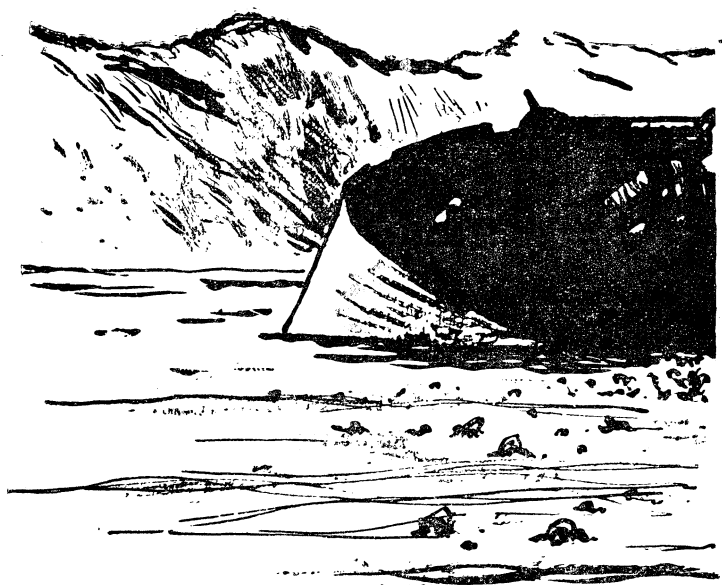
Дигирнес дождался, пока флаг достиг вершины мачты, потом бросил взгляд на опустевший корабль. Скользя по настилу, он дотянулся до высокого правого борта. Меня он не заметил. Неожиданно легко старик перебросил свое тело через поручни и с силой оттолкнулся, стараясь прыгнуть возможно дальше.

Я бросился за ним, в первый момент даже не почувствовав обжигающего холода воды.

Я успел сделать всего несколько взмахов, как позади послышался тяжелый всплеск и слившийся с ним отчаянный крик людей.

Внезапное течение цепко потащило назад. Я рванулся изо всех сил. Только очутившись, наконец, в спокойной воде, я рискнул обернуться.

«Святой Олаф» уходил под воду вверх килем. Перевернувшись, транспорт обрушился на тех, кто пытался спастись с противоположной стороны. Я понял, что кричал Дигирнес своим товарищам. В последний момент он хотел предупредить их о грозящей опасности.

6

Плыть было трудно. Тяжелый меховой комбинезон тянул вниз и не давал как следует взмахнуть руками. Но надвухшаяся пузырем на спине куртка поддерживала на воде.

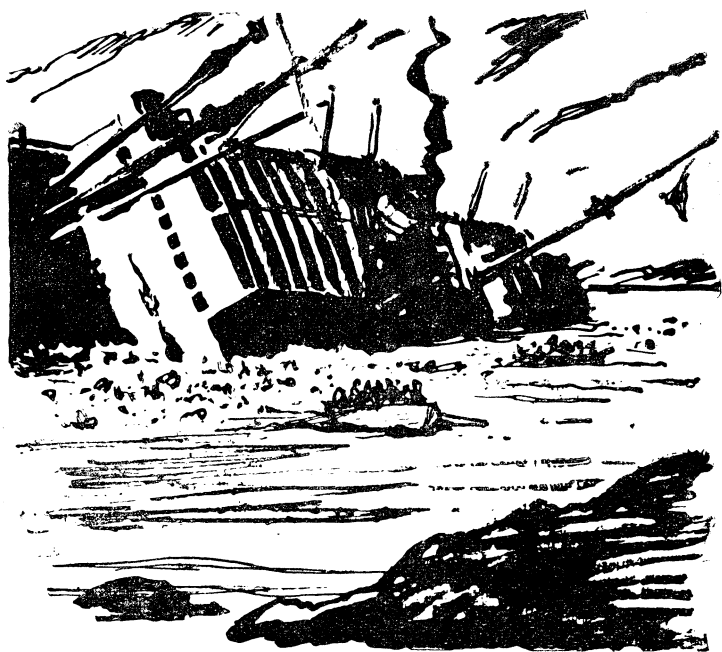
Дигирнес скоро исчез из виду. Я уже совсем выбился из сил, когда ударился головой обо что-то твердое. Впереди был крепкий береговой лед. Срывая ногти, я выбрался из воды и, отдышавшись, направился к заснеженной земле.

Кругом было тихо и пусто. Мне стало страшно.

Я побежал вдоль кромки льда, огибая залив. Мела легкая поземка. Вода в заливе чуть рябила. «Олафа» уже не было видно. Казалось, ничего не случилось у этих тихих берегов.

Я долго бежал, подгоняемый холодом и страхом. Наконец впереди за снежной поземкой показалась неподвижная фигура. Кто-то стоял на коленях с раскрытой книгой в руках.

Я подошел ближе. Это был капитан Дигирнес. Перед ним распростерся навзничь человек. Капитан молился. Я заглянул через его плечо. На снегу лежал Иенсен. Он был

мертв. Снег засыпал страницы старой библии. Капитан заметил меня, но не пошевелился, пока не закончил молитвы.

Потом мы вместе завалили тело штурмана камнями и снегом. Дигирнес был сосредоточен и молчалив.

Стряхнув снег, капитан бережно спрятал библию в резиновый мешок. Там лежали компас, секстант, хронометр и судовой журнал «Святого Олафа».

Дигирнес записал в журнал несколько строк несмысленным карандашом. Потом медленно, так, чтобы я понял, прочел написанное. Это было краткое сообщение о гибели «Олафа» с упоминанием координат, даты и часа. Затем было указано место, где похоронен штурман Роал Йенсен. Капитан попросил меня расписаться вместе с ним под этой записью.

Мы двинулись дальше, обходя глубоко вдающийся в сушу залив.

Капитан угрюмо молчал, и я никак не мог решиться спросить его: кто же все-таки дал радиogramму, приведшую нас к этому острову?

На противоположной стороне залива мы натолкнулись

на остатки разбитой шлюпки с «Олафа». Мы обшарили каждый сантиметр земли и льда вокруг, но так и не нашли следов людей. Поземка еще не могла занести их, если бы кто-нибудь добрался до берега...

Становилось все холодней. Промокший комбинезон не грел. Мы наломали досок от разбитой шлюпки и сложили костер. В мешке Дигирнеса рядом с пачкой табака и трубкой оказался припасенный коробок спичек. Но доски никак не хотели гореть. Напрасно мы щепали тончайшие лучинки и, тщательно заслонив их от ветра, подносили к ним спички. Они гасли одна за другой, не успев передать своего слабого тепла мокрому дереву.

Я пошарил по карманам. Там не оказалось ничего, кроме распознейшей пачки сигарет. Я вставал, садился, снова вставал, ходил, но уже ничем не мог унять бьющую тело дрожь. Послышался шорох. Я обернулся. Капитан держал в руках судовой журнал и старинную библию Дигирнесов. Какое-то мгновение капитан как бы взвешивал обе книги, затем сунул судовой журнал обратно в мешок.

Затрещали вырывааемые из библии листы. Дигирнес поднес к ним спичку. Это было, вероятно, самое полезное использование «священного писания» за всю историю христианства.

Костер разгорелся. От мокрой одежды потянулся парок. Капитан достал из кармана плоскую фляжку, отвинтил крышку.

— Глотните, это подкрепит вас. А что касается будущего... — он вытащил из своего мешка отлично смазанный пистолет и несколько обойм. — Я думаю, нам удастся добыть какую-нибудь дичь.

Спирт обжег горло, разбежался теплом по телу.

Капитан вынул карту и при свете костра показал, где мы находимся. Это был довольно большой остров в западной части Баренцева моря, километрах в трехстах от материка. Дигирнес сказал, что нам следует идти на север к Шпицбергену — там база англичан. Но я совершенно не представлял, как мы сможем добраться туда без продовольствия и транспорта.

— Никто не знает меры сил человеческих, — сказал Дигирнес. — Здесь, — Дигирнес указал на крошечный островок примерно на полпути к Шпицбергену, — здесь была русская научная станция. Если даже люди теперь ушли, то мы все равно найдем там продовольствие и топливо. Это первый закон Арктики: оставлять все для возможного пришельца. В крайнем случае мы там перезимуем.

— Скажите, Дигирнес, — спросил я, — а здесь... на этом острове никого нет?

— Это ничья земля, — не сразу отозвался капитан. — Судя по карте и лощи, здесь нет людей. Я бы очень хотел, чтобы эти сведения оказались достоверными.

На следующий день было пасмурно. Чуть таяло. Под ногами проваливался мягкий снег.

Дигирнес, сверяясь с компасом, держал направление строго на север. Он шел быстро, чуть неуклюжей перевалистой походкой. Казалось, он хотел как можно скорей уйти от места, где погиб его корабль.

Все сильнее давал о себе знать голод. Выпитый утром спирт только разжег аппетит. Почти из-под ног вспорхнула стайка каких-то птиц, похожих на небольших уток. Не боясь людей, птицы снова опустились неподалеку. Остановив Дигирнеса, я потянулся к пистолету, но капитан решительно отвел мою руку.

— Не надо лишнего шума. Мы должны быть очень осторожны, мой друг...

К вечеру снова поднялся ветер. Метель застлала все вокруг, но капитан упрямо продолжал идти, ежеминутно сверяясь с компасом. Ветер пробирал до костей, однако все заглушало сосущее ощущение голода.

За стеной снега ничего не видно, кроме смутно темнеющей впереди фигуры Дигирнеса. Чувство времени потерялось. Кажется, что долгие годы мы идем по этой белой равнине. Мне уже все равно: придем ли мы куда-нибудь. Я только твердо знаю, что надо шагать, шагать и шагать без конца, потому что если я остановлюсь хоть на секунду, то потом уже не смогу двинуться с места.

Внезапно наталкиваюсь на какое-то препятствие. Очевидно, я все-таки задремал на ходу и уткнулся в спину Дигирнеса.

— На сегодня хватит, — говорит он. — Отдых.

Хочу тут же опуститься на снег, но капитан куда-то еще тянет меня. С подветренной стороны невысокого холма он быстро разбрасывает мягкий снег. Я машинально помогаю ему. Мы опускаемся в открытую яму. Здесь тихо. Метель пронесится сверху. Дигирнес чем-то шуршит в темноте и сует мне остро пахнущую щепотку трубочного табака.

— Пожуйте, это заглушит голод...

Я предпочитаю закурить. Дигирнес не без колебаний отрывает четвертушку чистой страницы судового журнала. Закурив, чувствую себя вполне сносно. Только очень стыннут ноги. Но Дигирнес знает, как помочь и этому. Он снимает свою куртку и накидывает ее, не надевая в рукава. Мне он предлагает сделать то же самое. Застегиваем все пуговицы на груди и засовываем ноги за спину друг другу. Получается, что мы лежим валетом в спальном мешке. Мои ноги согреваются у спины Дигирнеса.

— Спите... — говорит он. — Надо спать... Завтра...

Конца фразы я уже не слышу.

Проснувшись, я никак не могу сообразить, где нахожусь. Сверху навис белый снежный купол. Его намела за ночь метель. Дигирнеса рядом нет. Я пробил головой потолок «пещеры».

Снова серый пасмурный день. По-прежнему крутит вьюга. Дигирнес сидит на корточках, что-то колдуя с картой.

Болят голова. Во рту тяжелый медный вкус. Капитан протягивает фляжку.

— Выпейте... Два глотка, не больше... Будь у нас пища, мы просто переждали бы метель. А сейчас надо идти.

И снова нас обступает плотная стена вьюги.

«Сто сорок два, сто сорок три, сто сорок четыре...» — механически подсчитываю шаги.

Я сбиваюсь, перескакиваю через десятки и сотни и снова продолжаю бесконечный счет. Ни единого звука не пробивается сквозь шум вьюги. Кажется, там, за стеной метели, лежит земля мертвой тишины.

«...Четыре тысячи семьсот шестьдесят семь, четыре тысячи семьсот шестьдесят восемь, четыре тысячи семьсот шестьдесят девять...»

И вдруг... Я останавливаюсь. Сквозь шум ветра послышался далекий собачий лай... Нет, это наверняка помешало. «Четыре тысячи семьсот...» Но Дигирнес тоже останавливается и напряженно прислушивается. И снова сквозь вьюгу явственно доносится собачий лай.

Несколько секунд мы стоим неподвижно, потом, не сговариваясь, поворачиваем и бежим на этот звук.

Из-за пелены снега неожиданно вынырнула решетчатая радиомачта. В стороне темнел длинный приземистый барак. Из трубы валил разгоняемый ветром дым.

Осторожно, пригибаясь к земле, мы обогнули дом. Позади дома, у небольшой пристройки, стояли нарты с упряжкой собак. Чуть поодаль виднелась площадка с деревянными будочками на столбах — метеостанция.

Увидев нас, собаки залаяли с новой силой. Из пристройки вышел человек. Мы спрятались за угол дома. Человек внимательно осмотрелся вокруг, стараясь понять, что взволновало собак. Мы напряженно следили за ним.

Человек был в толстом свитере и брюках, заправленных в меховые сапоги. Самое обыкновенное, обветренное на морозе лицо под вязаной, как у лыжника, шапочкой. Кто он — друг или враг?

Человек наклонился и, успокаивая, ласково потрепал по шее вожака упряжки. Вероятно, это был простой симпатичный парень. Вот сейчас он с добродушной грубоватостью скажет:

— Цыц! Ну, что расходились, кабыздохи?!

Я невольно подался вперед.

— Куш! — сказал человек в свитере. — Klappt die Fressen zu die Sauhundel! *

Вздрогнув, я отпрянул назад, но было уже поздно. Немец поднял голову. Наши взгляды встретились.

Резкий толчок отбросил меня в сторону. Дигирнес кинулся на немца. Они покатались по земле. Старик пытался вцепиться руками в горло противника. Немец был моложе и увертливее. Оправившись от неожиданности, он вскочил на ноги.

Я подоспел как раз вовремя. Но, падая вторично, немец с шумом распахнул дверь в пристройку.

— Kurt! — послышалось оттуда. — Was ist denn los? **

Оставив оглушенного немца, я помог подняться капитану. Задохнувшись, он не мог говорить и только жестом указал на сани. Мы прыгнули в них. Ударом ножа Дигирнес перерубил веревку, удерживающую нарты, и гортанно крикнул. Собаки понесли.

Из пристройки выскочил еще один немец. И уже позади, за скрывшей нас метелью слабо хлопнуло несколько выстрелов.

9

Дигирнес оказался неплохим каюром. Размахивая длинным шестом, он ловко управлял собаками. Раньше я видел нарты только на рисунках и думал, что собак запрягают всегда попарно цугом, как лошадей в старинные кареты. Здесь же они были привязаны веером — каждая к передку саней. Все постромки были разной длины, и передняя собака мчалась со всех ног, а остальные стремились вцепиться ей в пятки.

Я растянулся в санях. С новой остротой захотелось есть. Пошарив в санях, нащупал мешок. В нем были какие-то жесткие, плоские предметы. Я развязал мешок. Там лежала высушенная до твердости камня рыба — юкола. Впервые в жизни я держал ее в руках. Немцы, видно, собирались в дорогу и положили ее в сани для собак. Рыба оказалась совершенно безвкусной и невероятно жесткой, но все-таки это была еда. Я протянул рыбину Дигирнесу. Тот что-то пробормотал, и юкола затрещала у него под зубами.

К ночи мы остановились под откосом на берегу замерзшего ручья. Опять нашли место для ночлега с подветренной стороны. Капитан кинул собакам по рыбине, а потом перевязал им морды обрывками ремня, чтобы ночью не перегрызли постромок.

Мы заснули в кольце собак. От их шерсти шло тепло и острый запах псины.

* Закройте пасти!

** Курт! Что там такое?

Проснулся я от света. Надо мной висело голубое небо. Слепило солнце. Мир был чист, красив и праздничен.

— Проснулись? — послышался хмурый голос Дигирнеса. Он стоял на откосе. — Я уже хотел вас будить... Идите сюда.

Я поднялся к нему.

И тут же радость солнечного утра сменилась глухой тоскливой тревогой: по снежной целине тянулся к горизонту отчетливый, одинокий след наших саней...

Весь день капитан Дигирнес менял направление, напрасно пытаясь найти твердый наст, — проклятый след, как маршрут, прочерченный на ватмане, отмечал каждый метр нашего пути.

Собаки скоро выбились из сил. Дигирнес без устали работал шестом, заставляя их бежать. В конце концов одна упала и не смогла подняться. Вся упряжка смешалась, перепутав постромки. Мы долго не могли растащить собак. Наконец Дигирнес обрезал ремень и бросил обессиленную собаку в сани.

Во второй половине дня небо затянулось, по земле понеслась поземка. Появилась надежда, что наш след занесет и мы уйдем от погони. Капитан решил дать отдых измученным собакам. Они, так же как и мы, получили по юколе, Дигирнес набил свою трубку, я тоже принялся за сигарку. И тут мы увидели своих преследователей.

Две упряжки выскочили на гребень холма, с которого мы только что спустились.

Насилу подняв собак, Дигирнес погнал нашу упряжку. Впереди оказался глубокий снег. Собаки сразу провалились по брюхо. Немцы же мчались по проложенной нами колее.

Сзади раздалась автоматные очереди. Стреляли в воздух. Что-то кричали. Наверное, предлагали сдаться. Дигирнес обернулся. Я понял его немой вопрос и покачал головой. Капитан протянул мне пистолет.

— Я займусь собаками...

Очень неудобно стрелять с подпрыгивающих саней, да еще из незнакомого пистолета, но все-таки мне удастся подстрелить собаку в передовой упряжке.

Мгновенно смешался живой клубок — из перевернувшихся саней сыплются люди. Снова трещат автоматы. На этот раз стреляют уже не в воздух. Очереди вспарывают фонтанчики снега у наших саней.

Мы выигрываем несколько метров, но вторая упряжка выскакивает вперед и быстро приближается. Мне никак не удастся попасть в мчащийся мохнатый веер. Немцы частыми очередями не дают поднять головы. Я оглядываюсь. Дигирнес, не обращая внимания на выстрелы, привстав на колени, неистово погоняет собак. Я старательно прицеливаюсь в черное пятно на лохматой груди вожака упряжки. Нажимаю спуск один раз, второй...

Нарты преследователей резко заносит в сторону. Собаки вцепляются в упавшего вожака.

Я слышу гортанный крик Дигирнеса, погоняющего упряжку. Вдруг крик обрывается... Нарты переворачиваются, и я чувствую, как лечу в сторону. Что-то тяжелое ударяет меня по голове. Сразу исчезает все. Наступает полная тишина.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Сначала послышались голоса. Мне показалось, что я в школе сдаю экзамен по немецкому языку и никак не могу понять вопроса нашего седого Фридриха Адольфовича. Потом из темноты проступили ноги. Много ног. В меховых сапогах и тяжелых горных ботинках. Они возвышались надо мной.

Очень болит висок. Я пытаюсь потрогать его, но кто-то грубо отталкивает руку и, приподняв мне голову, обматывает ее чем-то холодным и плотным.

Ноги расступаются. Все приобретает истинные размеры. Я просто лежу на снегу. Напротив на санях сидит человек в меховой куртке. У него худощавое, гладко выбритое лицо. Глаза прикрыты темными очками. Он перелистывает книгу, в которой я узнаю судовой журнал «Олафа». Этот человек, видимо, старший. К нему обращаются «герр лейтенант».

Неподалеку темнеет какая-то бесформенная грудка. Я сканиваю глаза. Широкая спина, седые спутанные волосы и босые, нелепо, острым углом подогнутые ноги.

Двое немцев переворачивают тяжелое тело. На секунду мелькают знакомый вислый нос и седая щетинка усов... Тело скатывается в неглубокую яму. Его забрасывают снегом. Немцы торопятся. Из-под тонкого слоя снега остается торчать оттопыренный большой палец босой ноги.

— Wo sind die anderen? — спрашивает человек, бинтовавший мне голову.

Понимаю: он спрашивает, где остальные, — но что я могу ответить?

Человек повторяет вопрос по-английски. Он повышает голос, сердится. Мне все равно. Я вижу только кончик большого пальца, торчащий из-под тонкого слоя снега.

Человек отбрасывает меня навзничь. Он заносит ногу в тяжелом горном ботинке для удара.

Чей-то резкий голос останавливает его. Нога опускается. Надо мной склоняется лейтенант в темных очках. В руках у него судовой журнал, раскрытый на последней странице. Он пристально вглядывается в мое лицо. Я закрываю глаза. Мне все равно. Лейтенант отдает какое-то распоряжение. Меня поднимают за руки и за ноги. Должно быть, я сейчас тоже окажусь в неглубокой яме, как Дигирнес.

Нет, я падаю в сани, больно ударившись локтем об борт. Меня наскорю связывают.

Упряжки трогаются. В санях только я и лейтенант. Он управляет собаками.

За холмом первая упряжка сворачивает на юго-запад. Очевидно, направляется к месту гибели нашего корабля. Немцы что-то кричат лейтенанту. Тот, мельком взглянув на меня, пренебрежительно машет рукой и придвигает ближе лежащий в санях автомат.

Мы остаемся вдвоем. Лейтенант сворачивает на юг. Упряжка бежит по проложенной нами колее. Мы направляемся к немецкой базе.

2

Подпрыгивали сани, убегала назад бесконечная белая равнина, а впереди маячили спина лейтенанта и его прямые, будто прочерченные по линейке, плечи.

Я попробовал пошевелить онемевшими руками.

Постепенно мне удалось высвободить правую руку. Но веревка на ногах только плотней врезалась в тело. Я не думал о побеге, но инстинктивно замирал, когда лейтенант бросал быстрый взгляд через плечо. Кажется, он ничего не заметил.

Резкий поворот едва не выбросил меня из саней. Лейтенант что-то кричал, размахивая шестом. Приподнявшись, я увидел серый комочек, несущийся вверх по откосу. Какой-то зверек. Вероятно, песец. Захлебываясь от охотничьего азарта, собаки мчались за ним, не обращая внимания на

отчаянные крики лейтенанта. Наконец, с силой воткнув шест в снег перед санями, он остановил упряжку. Забыв обо мне, лейтенант бросился к собакам. В этот момент я понял, что мои ноги тоже свободны: при крутом повороте лопнула туго натянутая веревка.

Впереди торчал воткнутый в снег шест. Лейтенант возился с упряжкой. Схватив жоака за шиворот, он пытался заставить собак вернуться на прежний путь. Его прямые плечи были наклонены параллельно земле.

Я привстал, выдернул шест и, размахнувшись, с силой опустил его. Очень хорошо помню, что метил попасть не в голову, а именно по этим острым прямым плечам. От удара лейтенант увернулся, но, споткнувшись, упал. Автомат отлетел в сторону. Я вывалился из саней и очутился возле него раньше противника.

— Лежать! — крикнул я по-русски, забывая, что лейтенант вряд ли может понять приказание. — Ни с места!

Как ни странно, но немец тотчас повиновался. Я навалился на него сзади, приставив к затылку дуло автомата. Лейтенант замер. Я заломил ему руки назад и скрутил веревкой. Чуть отдышавшись, на всякий случай связал и ноги. Проверил узлы. Получилось неплохо, как будто я всю жизнь только и делал, что связывал людей.

Я обыскал лейтенанта. Под курткой у него оказался парабеллум в треугольной кобуре. В карманах — пачка сигарет и бумажник. В бумажнике лежало удостоверение на имя лейтенанта Иоганеса Риттера 1904 года рождения,

тонкая пачка писем и фотография молодой женщины с двумя мальчиками: один — лет шести, другой — восьми. На письмах были штемпеля полугодовой давности.

Парабеллум и сигареты я взял себе, а фотографию и все остальное засунул обратно в карман лейтенанта.

Потом, присев на край нарта, закурил. Я не спешил.

3

Собственно, выбор был невелик. В нескольких километрах к югу лежала немецкая база. На севере дорог каждый человек, и вряд ли меня бы просто уничтожили. Скорей всего использовали бы на каких-нибудь черных работах.

В трехстах километрах к северу по-прежнему чуть брезжила слабая надежда на спасение. Но теперь мне предстояло преодолеть этот путь одному, без помощи надежного и опытного друга.

Затянувшись в последний раз, я отбросил догоревшую до самых губ сигарету. Тщательно подсчитал свои «трофеи». В моем распоряжении были сани с упряжкой собак — разлегшись полукругом, они устало грызлись между собой. Автомат и к нему два запасных магазина. Парабеллум. Охотничий нож. В санях лежал спальный мешок на каком-то легком и, наверное, очень теплом пуху. Мешок был большой, при желании в нем могли поместиться даже два человека. Судовой журнал «Олафа», карта, компас, секстант, хронометр и даже фляжка капитана Дигирнеса были целы. В рюкзаке лейтенанта оказались две банки консервов, несколько галет, котелок, спиртовка, пачка сухого спирта и баночка с кофе — судя по запаху, суррогатным. Кроме того, там лежали пакеты с каким-то белым порошком. В длинной надписи на них я смог разобрать только часто повторяющееся слово «химическое». Что-то явно несъедобное. В общем припасов было немного, но вполне достаточно одному человеку дня на четыре, если, конечно, быть экономным.

Я посмотрел на Риттера. Он перевалился на спину. Веревки на его ногах сдвинулись. Он тоже пытался освободиться. За темными стеклами очков не было видно глаз лейтенанта, но я чувствовал, что он неотступно следит за мной.

Я не пустил в ход автомата сразу. Теперь уже это было невысказано. Заставить себя выстрелить в связанного по рукам и ногам человека я не мог. Оставить его лежать на снегу? В сущности, то же самое. Даже хуже. А потом, если он все-таки выпутается из веревок и доберется до своей базы? Через несколько часов немцы догонят меня...

Смеркалось. Надо было уходить. Я подтащил связанного лейтенанта и взвалил его на нарты. Потом сел сам, взял шест и горланно крикнул, подражая капитану Дигирнесу. Однако упряжка не двинулась с места. Напрасно кричал я на все голоса и яростно размахивал шестом.

Должно быть, я что-нибудь не так делал или эти проклятые псы не понимали по-русски. Они уселись в кружок и с любопытством смотрели на меня.

Охрипнув, я решил отказаться от упряжки. Вероятно, позже я не сделал бы такой самоубийственной глупости, но тогда мой полярный стаж измерялся всего двумя сутками. К тому же из головы не выходил выдавший нас с Дигирнесом предательский след. Я решил сбить с толку преследователей.

«Выгрузив» из саней Риттера, я сложил в два заплочных мешка продовольствие и немудреное снаряжение. Потом обрубил постромки, удерживающие вожака, и изо всей силы хлестнул лохматого пса. Он с визгом кинулся в сторону. Повинуясь инстинкту, упряжка тут же бросилась за ним в погоню. Теперь они уже не скоро должны были остановиться.

Лейтенант, приподнявшись, с удивлением следил за мной. Но когда я, справившись с собаками, обернулся, он тут же опять бесстрастно откинулся в снег.

Перевернув его вниз лицом, я перерезал веревки.

— Встать! — скомандовал я. — Ауфштеен!

Лейтенант поднялся, разминая затекшие ноги. Знаком я предложил ему надеть свой мешок. Риттер повиновался. Сверившись с компасом, я выбрал направление на север.

— Вперед! — сказал я, выразительно приподняв автомат. — Форвертс!

Лейтенант шагнул вперед.

— Шнеллер! Шнеллер! — торопил я.

Надвигалась ночь. Моя третья ночь на этой земле.

4

До утра я не сделал ни одного привала. Было сравнительно тепло. В лицо ударяла поземка. Она заметала след. Очень болела голова. У правого виска выросла огромная опухоль. Я все время прикладывал к виску холодный снег.

Впереди маячила прямая спина лейтенанта. Мне нельзя было показывать свою слабость. И едва Риттер замедлял шаги, как я бросал короткое: «Форвертс!»

Он снова уходил вперед, и уже надо было напрягать все силы, чтобы догнать его, не дать раствориться в густой вьюжной мгле. И, догнав, снова упереть в спину автомат и крикнуть:

— Шнеллер! Шнеллер!

К рассвету я был совершенно вымотан, а Риттер по-прежнему шел ровной походной человека, привыкшего к большому переходам.

— Стоп! — сказал я, чувствуя, что еще шаг и свалюсь в снег. — Хальт!

У меня хватило сил отыскать сравнительно защищенное от ветра место.

Очень хотелось горячего кофе, но я боялся надолго за-

держиваться. Все-таки не удержался от соблазна разогреть на спиртовке консервы.

Пока я возился с завтраком, Риттер сидел на снегу, в двух шагах от меня, прямой, с виду спокойный и безучастный. Темные очки скрывали выражение его глаз.

От банки потянул пахнувший мясом парок. Дольше ждать было свыше моих сил. Я перекинул за спину автомат, передвинул ближе к поясу пистолет и незаметно расстегнул кобуру.

— Битте! — сказал я, снимая с огня банку. Мне приходилось мобилизовать весь багаж школьных познаний в немецком языке. — Эссен!

Я вывалил в котелок полбанки консервов и разделил еще раз точно пополам. Риттер никак не откликнулся на мое приглашение. Я выложил свою долю на крышку котелка, а котелок и одну галету поставил возле лейтенанта. Поколебавшись, он взял свою порцию. Мы ели маленькими глотками, не торопясь, как на дипломатическом рауте.

Хотелось сдобрить консервы хорошим глотком спирта, но то, что уцелело в фляге Дигирнеса, надо было сохранить на крайний случай.

После еды боль в голове утихла. Нестерпимо захотелось спать. Я заставил себя подняться.

— Ауфштейен! — сказал я. — Шнеллер!

Риттер, приготовившийся отдохнуть, изумленно повернулся.

— Форвертс! — сказал я.

5

Ветер дул теперь в спину. Идти стало легче. Но Риттер замедлял шаги. Он никак не хотел уходить далеко от базы, поминутно останавливался, поправлял меховые сапоги, снаряжение.

Мы поднялись на пологий холм. Я узнал место. Здесь нас вчера догнали немцы. Метель успела занести следы сапней. Если бы она началась несколькими часами раньше... Знаком приказал Риттеру свернуть направо.

Тщетно искал я следы могилы Дигирнеса. Снег выровнял все в спокойное белое полотно. Невольно сжались кулаки. Кто-то должен ответить за гибель «Олафа», за смерть Дигирнеса, за все, что случилось на этой пустынной земле... Риттер взглянул мне в лицо и, не дожидаясь приказа, тропливо зашагал на север.

К ночи нас настигла пурга. Пришлось остановиться. Риттер даже помог мне вытоптать яму с подветренной стороны холма.

Спиртовку на таком ветру разжигать невозможно. Делю оставшиеся полбанки консервов и выдаю еще по одной галете. На этот раз Риттер сразу принимается за еду. Со стороны поглядеть — просто два друга, застигнутые непогодой, расположились на привал.

Покончив с ужином, устраиваемся на ночлег. Снова на-

чинает зудеть ссадина на голове. Надо бы ее перевязать, но сейчас это невозможно. Слева от меня лежит Риттер, справа под рукой автомат.

Стынут ступни. Я вытаскиваю спальный мешок, засовываю туда ноги.

Мороз дает о себе знать. Риттер ворочается, встает, снова ложится. Наконец садится и пытается прикрыть ноги полой меховой куртки. Я не выдерживаю. Мешок широкий, в нем еще много места.

— Идите сюда, — говорю я, расправляя мешок. — Комм хир! — Какую-то секунду лейтенант колеблется, но, наконец, решается. Он даже снимает сапоги.

— Хенде! — приказываю я. — Дайте руки!

Лейтенант настороженно протягивает руки. Я связываю их у запястья, но не туго, так, чтобы он мог все-таки двигаться ими. Мы вытягиваемся рядом в одном мешке.

Риттер шевелит ногами, устраиваясь поудобнее. Потом поворачивает ко мне голову.

— Табак! — говорит он. — Сигарет!

Это первые услышанные мной слова. Я достаю сигарету, подношу ее прямо ко рту лейтенанта.

— Фоер! — просит он, щелкнув пальцами.

Протягиваю Риттеру его собственную зажигалку, закурываю сам.

Лейтенант затихает. Сквозь сапоги чувствую тепло его ног. В бок больно упирается неудобная треугольная кобура парабеллума. Вынимаю пистолет, потом все-таки вкладываю его обратно. Так лучше. Пусть мешает. Меньше шансов заснуть. Спать мне нельзя.

Риттер, докурив сигарету, поворачивается на бок. Кажется, он даже пробурчал что-то вроде «доброй ночи». Через минуту слышится его мерное посапывание. Но я не очень доверяю безмятежному посапыванию лейтенанта.

Я жду. Жду полчаса, час. Воеет пурга. Снег падает на лицо. Риттер уже похрапывает во сне. Проходит еще час и, наконец, я решаюсь произвести эксперимент.

К храпу лейтенанта присоединяется мое посапывание. Я даже присвистываю «во сне». Проходит минута, другая, третья... Лейтенант по-прежнему храпит. Кажется, он действительно заснул... И вдруг — осторожный толчок. Открываю глаза и встречаюсь с темными кругами очков. Риттер продолжает «храпеть». Поймав мой взгляд, он тут же откидывается назад.

Ну что ж, посмотрим, у кого окажется больше выдержки.

Главное — не думать о сне. Сейчас, например, мне гораздо больше хочется пить. Ловлю ртом холодные снежинки. Воеет пурга. Ветер намедает над нашей ямой сугроб.

6

Сугроб закрыл небо. Сквозь узкую щель пробивается тусклый свет. Воеет пурга... Сколько мы лежим в этой снежной яме? День, два, неделю? Мои часы стоят. Наверное,

в них попала вода. Я пытаюсь восстановить события. Была пурга, и тусклый рассвет сменялся густой темнотой ночи. Несколько раз мы ели. К сожалению, слишком мало. Во второй банке консервов вместо мяса оказалось густое желе, вроде мармелада. Осталось только несколько галет.

Мучительно хочется спать. Рядом мирно сопит Риттер. Но теперь я хорошо знаю, что он тоже не спит. Больше я не провожу экспериментов. Последний едва не стоил мне жизни. Несколько раз я притворялся спящим и каждый раз, почувствовав толчок, встречался со взглядом лейтенанта. Тут я не услышал толчка. Просто, закрыв глаза, сразу провалился в темную пропасть. Какая-то последняя клетка судорожно сопротивляющегося мозга заставила меня очнуться. Я поймал руки Риттера на кобуре пистолета. У меня в запасе был автомат, и лейтенант отступил.

Он ждет своего часа. Он не шел через весь остров пешком, не питался юколой, и у него нет даже царапины на теле. Надо было сразу накрепко связать ему руки. Сейчас, пожалуй, мне это уже не под силу. Я уверен, что смогу взять верх в тесноте нашего логова. Остается только ждать конца пурги. Кажется, стоит умолкнуть шуму ветра, нескончаемому шороху несущегося по равнине снега, и сейчас же перестанет хотеться спать.

Вообще надо думать о чем-нибудь другом. Интересно, например, зачем забрались на этот пустынный островок немцы? Что они делали на ничьей земле? Была эта станция единственной, или где-то они высадились еще? На «Олафе» я слышал немало рассказов о немецких рейдерах, пиратствующих на Севере. Среди них были крупные корабли вплоть до линкора «Тирпитц» и крейсера «Адмирал Шеер». Я подумал, что лейтенант Риттер мог бы оказаться бесценной находкой для работников союзной разведки...

«Ничья земля», — говорил Дигирнес... Как будто могло остаться что-то ничьим в этом расколотом надвое мире. Даже сюда, на Север, где нет никакой жизни, пришла война.

Сколько раз люди объявляли войну последней! И каждый раз начинали ее вновь. Но уж эта-то война обязательно будет последней. Мы не допустим новой. Верно, чтобы уничтожить войну совсем, и идет сейчас на всей земле этот смертный бой.

Потом я стал думать о том, какой станет жизнь после войны. Но тут я как-то ничего не мог придумать. Просто я понимал, что тогда будет очень тепло и никогда не станет сосать под ложечкой от голода. Разве только после долгой хорошей работы. И всегда будет тепло, очень тепло, даже жарко...

Очень жарко... Очень жарко было на той маленькой пыльной площади. Шумел рынок. Он был невелик — всегда два-три ряда, но шумел и играл красками, подобно любому южному базару. Желтые ядра дынь канталупок. иссиня-черные гроздья «изабеллы», полуметровые огурцы,

белые со слезой пласты сулугуни. Мы пробираемся между высокими арбами. В них судорожно бьются куры. Мы — это я и Нина. С самого утра мы лазали по холмам вокруг этого местечка под Сухуми.

В фанерной закускойной полумрак и относительная прохлада. Мы садимся за длинный, покрытый клеенкой стол.

Мы очень голодны, и у нас очень мало денег. В меню закускойной единственное блюдо — огненное чахохбили, в котором мало мяса и много нестерпимо острого соуса. Наших денег хватает только на одну порцию, так как нельзя удержаться от соблазна выпить холодного легкого вина. Но на столе стоит свежий чурек, и, если обмакнуть кусочки хлеба в расплавленный огонь соуса, получается великолепное блюдо. Кудрявый красавец в живописно замасленном фартуке ставит перед нами миску чахохбили и бутылку молодого вина.

— Кушай, пожалуйста, — говорит он Нине. — Кушай. Смотри, совсем худой!

Нина смеется. А я удивляюсь. Я не замечаю, что она действительно ужасающе худа, эта до черноты загоревшая девчонка. Не замечаю ни многострадального облупившегося носа, ни протертых на коленях спортивных шаровар, ни нелепых баранчиков кос — говоря объективно, они совсем не украшают мою подругу, но она не признает никакой другой прически. Мне просто приятно смотреть, как она смеется, глотает, обжигаясь, вымоченные в соусе кусочки свежего чурека, пьет мутноватое молодое вино. Я подымаю стакан.

— За нас!

Но Нина трясет головой.

— За всех!

Широким жестом она включает в тост и заботливого красавца грузина, и шумную компанию на противоположном конце стола, и пыльную площадь, и щедрый базар, и ослепительное солнце, и синее море, и весь этот необыкновенный день.

От холодного вина слегка ломит зубы.

— Кушай, — настойчиво произносит буфетчик, — кушай, пожалуйста. Только не спи...

И тут я понимаю, что сплю. Меня охватывает ужас. Еще не совсем понимаю почему, но твердо знаю, что ни в коем случае не должен спать. В следующий миг, еще не открыв глаз, осознаю, что рядом со мной лежит враг, уже давно, по-волчьи ожидающий этой минуты... Хватаюсь за кобуру. Пистолет на месте. Плечо ощущает жесткую грань магазина автомата.

Открываю глаза. В нашей пещере светло. Затих ветер. Слева от меня по-прежнему слышится равномерное посапывание. Поворачиваю голову. Риттер лежит лицом ко мне. Из полуоткрытого рта по-детски стекает струйка слюны. Он спит...

Он спит! Он заснул раньше меня!

Я разгреб снег. В глаза ударило солнце. Пурга кончилась. Сильно похолодало. Стояла удивительно прозрачная морозная тишина. Я чувствовал себя отдохнувшим. Риттер все еще спал. Интересно, какое будет лицо у лейтенанта, когда он проснется? Я уже повернулся к нему, как вдруг услышал какой-то хлопок.

Вдалеке стреляли. Донеслась характерная очередь немецкого автомата. Еще одна...

Я посмотрел на Риттера. Он лежал неподвижно, но я понял, что лейтенант проснулся и тоже напряженно прислушивается к стрельбе. Я вынул пистолет. Проверил, спущен ли предохранитель. Глядя прямо в темные стекла очков Риттера, сказал, не заботясь, поймет ли он меня:

— Учтите, я всегда успею выстрелить на секунду раньше...

И снова лег в яму. Мы лежали так близко, что я чувствовал учащенные удары его сердца. Выстрелы чередовались через равные промежутки: три одиночных, потом после паузы очередь, потом снова три одиночных и опять очередь...

Выстрелы приближались. Послышался лай собак. Затем неразборчивые голоса людей. И, наконец, скрип полозьев. Автоматная очередь прогремела чуть ли не над нашими головами. Риттер дернулся. Ствол пистолета уперся ему в грудь. Риттер застыл. Я чувствовал, как напряглось его тело. В левой руке у меня был наготове автомат. В случае чего у нас получится неплохой последний разговор.

Снова зазвучали выстрелы, но уже чуть дальше. Затих скрип полозьев. Смолкли голоса людей. Потом лай собак. Тело Риттера обмякло.

Где-то вдалеке последний раз прострочил автомат. Я отодвинулся от лейтенанта, с трудом разжал пальцы, вцепившиеся в рукоятку пистолета. Расстегнул комбинезон. По спине ползли струйки пота. Выждав немного, я осторожно поднялся. По снежной равнине уходил на юго-запад отчетливый след саней.

Весь остаток дня и ночь мы шли на север. Риттер шагал впереди, настороженно прислушиваясь к каждому звуку, но выстрелы больше не доносились.

Судя по карте, мы были недалеко от узкого пролива, отделявшего наш остров от крохотного скалистого островка на севере. Я еще не знал, как мы сумеем перебраться туда, но другого пути не было.

Идти было трудно. Ноги проваливались в высокий наметенный пургой снег. В эту ночь я впервые понял, что такое настоящая арктическая мороз. Риттер то и дело оттирал щеки и нос, а я, как ни берегся, вскоре обнаружил, что кожа на левой скуле ничего не чувствует.

В небе висела луна в три четверти, и наши длинные голубоватые тени медленно ползли по снежной целине. Я не

думал, что Риттер решится бежать при такой видимости, и все-таки он бросился в сторону, улучив момент, когда я барахтался в глубоком сугробе. Наверное, думал, что не посмею стрелять в звонкой ночной тишине. Но я выстрелил. Выстрелил без предупреждения. К счастью, автомат не отказал на морозе. Потом я его нес на всякий случай на груди под комбинезоном. После второй короткой очереди Риттер остановился.

К рассвету мы добрались до пролива. Даже удивительно, как удалось так точно сохранить направление в суматохе этих дней. Метрах в восьмистах действительно виднелся горб островка. Пролив был забит крупным колотым льдом. Снова поднялся ветер. Он гнал льдины на восток.

Я поймал беспокойный взгляд Риттера. Он мучительно пытался угадать, что я собираюсь делать дальше. Мы сидели рядом у самой воды. Сейчас можно было не опасаться лейтенанта, мы оба слишком устали для борьбы.

Я разжег спиртовку, растопил в котелке снег и заварил остатки кофе. Потом тщательно вытряс из мешка все крошки галет. Их набралось с пригоршню. Аккуратно разделил их и высыпал половину на крышку котелка. Остальное просто слизнул с ладони. Лейтенант был в замешательстве — видно, никак не мог отыскать объяснения моим поступкам. Но я просто хотел сейчас быть особенно справедливым.

Покончив с «завтраком», мы немного полежали на снегу. Ветер становился все сильнее. Надо было спешить. Я поднялся.

— Форвертс!

Я указал на островок за проливом.

Риттер отшатнулся. Он вцепился руками в снег. Он ни за что не хотел уходить с большого острова.

— Шнеллер!

Стиснув зубы, Риттер покачал головой. Нет, он не сделает ни шагу.

У меня не было выбора. Я не мог оставить его здесь живым. Я поднял автомат. Сняв рукавицу, положил палец на спусковой крючок...

Риттер вскочил, как подброшенный пружиной. Он шагнул вперед и первым прыгнул на лед.

9

Мы лежали на камнях по ту сторону пролива совершенно обессиленные. Мокрый комбинезон пластырем облепил тело. Перед самым островком Риттер, поскользнувшись, упал в воду. Я прыгнул за ним. Почему? Что толкнуло меня на это?

Сейчас некогда размышлять об этом. На ветру мокрая одежда быстро покрывается тонким ледком.

Островок перерезает горбатая каменистая гряда. На ее гребне пронизывающий ветер. Риттер дрожит всем телом. Меня тоже бьет озноб.

С вершины гряды видно темное пятно на северной оконечности островка. Кажется, я угадываю очертания небольшого строения. Риттер, зябко кутаясь в промокшую куртку, смотрит назад, туда, где за снежной пеленой остались его друзья, хлеб, тепло.

Темное пятно скрывается из виду, едва мы спускаемся на равнину. Но, пройдя еще шагов пятьсот, я замечаю, что впереди торчит шест. Здесь не могли расти деревья. Значит, этот шест кто-нибудь поставил. Скоро можно уже различить обрывок тряпки на его вершине.

Риттер тоже посматривает на шест. На его лице заметно беспокойство. Пожалуй, появление этого ориентира неожиданно и для него. Наверно, немцы никогда не заглядывали сюда.

Я изготавливаю автомат и прибавляю шаг.

Через несколько минут за шестом показалась труба, затем плоская крыша в один скат и, наконец, весь дом. Это был настоящий бревенчатый дом, напоминающий охотничьи зимовья Сибири. Его еще не успело занести снегом. Узкие окна заколочены досками. Плотная закрытая дверь примерно на треть завалена снегом. К ней «на счастье» прибита подкова. Дом необитаем.

10

Это кажется сном. Я сижу раздетый у раскаленной чугунной печки. Рядом сушится мой комбинезон и куртка Риттера. Жарко, но я все еще дрожу от озноба. На полу зимовья слой льда, не толстый, его не трудно будет убрать. Налево от печки — ящик с наколотыми дровами, направо — грубо сколоченный стол, прямо против дверей — широкие нары. На них сложены продукты. Банки консервированного мяса, рыбы, сгущенного молока, кофе, ящики белоснежных галет. Все это тщательно укрыто брезентом. Да, прав был Дигирнес: первый закон Севера — позаботься о том, кто может прийти вслед за тобой. За стеной вонзится Риттер. Я запер его в небольшой чулан при входе.

Руки невольно вздрагивали, когда я открывал взятые наугад консервные банки. В одной оказалась свинина, в другой — копченые селедки, в третьей — паштет. Спасибо, неизвестные друзья! Чтобы всегда была вам удача! В доме нет никакой записки, только обрывки газет на незнакомом мне скандинавском языке. Вероятно, здесь зимовали охотники за морским зверем.

Я сварил суп из жирной консервированной свинины, заправил его сушеным картофелем. Затемнив окно, зажег лампу. В ней еще булькал керосин. Черт возьми, как будто даже не было кошмара прошедшей недели!

Я устроил фантастический ужин. Этот день надо было отметить. Во фляжке капитана Дигирнеса еще оставалось несколько глотков спирта. Нет, честное слово, совсем не так уж плохо жить на земле.

Вынул из автомата магазин, расстегнул кобуру от писто-

лета и выпустил из чулана Риттера. Он вошел, зябко потирая руки. Сумрачно сел за стол. Отсветы пламени от печки вспыхивали на темных стеклах его очков. Сейчас без меховой куртки, в толстом свитере он кажется постаревшим и очень уставшим.

Я разливаю по кружкам остатки спирта. Пусть Риттер тоже выпьет, черт с ним. Острый запах расходится по комнате. От него, а может быть от жирного супа, слегка кружится голова. Риттер отодвигает кружку, даже не пригубив, и молча принимается за еду. Ну и черт с ним. Я все равно выпью сейчас за спасение, жизнь, тепло и тех славных ребят, что позаботились о нас, даже не подозревая о нашем существовании.

Сразу перестало знобить. Говорят, после долгого голодания нельзя много есть, но сейчас было невозможно соблюдать благоразумную диету. Еда в первый момент опьянила. Захотелось громко разговаривать, шутить. Но передо мной маячило угрюмое лицо Риттера.

Потом стало клонить в сон. Впрочем, клонить — это мягко сказано. Меня просто опрокидывало в темную пропасть. Я уже хотел отправить Риттера снова в чулан, но напоследок решил выпить еще кофе. Кутить так кутить.

Полез за банкой кофе. Неожиданно мое внимание привлек небольшой металлический ящик, задвинутый в угол нар. В следующий момент я уже забыл и о кофе, и о сне, и даже о Риттере, оставшемся за столом.

Ящик оказался радиоприемником. За ним лежали тяжелые параллелепипеды батарей. Они были сухие. Кислота еще не успела разъесть цинковых оболочек. Очевидно, люди покинули этот дом совсем недавно.

Теперь я понял, для чего был поставлен высокий шест перед домом — он служил антенной. Вверху, под стрехой потолка, змеился обрывок провода.

Еще не веря в возможность такого счастья, я вытащил приемник на свет и подсоединил его к батареям и антенне. Риттер по-прежнему безучастно сидел за столом, обхватив голову руками. Кажется, он дремал.

Осторожно, как будто от этого зависел успех моей попытки, я повернул рукоятку настройки.

Раздался щелчок... На шкале вспыхнул тусклый зеленоватый глазок. Приемник жил!

Глазок разгорался медленно. Батареи, вероятно, здорово «сели». Но мало-помалу сквозь неясные шумы стала пробиваться музыка. Играли мягкое ленивое танго, такое нелепое в этой обстановке. Потом послышалась человеческая речь. Постепенно мне удалось усилить звук. Мужской голос быстро и темпераментно говорил по-немецки. Сначала я не мог ничего разобрать, но потом различил часто повторяющееся слово «Волга»... Я мучительно пытался уловить смысл захлебывающейся речи.

И вдруг я услышал смех. Это смеялся Риттер хриплым простуженным голосом. Он смеялся все громче и громче.

У меня мелькнула мысль — не сошел ли лейтенант с ума. Он снял очки. У него оказались самые обыкновенные серые глаза. В них не было безумия. Риттер просто от души смеялся. Он вытер выступившие слезы, оборвал смех и выпрямился. Я невольно положил руку на кобуру. Риттер усмехнулся.

— Ваш воинственный вид смешон, «товарищ» Колчин...

Это была галлюцинация. С ума сошел не Риттер, а я. Мне показалось, что он произнес эти слова по-русски!

— Видите, как полезно знать иностранные языки, — сказал лейтенант, наслаждаясь моей растерянностью.

Нет, я не ослышался. Риттер в самом деле говорил по-русски.

— Могу вам перевести это любопытное сообщение, — он говорил свободно, с чуть заметным акцентом. — Имперские войска сегодня вышли к Волге! Насколько я помню, со времен татарского ига никто из врагов России не поил своих коней из Волги-матушки... А сейчас наши танкисты заливают ее воду в радиаторы машин!

Риттер стоял, возвышаясь над столом. Он даже стал как будто выше ростом, шире в плечах. По-прежнему усмеаясь, лейтенант поднял свою кружку со спиртом.

— За победу немецкого оружия!

Я шагнул вперед и выбил кружку из его рук. Спирт растекался по влажному полу. С лица Риттера исчезла усмешка. Он весь напрягся. Сейчас я хотел, чтобы лейтенант бросился на меня. Но, помедлив мгновение, он решил не рисковать и сделал шаг назад. Я оттеснил Риттера в чулан и, захлопнув дверь, накинуд щеколду. И тут же почувствовал безмерную усталость.

Добрался до нар и лег. Приемник продолжал работать. Теперь доносился воинственный марш. Мне стоило большого труда заставить себя встать и выключить радио.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

«Бац!.. Бац!.. Бац!..» — грохотало где-то рядом. Удары были настойчивые, требовательные. Я открыл глаза. Было совсем светло. Стучал Риттер, требуя, чтобы я его выпустил из чулана. У него явно менялся характер.

Я не спеша поднялся. Растопил печку. Принес котелок снега, поставил его на плиту. Потом отхватил финским ножом широкий лоскут от своей нижней рубахи. Когда вода закипела, тщательно выстирал лоскут и повесил сушиться у плиты.

Осторожно попытался снять повязку с головы. Бинт присох к ране. Пришлось размочить его теплой водой и постепенно отодрать. Рана оказалась небольшой, но, кажется, довольно глубокой. Крови было немного. Я наточил на бруске нож и перед осколком зеркальца, как сумел, обрезал

волосы вокруг ссадины. Это была не очень приятная операция. Потом протер рану последними каплями спирта, оставшимися во фляжке Дигирнеса. Спирта было маловато. Вчерашний кутеж дал себя знать. Все-таки мне удалось очистить запекшуюся кровь. Я плотно замотал голову чистым лоскутом.

«Бац! Бац! Бац!» — грохотал в стену Риттер.

Вскипел кофе. Я открыл консервы, плотно позавтракал тушенной и паштетом. Первый раз за последние дни я поел спокойно, не ожидая каждую секунду, что мой сосед сейчас бросится на меня. Сегодня я был уже способен разумно ограничить себя в еде. После крепкого сна и перевязки я чувствовал себя намного лучше. Еще два-три дня такой жизни, и силы полностью восстановятся. Два-три дня... А что будет потом?

Риттер грозил разнести дверь чулана. Я допил кофе и выпустил пленника. Лейтенант вышел мрачный, с поджатыми губами. Не глядя на меня, приготовил себе завтрак. Я смотрел, как он ловко выуживает из банки кусочки разогретого мяса, аккуратно подхватывает галетой стекающий жир. Меня он просто не замечал. Чтобы не поддаться искушению стукнуть его прикладом автомата по голове, я ушел. Дверь в комнату я заложил засовом снаружи.

Зимовье стояло на высоком откосе. Внизу лежало море. Погода была тихая и теплая. Мимо островка медленно передвигались огромные плиты льда, гонимые отливным течением. Горизонт был чист, и, насколько видел глаз, на север тянулись льды, разводья, льды.

Я долго стоял на откосе. Где-то за тридцать земель, у Волги, сейчас сражались мои друзья. Они погибали в открытом бою, задержав врага еще на день, час, минуту... А я? Что теперь буду делать я? Сидеть здесь на островке, сторожить каждый шаг этого долгоязого лейтенанта, пока сюда не доберутся немцы? Если только до этого Риттер не перегрызет мне горло или я не пущу в него пулю.

Даже, предположим, мне удастся вытрясти из него сведения о таинственных станциях на ничьей земле, кому я сообщу их? Они все равно погибнут вместе со мной. Теперь я уже кое-что знал о Севере и понимал, что просто так, налегке, не пройти и пятидесяти километров по льду и разводьям. Как я мог так легко расстаться с собачьей упряжкой, санями...

У входа в дом я заметил маленькую пристройку, на которую не обратил внимания раньше. Проржавевшие петли замка легко вышли из гнезд. Я взгляделся в полумрак сарайчика. У стены стояли поломанные нарты и, видимо, брошенная за ненадобностью, легкая, обтянутая шкурой какого-то морского зверя лодка. Не веря такой удаче, я вытащил нарты ближе к свету. Им здорово досталось в переходах, но в моем положении не приходилось привередничать. Потом внимательно осмотрел лодку. Она тоже была потрепана, борта кое-где потерлись, но все-таки это была лодка!

Два дня я возился с лодкой и санями. Работал до темноты, делая только короткие перерывы для еды. С островка надо было уходить как можно скорей. Я решил починить нарты и поставить на них лодку. В лодку можно погрузить консервы и галеты. Грубо прикинул ее водоизмещение. Лодка должна была выдержать нас обоих вместе с грузом и нартами.

Чтобы заменить изломанные части нарт и починить весла, я оторвал несколько досок от стола в доме — на вид самых крепких и свежих.

Риттер каждый раз встречал меня настороженным взглядом, но сам ни о чем не спрашивал, а я не собирался раньше времени посвящать его в свои планы.

Я должен довести Риттера до первого патруля союзников. Там он расскажет, что делают гитлеровцы на ничьей земле. Я должен довести его живым. Может быть, это хоть как-нибудь поможет тем, кто погибает сейчас на крутых, сбегаящих к реке улицах города у Волги.

На третий день все было готово. Из куска брезента я вырезал широкие лямки, концы оплел канатом и закрепил у передних стоек нарт.

Уже в сумерках я нагрузил лодку. Я решил, что мы будем проходить в день около пятнадцати километров. Пусть даже десять. Через месяц мы достигнем Шпицбергена.

Даже если не удастся добраться до Шпицбергена, то я найду приют на советской полярной станции на безымянном островке. Я взял консервы из расчета по полторы банки в день на человека — всего девятно банок, два ящика галет, немного гороха, сушеного картофеля и луку. Три банки кофе. Несколько банок сгущенного молока. Страх перед испытанным голодом требовал взять с собой как можно больше еды, но я понимал, что с тяжело груженными санями, да еще с таким спутником, как Риттер, не сделаю и двух переходов по застругам и сугробам. Кроме того, я надеялся на охоту. Возле берега на льду не раз показывались круглые головы тюленей, но пока я боялся стрелять. Чтобы разогреть пищу, я привел в порядок поржавевший примус и погрузил почти весь запас керосина — всего литров двадцать.

Нагрузив сани, попробовал сдвинуть их с места. После некоторого сопротивления нарты тронулись. По утоптанному снегу везти их было не трудно. Все было готово.

Когда я вернулся в дом, Риттер взволнованно шагал из угла в угол. Снова грохотал военный оркестр. Я несколько раз пытался поймать советскую радиостанцию или станцию союзников, но немецкие мощные передатчики на севере Норвегии их глушили. На столе стояла пустая миска. Риттер уже поужинал.

Я поставил на плиту консервы. От мечущейся фигуры Риттера рябило в глазах, барабанная музыка раздражала. Я потянулся к приемнику.

— Погодите! — метнулся Риттер. — Сейчас будут повторять важнейшее сообщение!

Я устал, и меня не очень интересовали сообщения немецкого радио.

— Это в равной мере касается нас обоих, — быстро сказал лейтенант. Для иностранца он удивительно хорошо говорил по-русски.

Пожав плечами, я принялся за консервы. Мое равнодушие выводило Риттера из себя.

— У вас есть еще спирт? — вдруг спросил он.

— Нет.

— Жаль. Сегодня я бы охотно выпил... Восточного фронта больше не существует!

Я невольно поперхнулся.

— Вам придется проглотить эту новость, — усмехнулся Риттер. — Русский колосс рухнул!

Марш оборвался. Заговорил диктор. Батарей садились. Голос диктора захрипел. Риттер бросился к приемнику, повернул регулятор громкости до отказа.

Объявление диктора повторилось дважды. Потом заговорил другой голос. Округлый, уверенный баритон, без истерического надрыва.

— «Дорогие соотечественники!» — торопливо переводил Риттер. — «Люди новой Европы... Наступил день торжества великой Германии...»

Он продолжал говорить, а я ничего не слышал. Комната, голос радио, торопливый перевод Риттера — все отошло куда-то далеко-далеко. Казалось, я смотрю какой-то странный, малопонятный спектакль. Я сидел за столом, слушал радио, ел консервы, но происходило это все не со мной, а с кем-то другим...

Голос по радио становился все тише и тише — безнадежно садились батареи. Наконец он затих совсем. Замолк и Риттер. Я поскреб ножом по дну пустой консервной банки.

— Перестаньте! — раздраженно бросил Риттер.

Я оставил банку. Налил себе кофе. В кружке плавала соринка. Я старательно выловил ее. Кофе был слишком горяч. Я подождал, пока он остынет. Риттер возбужденно шагал по комнате. Я начал осторожно прихлебывать кофе. Я делал все обстоятельно, не торопясь. Это отдаляло случившееся.

Наконец Риттер остановился.

— Ложитесь спать! — приказал он. — Завтра рано утром мы выходим.

Я молчал.

Лейтенант, широко расставив ноги, стоял передо мной. Он считал мою игру проигранной. Я допил кофе. Он уже не казался слишком горячим.

— Вы правы, Риттер, — сказал я. — Давайте спать.

Я встал из-за стола, расстегнул пояс с пистолетом и опустился на нары. Риттер помедлил. Он решал задачу — вы-

гнать меня из комнаты или переспать последнюю ночь в чулане. В конце концов он решил отправиться в чулан. Это было его счастье. Сейчас я не стал бы спорить. Я бы просто прострелил ему голову.

4

Я не спал всю ночь. За перегородкой долго ворочался Риттер. Видно, ему тоже не спалось. Наконец он затих...

Еще затемно я поднялся и затопил плиту. Я старался не делать этого днем — дым могли заметить с большого острова. Сварил густой кулеш из мясных консервов и овсяного концентрата, открыл паштет и рыбные консервы. Надо было хорошо позавтракать. Разбудил Риттера. Теперь его состояние было безразлично мне. Риттер должен был сохранить силы до конца пути.

Лейтенант не без удивления оглядел накрытый стол. Вероятно, решил, что это начало моей капитуляции.

После завтрака мы вышли наружу. Я подвел Риттера к нагруженным саням. Надел через плечо ляжку. Другую протянул лейтенанту.

— Попробуйте, будет ли удобно.

— Зачем это?

— Продукты на дорогу.

— Нам достаточно взять несколько банок консервов и по десятку галет. Всего на два-три дня.

— Не думаю, — сказал я. — Не думаю, чтобы за три дня мы прошли двести километров.

— Сколько?

— Двести.

Риттер, наверное, решил, что я спятил.

— Хватит болтать! — он отбросил ляжку. — Мне надоел этот балаган. Чтобы через десять минут вы были готовы.

Он пошел к дому. У него снова была прямая четкая спина. Он шел к дому, не оборачиваясь, подставив мне спину.

— Стойте! — сказал я. — Мне нужно вам кое-что объяснить.

Риттер неохотно повиновался. Я вынул карту Дигирнеса. Уже рассвело, и можно было рассмотреть ее без огня.

— Вот, — сказал я, — смотрите: мы здесь.

Риттер досадливо кивнул. Он лучше меня представлял, где мы находимся.

— А вот здесь, — терпеливо продолжал я, указав на островок к северу, — советская полярная станция. Видите, как раз двести километров.

Риттер поднял глаза. Он смотрел на меня с недоумением и тревогой.

— Но это программа минимум, — сказал я. — Я надеюсь, что мы доберемся до Шпицбергена.

— Вы сошли с ума! — не сразу произнес Риттер. Я уже успел спрятать карту. — Неужели вы не понимаете, что все кончено?

Я молчал, старательно прилаживая лямки. Лейтенант пожал плечами.

— Ну, хорошо, — он старался говорить как можно спокойней и убедительней. — Предположим, я подчинюсь. У вас в руках автомат. Мы пойдем на север. Предположим, случится чудо... Это невероятно, конечно, но предположим, мы доберемся до Шпицбергена... Что вы выиграете от этого?.. Через месяц с Англией будет покончено. Двести дивизий с Восточного фронта обрушатся теперь на Запад. На Шпицбергене вас встретят германские корабли.

— Приятная перспектива, — сказал я. — Но я поверю, только увидев эти корабли собственными глазами.

Риттер даже снял очки, чтобы разглядеть меня как следует. Он смотрел так, будто только что повстречался со мной.

— Сколько вы на Севере? — спросил он после паузы.

— Две недели.

— А я пятнадцать лет. То, что вы задумали, — безумие. Вы не пройдете и двадцати миль.

— Это не трудно проверить, — сказал я. — Надевайте лямку.

— Это самоубийство! — закричал Риттер. Таким я его еще ни разу не видел. — Я никуда отсюда не пойду!

— Хорошо, — я тоже обозлился. — Я уйду один. Но уж вы тогда действительно получите постоянную прописку на этом холме.

Не знаю, понял ли Риттер, что такое прописка, но он затих.

— Вы безумный фанатик-коммунист! — тихо произнес он.

Я был беспартийный, но не стал объяснять это Риттеру. Сказал только:

— Даю вам еще десять минут.

Риттер замолчал.

— Хорошо, — произнес он наконец. — Я только возьму свой бумажник.

Он медленно побрел к дому. Теперь у него была совсем другая, жалкая спина.

Риттер долго не выходил. Я уже направился к дому, когда лейтенант, наконец, появился. В руке у него было несколько гвоздей.

— Где топор? — спросил он. — Или молоток?

Я кивнул на сани. Риттер, приподняв брезент, вынул топор. Я на всякий случай приспустил автомат.

— В чем дело?

— Надо заколотить дверь. Этот дом может пригодиться другим.

Дверь неплотно закрывалась. Риттер разгреб ногой снег. Приступнул по двери топором. Не торопясь, стал забивать гвозди: два вверх, три сбоку, два внизу... Он явно не спешил. Я бесился, но ничего не мог поделать. Риттер был прав. Дом действительно еще мог пригодиться людям. Что ни говори, а Риттер знал законы Севера.

Наконец лейтенант заколотил последний гвоздь. Подергал дверь и вернулся к саням. Надел лямку.

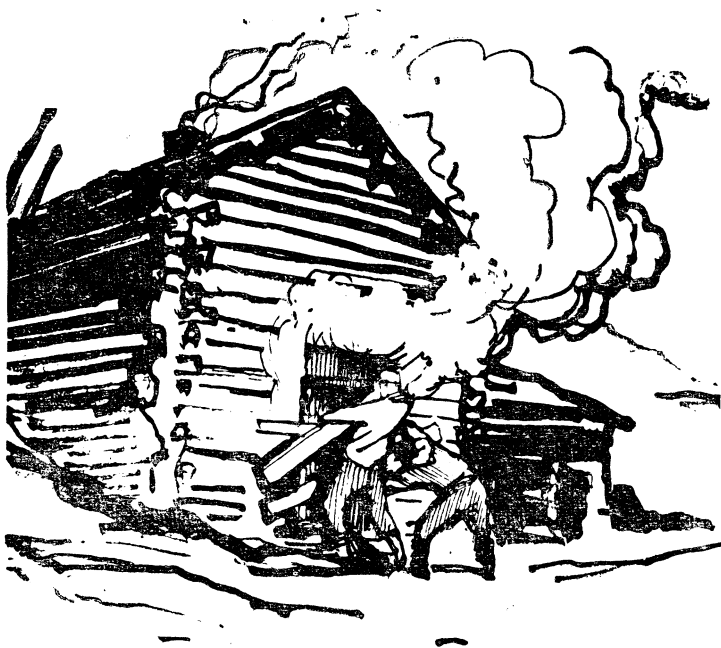
По заранее выбранной ложбине мы спустились к ледяному припаю. На льду снег был неглубок, и тянуть нарты пока было не трудно. Я оглянулся на оставшийся позади островок. На вершине холма темнел дом и островерхий шест антенны.

Риттер шагал слева от меня и чуть впереди. Я сделал лямки разной длины, как в собачьей упряжке. Риттеру я отдал более длинную. У меня было всегда в запасе полшага. Лейтенант шел не оборачиваясь.

Прошло около получаса. Нарты становились все тяжелей. Лямка врезалась в грудь. Наконец я остановился. Прикрыв рукавицей глаза от света, я смотрел на почти не приближившуюся полосу торосов на горизонте. Риттер снял дымчатые очки. Отер с лица рукавом пот. Оглянулся назад, на островок. И тут же отвернулся. Я тоже невольно посмотрел назад. Но ничего не увидел.

— Пошли? — глухо спросил лейтенант и потянул вперед.

Я снова обернулся. Еще раз взгляделся в оставленный берег. И тут заметил, что над крышей дома подымался как будто легкий туман. В следующее мгновение я понял — это был дым...

— Открывай дверь! — задыхаясь, крикнул я. — Открывай, гад!

Мы проделали обратный путь в пятнадцать минут. Сани остались внизу на льду. Под дулом автомата Риттер бежал всю дорогу. Из забитого накрест досками окошечка вырывалось пламя.

Риттер взломал дверь. Ударил плотный дым. Я вытащил из сарая брезент.

В комнате огонь полз от печки к стене. Горели стол, нары. К счастью, отсыревшие доски загорались медленно.

Я набросил брезент на печку и выскочил на улицу. Отдышавшись, вошел снова. Ящики с консервами стояли нетронутые. Обгорел только один, с галетами. С помощью Риттера вытащил дымящиеся остатки стола и велел закидать тлеющий огонь снегом. Риттер повиновался. Он проиграл. Это был последний шанс дать сигнал своим — на большой острове.

Я заставил Риттера снова привести в порядок разбитую дверь. Дом действительно мог еще кому-нибудь пригодиться.

Потом мы ушли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Я просыпаюсь в темноте. Рядом тяжело дышит Риттер. Теперь я точно знаю, когда он засыпает по-настоящему, и сразу, по-звериному, просыпаюсь при самом легком движении соседа. Еще совсем темно. После вчерашнего перехода болят ноги, тяжелая, словно свинцом налитая голова. Но надо вставать. Я должен успеть собраться в путь до света.

Днем в небе висит не по-осеннему яркое солнце. Снег слепит глаза. Бесперывно текут слезы. Кажется, что в глаза кто-то бросил горсть перца. За ночь боль успокаивается, но днем начинается снова. Вокруг все как в тумане. Последние два дня я иду почти вслепую, стараясь попасть в такт шагов Риттера. Надо бы остановиться, посидеть день-другой в темноте, дать отдохнуть глазам. Но я не могу этого сделать. Больше всего опасаясь, что мое состояние заметит Риттер.

Я вылезаю из мешка и тщательно переобуваю ноги. На ночь кладу унты под бок, но они все равно не успевают как следует просохнуть. Ноги мерзнут всю дорогу. Правая ступня опухла и болит. Плохой признак. Так часто начинается цинга.

Отрезаю широкую полосу от своего одеяла и обматываю ступни. Теперь будет теплее. Справа на востоке светлеет. Надо спешить.

Я разжигаю примус. Растапливаю в котелке немного

снега. Разогреваю консервы. Все мои расчеты полетели к черту. Мы уже две недели в пути, а не прошли и шестидесяти километров. Сейчас мы живем на строгом, урезанном рациионе. Едва вода нагрелась, тушу примус — приходится экономить керосин, его осталось всего полканистры. Завтрак готов.

2

Мы идем бесконечно долго. Впереди сплошная белая пелена. Лед, снег, гряда торосов на горизонте. Ослепительно белый снег. Я уже не могу открыть глаз.

Боюсь остановиться. Риттер взглянет мне в лицо и поймет, что я слеп. Пока он шагает спокойно. Он уже привык идти в одной упряжке со мной. Сегодня легкая дорога, неглубокий снег. Ощущаю плечом, на котором натянута ляжка, каждый шаг лейтенанта. Словно каторжники, скованные одной цепью, мы шагаем вперед и вперед.

Временами слепота отступает, и тогда мне удается бросить быстрый взгляд на дорогу, прикинуть расстояние до выбранного еще утром ропака на горизонте. Сегодня мы должны обязательно дойти до него.

Ляжка туго натягивается. Значит, Риттер остановился. Надо во что бы то ни стало открыть глаза. Прикрываю глаза рукой. Этот жест я могу себе позволить.

- В чем дело?
- Пора обедать.
- Рано.
- Два часа. Я устал.
- А я — нет.

Пауза. Опускаю руку к ножу. Если Риттер бросится — бить сразу в живот. Вероятно, мы смотрим друг другу в глаза, но я не вижу его лица. Становится нестерпимо жарко.

Но вот дернулись нарты. Риттер подчинился. Я тоже шагаю вперед. Важно попасть в такт его шагов. Облегченно прикрываю глаза. Можно дать им отдохнуть. Мы мерно шагаем в ногу, как солдаты в строю.

3

Я теряю представление о времени. Может быть, мы идем час, может быть, — три.

Моя ляжка снова туго натянута. Риттер встал. Слышу его прерывистое дыхание.

— Не могу... — хрипит Риттер. — Не могу... — он ругается по-немецки.

Чувствую, что тоже больше не могу. Приоткрываю веки. Острая боль ударяет по глазам. Проклятое солнце все еще висит в небе. За несколько мгновений, пока я зряч, надо успеть выбрать место для привала.

Риттер обессиленно валится на снег. Я подтаскиваю нарты к торосам. Разворачиваю их поперек ветра. Глаза сле-

зятся. Снова мир заволакивает пелена. На ощупь развязываю узлы на санях. Надо приготовить обед, пока Риттер не пришел в себя.

Самое трудное — разжечь примус. Он упрятан в большое ведро с прорезанной дверцей. Открываю дверцу. Осторожно наливаю в горелку керосин. Чиркаю спичку. Вероятно, она гаснет. Чиркаю вторую, протягиваю ее в дверцу. Вспышки нет. Третью спичку я держу в ладонях, пока огонек не коснется загрубевших кончиков пальцев. Сильная вспышка опалает руку. Примус мерно гудит.

Консервного ножа у нас нет, я открываю банки финкой Дигирнеса. И тут же попадаю ножом в левую руку. Нельзя спешить. В банках все замерзло. Вессло будет, если я сварю суп из маринованных селедочек. Осторожно пробую продукты. Засыпаю кипящую воду крупой и вываливаю туда полбанки тушенки. Это немного после такого перехода, но больше расходовать нельзя. Есть хочется до головокружения.

Пробую горячее варево и снимаю его с огня. Надо разлить похлебку. Слышу приближающиеся шаги Риттера. Миски я заранее поставил рядом, слева от примуса. Протягиваю руку... Мисок нет. Что-то сразу оборвалось в груди. Осторожно повожу рукой. Наконец пальцы натываются на холодный металл. Просто миски оказались чуть дальше, чем я предполагал.

Я налил Риттеру, поставил на снег.

— Ешьте.

Риттер жадно ест. Слышу, как он сопит и чавкает. А я в отчаянии сижу перед котелком и грызу сухарь. Я боюсь пронести ложку мимо рта.

— Вы больны?

Я вздрагиваю.

— Нет.

— У вас нехорошие глаза. Сейчас осень, а то бы я подумал, что это снежная слепота. Очень неприятная штука, я как-то болел весной.

Значит, меня угораздило заболеть весенней болезнью. Но что с Риттером? После ухода с острова он несколько дней угрюмо молчал, а сейчас даже пытается шутить.

— Напрасно не едите — суп неплох. Если бы я не знал, что вы инженер, то, вероятно, решил, что имею дело с судовым коком.

Что это? Призыв к перемирию или попытка усыпить мою бдительность?

— Положите мне еще, — говорит Риттер.

Я замер. Очевидно, он протягивает мне сейчас миску.

— Дайте мне еще...

Я ничего не вижу. И сейчас это поймет Риттер. Неловко, наугад протягиваю левую руку. Правой нащупываю нож.

«Куик-ик-куик... Куик-ик-куик...» — доносится далекий печальный крик.

Рука встречает пустоту. Риттер молчит. Он все понял и сейчас...

— Куик-ик-куик! — слышится ближе.
Чей это странный крик? Не слышу движения Риттера.
Что он делает в эту секунду?

— Куик-ик-куик!

— Mein Gott! Die rose Möwe! — Голос Риттера почти испуганный.

— Куик-ик-куик! — раздается над самой головой.

— Розовые чайки! Смотрите!

Теперь я понимаю, что это кричат птицы. Но почему так взволнован Риттер? Взволнован настолько, что не заметил моей протянутой руки.

— «Куик-ик-куик!»

— Вот они! Видите? Видите?

— Вижу, — глухо говорю я. — Конечно, вижу. Ну, чайки...

— Ро-зо-вые чайки! Вы понимаете? Стреляйте... Скорее стреляйте!

— «Куик-ик-куик!»

Неведомые птицы проносятся над нами.

— Стреляйте же!

— Я не люблю зря убивать птиц.

— Господи! Это же розовые чайки, величайшая редкость!

Кажется, Риттер сейчас в самом деле бросится на меня.

— «Куик-ик-куик...» — доносится уже издалека.

Риттер с досадой бормочет что-то по-немецки.

— Ешьте суп, — говорю я. — Берите сами.

— А! У меня пропал аппетит. Упустить такую редкость! За пятнадцать лет жизни в Арктике я вижу их впервые!

— Вот видите, мне повезло сразу.

— Вы просто не понимаете, что это такое, — не может успокоиться Риттер. — Когда Фритьоф Нансен увидел розовых чаек, он пустился в пляс прямо на льдине. Любый музей даст огромные деньги за такое чучело!

Похоже, он надеется выбраться из переделки. Значит, он все-таки убежден, что на Шпицбергене нас встретят немцы.

Слепота на несколько мгновений отступает. Я встаю.

— Ну, неизвестно, когда мы еще доберемся до музея. Соберитесь! Довольно. Пора в путь.

4

Я лежал, прислушиваясь к тишине. Риттер спал. Высоко в небе висели холодные звезды. Я вижу их как будто сквозь редкую кисею. Даже ночью зрение не восстанавливается полностью. Риттер явно начинает что-то подозревать. Он чаще обычного неожиданно останавливается во время переходов. Я уже дважды наткнулся на него. Я чувствую — он весь насторожился, как зверь перед прыжком.

Завтра, судя по всему, снова будет солнечный день. И завтра Риттер наверняка сделает выводы из моего состояния.

...Вероятно, я все-таки задремал. Меня разбудил страшный треск. Мы проваливались в какую-то пропасть. Ледяной холод охватил все тело — спальный мешок был полон воды. Несколько мгновений мы яростно барахтались, пытаюсь вырваться наружу, но наши судорожные рывки только глубже погружали нас в воду. Это было как в страшном сне. Отчаянно закричал Риттер.

Наконец мне удалось уцепиться за ледяной выступ. Пока я поддерживал нас обоих на поверхности воды, Риттер пытался выпутаться из мешка. Мы были накрепко спеленаты вместе. Застывшие руки соскользнули с выступа. Мы снова погрузились с головой. Но через мгновение я почувствовал, что поднимаюсь. Судорожно глотнул воздух. На этот раз за льдину уцепился Риттер. Я перевел дыхание и сжался в комок. Резким движением вытолкнул лейтенанта из горловины мешка. Следом удалось выбраться и мне.

Едва брезжил рассвет. В воде, у края расколовшейся льдины, плавали наши сапоги, одеяла, рукавицы. Я выловил и выбросил на льдину сапоги Риттера и свои унты. Потом подтащил к себе спальный мешок. Один вытащить его из воды я не мог. Риттер, наклонившись, поймал мешок с другой стороны.

Быстро расходилась широкая полынья. Трещина прошла как раз под местом нашего ночлега. Риттер прыгал, как сумасшедший, пытаюсь согреться. Потом он бросился к саням. По счастливой случайности они остались на нашей половине льдины. Риттер стал торопливо выбрасывать из саней куски дерева, тряпье, керосин — все, что могло гореть.

Замерзшие руки плохо слушались. Ветер задувал спички.

— Дайте мне, — стуча зубами, проговорил Риттер.

Я отдал коробок. Риттер разжег костер с одной спички.

Пока огонь разгорался, мы бегали и прыгали вокруг. Постепенно согрелись ноги. Мы сняли одежду, выжали ее и развесили сушиться у костра.

Сами, завернувшись в одеяла, сели как можно ближе к огню. Звезды скрылись. Наш костер был, наверное, единственным пятнышком света на сотни километров вокруг. Снова послышался грохот. Казалось, рушились скалы. И еще, и еще...

— Льды, — тихо проговорил Риттер. — Осенняя подвижка.

Он невольно придвинулся ко мне.

Костер догорал. Одежда наша высохнуть как следует, конечно, не успела, пришлось натягивать сырой комбинезон и мокрые унты. Тело бил озноб. Мы нагребли высокий снежный вал вокруг костра и накрыли его сверху брезентом. Здесь мы были защищены от ветра, но озноб не проходил.

— Грелки! — вдруг крикнул Риттер. — Где грелки?!

Мне показалось — он бредит.

— Какие грелки?

— Химические! Они были в моем рюкзаке. Где они?

Риттер притащил из саней свой рюкзак. Со дна посыпались белые пакеты с неизвестным мне порошком.

— Вот они! Почему вы молчите?

— Я берег их на крайний случай, — сказал я.

Риттер посмотрел на меня, как на безумного. Откуда мне было знать, что это химические грелки? Во всяком случае, хорошо, что я их сберег до сегодняшнего дня.

Грелки оказались замечательными. Стоило их намочить, как они начинали нагреваться ровно и сильно. Под нашей влажной одеждой они действовали отлично. На остатках догорающего костра мы вскипятили воду. Я всыпал в котелок треть банки кофе. От крепкого обжигающего напитка по всему телу растеклось блаженное тепло. Мы возвращались к жизни.

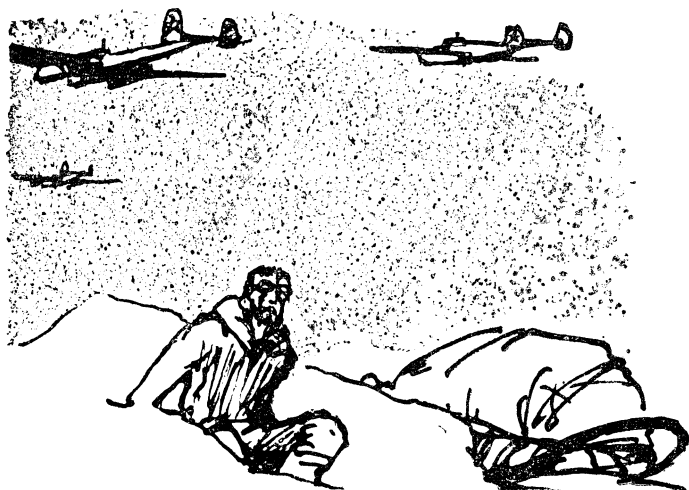
Риттер вдруг окинул меня внимательным взглядом. Потом поднялся. Вышел из убежища. Я следил за ним, приподняв брезент. Риттер, пытливо оглядываясь по сторонам, прошелся по льдине. Заглянул в сани. Не спеша вернулся обратно. На губах у него появилась странная усмешечка.

— Что-нибудь потеряли? — спросил я.

— Да. Вы не знаете, где мой автомат?

Он так и сказал: «мой автомат».

Я машинально схватился за грудь. Автомата не было.

Я потерял его во время вынужденного купания. У меня теперь остался только пистолет.

В прорезиненном мешке Дигирнеса лежал запасной магазин. При свете угасающего костра я вычистил парабеллум. Перезарядил обойму сухими патронами от автомата. К счастью, они были одного калибра. Риттер, не говоря ни слова, внимательно следил за моей работой. Я спешил. Мне нужно было закончить ее до того, как взойдет солнце.

5

Холодное неумолимое солнце подымалось над миром. Привычная боль возвращалась. Дальше идти вслепую я не мог.

Я сказал Риттеру, что надо сделать дневку. Лейтенант пристально посмотрел на меня.

— Может быть, нам пора вернуться?

— Нет, просто надо немного отдохнуть.

— Вы уверены, что отдых вам поможет?

Я не ответил. Притащил в нашу палатку примус, канистру с керосином, несколько банок консервов. Может быть, через день-другой мне станет легче. Риттер замешкался снаружи. В блаженном полумраке я прикрыл глаза.

Не знаю, сколько прошло времени, но я пришел в себя, как от внезапного толчка. Риттера рядом не было.

— Риттер! — крикнул я.

Никто не отозвался.

Сердце сжалось от предчувствия. Где-то совсем рядом Риттер сторожит мое первое неверное движение. Я выглянул из-под брезента. По глазам ударил обжигающий свет. Прикрывшись от солнца, я оглядел льдину. Риттера не было. Я вылез из палатки. Глаза застилал туман. И в последний момент, когда уже весь мир заволакивала плотная серая пелена, мне показалось, что за санями мелькнула и тут же скрылась тень.

Пока у меня был автомат, Риттер боялся случайной пули. Теперь он решил вступить в борьбу.

Я шагнул к саням.

— Выходите, Риттер! — громко произнес я. — Что это вам вздумалось играть в прятки?

Я действовал наудачу, но Риттеру негде было больше укрыться на этой белой равнине.

Лейтенант молчал. Я сделал еще шаг. Теперь уже нельзя было отступать.

— Перестаньте валять дурака. Выходите!

Риттер не отзывался. Я расстегнул кобуру. Убрал ли я топор после того, как возился у костра?

— Слышите, Риттер? А ну, подымайтесь!

В напряженной тишине я пытался уловить малейший шорох. Все было тихо. Но, быть может, именно сейчас он подкрадывается ко мне с противоположной стороны.

Я вынул пистолет.

Если Риттер сейчас не ответится, я проиграл. Может быть, отступить? Укрыться в палатке, залечь, как в берлоге, предоставить действовать противнику, ждать его удара...

К черту! Не будет так. Сейчас решится наш поединок. Я поднял парабеллум.

И тут послышался неясный звук. Нет, это был не шорох. И не звук шагов. И не крик птиц. Звук креп, он приближался. Я поднял голову. Я не мог ошибиться — гудели моторы. Моторы самолетов...

Звук шел с юго-востока. Они летели на запад! Звук этих моторов я бы отличил от тысячи других — это были моторы нашего завода. И сейчас они ровно и сильно гудели надо мной.

Я закричал что-то бессвязное. Выстрелил в воздух. Они летели на запад! Жива, жива была Россия! Она сражалась! Она шла в бой!

— «Петляковы!» — задыхаясь, крикнул я. — «Петляковы!» Родные!

Теперь я не боялся ста тысяч Риттеров.

Невдалеке послышалось изумленное восклицание. Риттер, видно, был потрясен не менее меня. Теперь он, вероятно, не сомневался в моем зрении. Но мне сейчас было не до него. Я стоял, поворачивая голову вслед удаляющимся на запад самолетам, и по лицу моему текли слезы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Удача никогда не приходит одна. К полудню поднялся ветер. Небо заволокло, повалил снег. Идти было невозможно.

Пурга продолжалась два дня. Мы отсиживались под занесенным снегом брезентом. Наконец мои глаза могли отдохнуть.

Риттер снова затих. Появление наших самолетов было для него неожиданным ударом. Он был уверен, что на Восточном фронте все кончено. Лейтенант часами лежал без движения, молча принимал свою долю скудного пайка. Помоему, за два дня он не произнес ни слова.

На третий день ветер стих, выглянуло солнце. Я вылез из-под брезента. И понял, что снежная слепота прошла. Я снова мог смотреть на этот белый, сверкающий мир.

Прежде всего надо было определиться. Я плохо представлял, где мы сейчас находимся.

В полдень взял высоту солнца. Когда подсчитал широту, то не поверил своим глазам — получалось, что за последние дни мы прошли на север больше семидесяти километров. Этого не могло быть. В лучшем случае мы делали по шесть-восемь километров в сутки. А последние три дня вообще не трогались с места. Я еще раз взял высоту, проверил вычисления. Результат получился тот же. Я ничего не понимал. У меня даже мелькнула мысль посоветоваться с Риттером. Интересно, как бы он отнесся к моей просьбе проверить вычисления? Я внимательно осмотрел секстант. Все линзы и зеркала были на месте. В зимовье я проверял хронометр Дигирнеса по сигналам радиовремени, он шел очень точно и не мог дать большой ошибки.

В недоумении я вернулся к месту нашей стоянки. За три дня сани скрылись под огромным сугробом. Я начал разбрасывать снег и вдруг остановился, пораженный неожиданной догадкой: сани были развернуты боком к ветру — ровный снежный вал лег на них с подветренной стороны. Ветер не менялся, все эти дни он устойчиво и сильно дул с юга. А лед вместе с нами дрейфовал на север. Нас подвинуло на добрых сорок километров к цели. Это был неожиданный подарок!

Я ничего не сказал Риттеру, но, глядя на его хмурое лицо, подумал, что он, верно, сам догадался об этом. Пятнадцатилетний полярный опыт чего-нибудь да стоил. А я на радостях приготовил роскошный завтрак: суп из консервов, такой, что в котелке стояла ложка, и какао — его у нас было совсем немного, и пришлось израсходовать последнюю заварку. После завтрака подсчитал продукты. Оставалось всего двадцать банок консервов. Я решил с завтрашнего дня еще урезать пайки.

Риттер угрюмо подчинился, когда я предложил снова тронуться в путь. Он сильно сдал за последние дни. Зарос жесткой рыжей щетиной, глаза запали, прямая спина согнулась.

Кроме торосов, на нашем пути появились разводья. Не знаю, что лучше, или, вернее, хуже. Мы долго топчемся на одном месте, отыскивая, где можно обойти трещину. Кружим, уходим в сторону, возвращаемся. Временами я даже не знаю — продвигаемся ли мы на север или, наоборот, возвращаемся к югу.

Хорошо, когда попадаете широкая, свободная ото льда полынья. Через нее мы переправляемся вплавь. Нарты тогда ставим поперек на носу лодки, а сами устраниваемся сзади. Риттер гребет вместе со мной — иначе мы оба окажемся в ледяной воде. Это самые приятные минуты путешествия. Отдыхают ноги, ляжка не давит грудь.

Но широкие полынья редки. Чаще попадаются мелкие трещины и небольшие торосы. От Риттера помощь невелика, и к вечеру я совершенно выбиваюсь из сил. Утром болит все тело. Отчаянная слабость. Плохо слушаются ноги. Проходит почти полчаса, пока я «расхожусь». Риттер, кажется, чувствует себя немногим лучше. По вечерам он с тревогой осматривает свои распухшие ступни.

Мы остановились на ночлег у огромной полыньи. До противоположной кромки было не меньше километра.

Я приготовил с вечера лодку, но наутро ветер нагнал в полынью битый лед и снег. Нечего было и думать пробиться через это месиво. К востоку полынья как будто сужалась. Мы впряглись в сани и двинулись вдоль кромки льда.

Риттер поминутно бросал взгляды в сторону полыньи. Наконец он остановился и протянул руку.

— Видите? Нет, правее.

Я вгляделся. Посреди полыньи мелькали черные блестящие пятна.

— Тюлени, — сказал Риттер. — Морские зайцы. Русские называют их лахтаками.

Это были крупные, метра полтора-два в длину звери, покрытые темно-бурой со светлыми пятнами шерстью. Мы с Риттером переглянулись.

— Отсюда из пистолета не достать, — сказал я.

— Можно подозвать.

— Подозвать?

— Да. Как собак. Они очень любопытны.

Мы оттащили в сторону сани, а сами укрылись за нагромождением льда у самой полыньи. Риттер снял рукавицы, приложил руки ко рту и засвистел прерывисто и однотонно.

Поначалу тюлени не обращали на свист никакого внимания. Риттер перевел дыхание и засвистел громче. На этот раз его призыв был услышан. Один из тюленей, видимо самый любопытный, высунул из воды голову и медленно поплыл к нам.

Я вынул парабеллум. При одной мысли о куске свежего жареного мяса у меня сводило судорогой желудок. Последний раз я ел бифштекс на «Олафе». У Риттера на поху-девшей шее двигался острый кадык. Тюлень в самом деле, как собака, плыл на свист. Уже была отчетливо видна круглая усатая голова, черные блестящие точки глаз.

— Бейте в грудь, — торопливо говорит Риттер. — Как только выползет на лед, сразу бейте, а то уйдет.

Ветер затих, и лахтак не чувствует нашего запаха. Он задержался немного у кромки льда, потом навалился передними лапами и выполз из воды, поводя усатой головой.

— Берите ниже, — шепчет Риттер. — Он бьет с превышением.

Ему лучше знать. Я беру ниже. На темной шкуре отчетливо выделяется светлое пятно. Нажимаю спуск. Лахтак вздрагивает. Я стреляю еще. Темная туша, вскинувшись, подается назад. Молодой, намерзший за ночь лед проламывается. Тюлень уходит в воду.

Риттер выскакивает из укрытия. Я бросаюсь за ним. Туша лахтака плавает у края льда, подымающегося больше чем на метр над водой.

— Держите! — кричит Риттер и почти сползает в воду.

Я крепко держу его за ноги. Лейтенант, дотянувшись до тюленя, ловит его за задний ласт, подтягивает к себе. Лахтак слишком тяжел, мокрый ласт выскальзывает из рук. Риттер еще больше подается вперед. Он висит над водой. Тюлень никак не дается в руки. Изловчившись, Риттер вцепляется в ласт зубами. Я тащу лейтенанта к себе. Постепенно туша тюленя показывается над водой. Риттер обхватывает ее руками. Еще усилие — и тюлень оказывается на крепком льду.

4

Мы с жадностью едим куски горячего полусырого мяса. Мясо темное и мягкое, сильно пахнущее рыбой. Но мне оно кажется восхитительным. Риттер разделал тушу лахтака, как заправский мясник. Рядом сохнет распластанная шкура. Бесцветный жир отлично горит в алюминиевой миске. Теперь мы на несколько дней обеспечены топливом. Это как нельзя более кстати, так как керосин на исходе. Внутренности щедро отдали кружащим вокруг чайкам.

Аппетит у нас необыкновенный. Мы уже съели по полному котелку похлебки и сейчас варим еще. Риттер старательно высасывает из кости мозг. Я не могу дожидаться, пока сварится мясо, и принимаюсь за печень. Темную нежную печень лахтака Риттер точно разделил пополам.

Риттер не без сожаления отбрасывает опустошенную кость. Мозг в самом деле очень нежный и вкусный.

— Лучший деликатес, — говорят Риттер, принимаясь за следующую кость.

— Печень тоже недурна...

Риттер кивает.

— В тридцать шестом году на зимовке в Гренландии наш повар делал удивительное жаркое из маринованных ластов. Риттер мечтательно причмокивает. Вид у него диковатый. Закопченное, выпачканное жиром лицо. Жесткая грязно-рыжая борода. «Рыжий красного спросил...»

— Риттер, как вас дразнили в детстве?

Риттер изумленно вскидывает глаза.

— Что?!

— Ну, как вас называли приятели в детстве? Меня, например, за малый рост — «Гвоздиком». А вас как? «Рыжиком»?

Риттер невольно улыбается.

— «Fuchsschwanz» — «Лисий хвост»... Это в Дюссельдорфе. А в шестой петербургской гимназии, где я учился, — «Патрикеевичем».

— Вы учились в Петербурге?!

— Да. Мой отец был профессором Петербургского университета.

— Вот как!

Я даже на секунду забываю о печенке.

— А вы думали, я выучил русский язык в школе разведки? — говорит Риттер.

— Нет. Какой вы разведчик! Вы просто так... любитель птичек.

— Это наследственная страсть, — говорит Риттер серьезно. — Мой отец был крупнейшим орнитологом. Наш дом всегда был полон птиц. Черные канарейки, голуби, редчайшие попугаи.

— И вы пошли по стопам отца?

— Нет. Я метеоролог.

Риттер вдруг осекается, как человек, сказавший лишнее.

— Значит, в германской армии существуют лейтенанты метеорологической службы?

Риттер усмехается.

— Знаете, Колчин, вы тоже не кончали школы контрразведки.

— Это вы угадали. Не кончал. К сожалению, не кончал.

Я понимаю, что больше мне от Риттера сегодня ничего не добиться. Ну что ж, для первого раза хватит. У нас еще будет время поговорить. Доедаю последний ломтик сырой, едва подсоленной печени.

— Берите еще, — предлагает Риттер. — Лучшее средство против цинги.

Что за неожиданная любезность? Пристально смотрю на лейтенанта. Не получив ответа, он берет свою половину печени.

Кипящая вода заливает примус. Пробую ножом мясо в котелке. Пожалуй, готово. Разливаю по мискам дымящуюся похлебку.

После сытного обеда очень хочется спать, но я пересиливаю себя и начинаю собираться в дорогу. Риттер аккуратно упаковывает в шкуру самые лучшие, уже подмерзшие куски мяса.

Я поскользнулся на куске требухи. Странно, но мне показалось, что это печень. Та самая половина, что взял себе Риттер. Я наклонился рассмотреть, но нахальная чайка утащила кусок прямо из-под моего носа. Нет, я же видел, как Риттер ел печень...

5

Внезапная острая боль в желудке заставила меня остановиться. Риттер тоже встал. Не оборачиваясь, он протирает очки. Новая спазма. Я невольно охнул. Риттер резко обернулся. Взгляд его неприкрытых глаз будто ожег меня. Но в следующую секунду он уже надел очки.

— Что случилось?

Я не ответил. Мне было не до разговоров. Я скинул лямку и заплетающимися ногами пошел в сторону. Риттер двинулся за мной.

— Ни с места! — крикнул я.

Я сделал еще несколько шагов. Спазма подступила к горлу. Меня вырвало. Когда я поднял голову, Риттер шел ко мне. Я вынул пистолет. Риттер остановился.

— Возвращайтесь к саням! — приказал я. — Ну?!

Риттер вернулся. Меня снова вырвало. На лбу выступил липкий пот. Ноги подгибались. Пришлось сесть на снег. Может быть, я просто слишком много съел? Я слышал как-то, что при отравлении врачи предлагают больному перечислить все, что он ел накануне. Причина отравления неизбежно вызовет приступ тошноты. Организм сам даст правильный ответ. При воспоминании о печени морского зайца меня сразу вырвало. «Берите еще, лучшее средство против цинги...» Значит, Риттер знал, что она ядовита.

Кружилась голова. «Черные канарейки... Наследственная страсть... Берите еще...»

Риттер поднялся с саней.

— Ни с места!

Я заставил себя встать. Пошатываясь, направился к саням.

...«Выпьем за победу!..» «Где мой автомат?..» «У вас больные глаза...» Дым над зимовьем... «Берите еще...» Тяжелое тело Дигирнеса на снегу...

Я спустил предохранитель пистолета.

Риттер стал пятиться назад. Его глаза, не отрываясь, следили за пистолетом. Он сделал еще шаг назад, запутавшись в лямке, споткнулся и сел на снег. Он ничего не говорил. Подняв голову, он смотрел мне в лицо. Будь он в очках, я бы, наверное, выстрелил. Но на меня смотрели безоружные глаза смертельно испуганного человека.

Я опустил пистолет. Меня бил озноб.

— Возьмите жир, — сказал я, — разведите огонь. Вскипятите воды.

Риттер не двинулся с места.

— Слышите? — Я тяжело рухнул на сани. — Как можно больше воды...

Риттер, опасно косясь на пистолет, поднялся. Резь

в желудке не унималась. Голову как будто стянуло обручем.

Риттер набросал в миску с жиром мелко наструганных щепок, попросил спички.

Я лежал и смотрел на спину Риттера, пока он разводил огонь. «Черные канарейки... голуби... редчайшие попугаи...»

6

Меня спасло то, что у нас было много топлива и свежего мяса. С Риттера я не спускал глаз, но он беспрекословно выполнял все приказания. Вырыл снежную яму, грел воду, варил бульон.

Через три дня я почувствовал себя сносно и приказал Риттеру собираться. Он с недоумением посмотрел на меня.

— Вы не хотите еще несколько дней отдохнуть?

— Нет. Собирайтесь.

Дорога ухудшилась. На пути стояли крупные торосы, иногда целые хребты, между которыми нелегко найти проход. Я был слишком слаб, чтобы тащить сани, поэтому Риттер один впрягся в лямки, а я подталкивал нарты сзади. Самое плохое, что наши нарты не приспособлены к глубокому снегу. У них слишком узкие полозья, и у торосов они проваливаются по самый передок в глубокий, рыхлый снег. В день мы проходим не больше трех-четырех километров. Тому, кто идет впереди, тяжелее. К вечеру Риттер едва передвигает ноги.

7

Риттер сидит на снегу, безучастный ко всему. Глаза его закрыты. Он даже не снял лямки. У меня тоже нет сил развести огонь. Открываю банку консервов. Но Риттер так устал, что не может есть.

— Оставьте, — бормочет он, не открывая глаз. — Не хочу... Ничего не хочу... Оставьте...

Но я не могу оставить лейтенанта в покое. Он совсем ослабнет, а завтра предстоит такой же трудный день. Я вкладываю в его руки комок замерзшего мяса и галету.

Риттер машинально откусывает кусок галеты. Медленно жует. Тяжело приподымает веки. Смотрит на меня отсутствующими воспаленными глазами.

— Откуда... — бормочет он. — Откуда вы? Кто вы такой?... Непостижимо...

Он говорит еще что-то по-немецки, но я не понимаю ни слова.

— Ешьте, — устало говорю я. — И ложитесь спать!

Риттер подымает голову.

— Я презираю себя. Почему ты не убил меня? Почему? Зачем я тебе нужен?

Лейтенант пытается встать, но ноги не слушаются. Снова валится в снег.

Я кидаю ему одеяла. Слышу, как он возится, устраиваясь на ночлег. Я знаю, как он будет спать: на правом боку, подтянув колени к самому подбородку. Спит как мертвый, ни разу не повернувшись за ночь. Во сне тяжело дышит, иногда хрипло кашляет. Я знаю каждый его шаг, каждое движение, каждый вздох. Я знаю о нем очень много и очень мало.

Странная судьба свела нас вместе на ничьей земле. Кругом тысячекилометровый простор, а мы боремся насмерть за право быть первым на узенькой тропе.

— Ненавижу... — бормочет Риттер. — Не думай... Мне не нужно твое милосердие... Все равно... Я убью, убью при первом...

— Заткнитесь, Риттер. Я хочу спать.

Лейтенант умолкает.

(Окончание следует)

Дорогой читатель!

В этом году журнал «Вокруг света» и приложение «Искатель» предоставляли свои страницы многим молодым авторам, пробуящим силы в приключенческом и научно-фантастическом жанрах. Одни из них с командировочными удостоверениями редакции побывали в разных районах нашей Родины. Другим темы произведений подсказаны их основной, «не литературной» профессией.

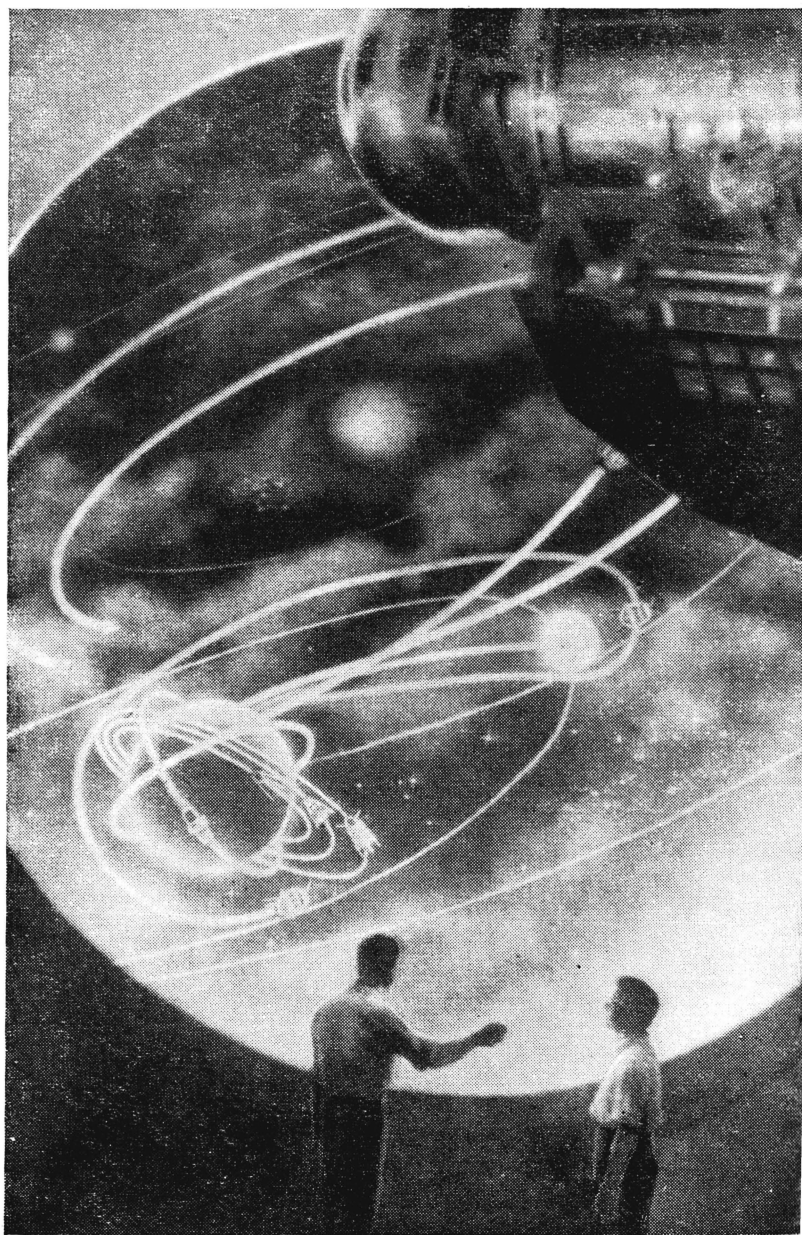
В журнале «Вокруг света» печатаются повесть Владимира Саксонова и Вячеслава Стерина «Меркурий в петлице», посвященная работе советских таможенников, серии очерков о романтиках наших дней: «Ледовое поколение» Е. Федоровского, «Цена одного карата» Николая Коротеева и цикла новелл В. Смирнова — «Суровые километры», а также приключенческие рассказы тех же авторов.

На страницах «Искателя» ты, читатель, познакомился с двумя приключенческими повестями: «Зажгите огни в океане» Олега Куваева, геолога по профессии, и «Фамильный рубль» молодых следователей Г. Рябова и А. Ходанова. В этом номере «Искателя» печатается новая повесть Алексея Леонтьева «Ничья земля».

Владимир Михайлов из Риги опубликовал в «Искателе» свою первую научно-фантастическую повесть «Особая необходимость». «Пари» — повесть свердловчан М. Немченко и Л. Немченко — скоро увидит свет на страницах «Вокруг света».

Почти все эти авторы — члены литературного объединения писателей-приключенцев, созданного недавно при журнале «Вокруг света», «Искателе» и редакции научно-фантастической и приключенческой литературы издательства «Молодая гвардия».

Дорогой читатель! Мы ждем от тебя отзывов на опубликованные в «Вокруг света» и «Искателе» рассказы, повести, очерки и новеллы молодых «приключенцев». Твои отзывы, несомненно, окажут авторам помощь в их дальнейшей творческой работе.

«Теперь весь мир видит, что коммунисты уверенно идут в авангарде человечества на Земле и в космосе, что социализм — это и есть та надежная стартовая площадка, с которой Советский Союз успешно направляет в космос свои мощные совершенные космические корабли.

Новые выдающиеся успехи в освоении космоса убедительно показывают, что коммунизм одерживает одну победу за другой в мирном соревновании с капитализмом. Воодушевленный решениями XXII съезда, новой Программой партии, советский народ уверенно строит коммунистическое общество, прокладывая всему человечеству путь к светлому будущему».

Из Обращения ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза к Коммунистической партии и народам Советского Союза, к народам и правительствам всех стран, ко всему прогрессивному человечеству.

Ю. ШИШИНА, В. ДЬЯКОВ

НЕВИДИМЫЕ КОСМОНАВТЫ

УДИВИТЕЛЬНЫЙ
МИР

Двести шестьдесят лет назад в Дельфте, провинциальном голландском городке, натуралист-любитель Антон Левенгук первый раз взглянул в свой самодельный микроскоп. Увиденное им было поразительно. Левенгук зарисовал микробов, чтобы рассказать о них людям, но ни рисункам, ни самому открытию еще долго не верили...

О том, как развивалась за двести шестьдесят лет наука о микробах, как совершенствовались методы исследований в микробиологии, можно, наверное, написать сотни книг. Но даже простое сравнение рисунков Левенгука и фотографии, на которой запечатлена обыкновенная бактерия — кишечная палочка, увеличенная в десятки тысяч раз современным электронным микроскопом, дает представление о пути, пройденном наукой.

Микробиологам открылся целый мир не видимых невооруженным глазом живых существ. Фантастически огромное количество и бесконечное разнообразие видов микробов — вот что прежде всего установили ученые. Левенгук писал о микроорганизмах: «В моем рту их больше, чем людей в Соединенном королевстве». А шведский ученый К. Линней, основоположник классификации животных и растений, объединил все микроорганизмы в один род, дав ему название весьма характерное: «Хаос».

Постепенно ученым удалось создать конкретную классификацию микробов. Пополнялись сведения, изменялись представления о мире микроорганизмов, но долгое время почти неизменным оставался взгляд на микробиологию как на науку, имеющую прикладной характер. На микробов долгое время смотрели в основном как на опасных возбудителей различных заболеваний или материал, пригодный для использования в хозяйстве и промышленности.

Да, мир микроорганизмов огромен. Их обнаруживают повсюду: в пластах земной коры, которые кажутся необитаемыми, в полярных морях, в горячих подземных источниках, высоко в атмосфере. Если бы на одну чашу воображаемых гигантских весов собрать все не видимые глазом живые существа — микроорганизмы, обитающие на нашей планете, — а другую чашу предоставить всем животным земли (в том числе и самым крупным: слонам, носорогам и т. д.), то перевесят... микробы! Окажется, что общий вес их протоплазмы во много раз больше веса протоплазмы обитающих на земле животных...

Огромна и роль микробов в жизни на нашей планете. Исчезни они вдруг с лица земли — и плодородные альпийские луга и непроходимые заросли тропических джунглей вскоре превратились бы в бесплодную пустыню.

Точные расчеты показывают: количество углекислоты, потребляемое ежегодно живыми растениями, таково, что ее запасы, если их постоянно не пополнять, будут съедены в какие-нибудь несколько десятков лет.

Углекислота, которую выделяют животные и люди, — это всего 5 процентов ее количества, потребляемого растениями ежегодно. Откуда же берутся остальные 95 процентов? Их дают бактерии. Разрушая попавших в почву погибших животных и растения (органические вещества), бактерии оставляют от них «груды обломков» — отдельные сложные молекулы. В качестве «отходов производства» при этом и образуется столь необходимая растениям углекислота.

Микроорганизмы — это зачинатели и завершители всего кругооборота веществ на земле!

Оказывается, микроскопическим существам удается сохраниться в самых различных местах земного шара при наиболее суровых условиях. Многие живущие в почве микроорганизмы настолько неприхотливы в питании, что способны развиваться на скудных, однообразных питательных средах, содержащих в качестве источника углерода иногда всего лишь одно органическое соединение, например окись углерода. Без углерода, как известно, нет самой жизни.

Мало того. Некоторые виды бактерий, превратившись в споры, неопределенно долгое время, может быть даже столетиями, обходятся и... вовсе без всякой пищи. А после этого возрождаются вновь.

Недавно двое немецких ученых открыли в залежах соли под источниками курорта Бад-Наугейм неизвестные бактерии, обитавшие в море, которое когда-то омывало эту область. Море давно высохло, а микроорганизмы, заключенные в кристалликах соли, сохранились. Соль поглотила влагу бактерий, не изменив

структуру их белков. Растворили кристаллы в питательном растворе — и бактерии ожили.

Вот еще один пример удивительной жизнестойкости микроорганизмов: они выносят давление в несколько тысяч атмосфер, температуры от абсолютного нуля (-273°) до 170° тепла.

Ионизирующее излучение в 500—800 рентген, представляющее смертельную опасность для человека, не убивает крошечных носителей жизни, а очень многие переносят дозы в сотни раз больше. Кто знает, может быть, именно микроорганизмы владеют секретом биологической защиты от губительного излучения?..

Каждая бактериальная клетка, несмотря на свои ничтожные размеры — сложная живая химическая фабрика, работающая с огромной мощностью. За сутки она съедает и перерабатывает общее количество пищи, в 20—30 раз превышающее ее собственный вес. На земле нет других живых существ, которые обладали бы такой поистине исключительной способностью к продолжению рода и размножению, как бактерии. При благоприятных условиях потомство только одной делящейся надвое каждые полчаса клетки в короткий срок могло бы покрыть всю земную поверхность.

Наконец, в каждой бактериальной клетке, словно в миниатюрном зеркале, отражаются законы развития, свойственные всем живым организмам. Отличная природная модель для научных исследований!

И подумайте, разве все эти качества микроорганизмов не делают их прекрасными помощниками человека в одном из его самых великих свершений — в освоении космоса! Родилась новая отрасль науки — космическая микробиология, а непременными участниками полетов за пределы Земли стали невидимые космонавты — микроорганизмы.

НА ОРБИТЕ

Человек готовился к полету в космос — совершенно неизвестную среду обитания, где все живое подстерегал ряд опасностей: космическое излучение — стремительно несущийся поток ядерных частиц колоссальных энергий; вибрация, перегрузки, невесомость. Не окажутся ли они губительными для всего живого?

Ответ могли дать лишь опыты, проведенные непосредственно в космическом пространстве.

Весь мир знает наших первых четвероногих космонавтов — собак Лайку, Белку, Стрелку, Чернушку, Звездочку. Но самой точной регистрацией жизненных процессов у собаки во время полета и самых тщательных наблюдений за ней после полета все же было недостаточно, чтобы решить, насколько безопасен полет для человека. В какой мере условия космического полета влияют на жизнеспособность отдельных клеток многоклеточного организма? Ответ на этот вопрос могли дать только существа, состоящие из одной-единственной клетки, то есть микробы.

И поэтому коллектив советских ученых, приняв во внимание

этот вывод, начал вплотную заниматься всем сложнейшим комплексом работ, связанных с подготовкой к космическому полету... микрокосмонавтов.

Как и полагается настоящим космонавтам, они прежде всего предстали перед строгой «отборочной комиссией».

Ее задача состояла в том, чтобы среди бесконечного множества самых несхожих микроорганизмов, среди всего, выражаясь языком Линнея, «хаоса», выбрать кандидатуры, в которых сочетался бы ряд качеств, нужных для поставленных целей.

Каких же именно? Прежде всего нужны были микроорганизмы, совершенно безвредные для человека. Некоторые из них должны были «уметь» обходиться и жить без кислорода. (Надо сказать, что, хотя большинству микроорганизмов он необходим, как и другим живым существам, существует ряд бактерий, называемых анаэробами, которые живут без кислорода.)

Микрокосмонавтов, конечно, следовало отбирать среди бактерий, способных образовывать споры. Споры в отличие от самих бактерий, хрупких и недолговечных, можно было послать в полет не на день и не на два, а на любой срок.

Попав в питательную среду, споры в любую минуту легко вновь обращаются в обычные бактерии.

Ученые искали микроорганизмы, отличающиеся какой-нибудь одной яркой особенностью, например способностью резко менять химический состав питательной среды. Используя это свойство, можно было бы с помощью приборов судить на расстоянии о самочувствии бактерий в полете. Ведь у них не сосчитаешь пульс и не измеришь кровяное давление.

Чувствительность бактериальных клеток к космическим лучам далеко не одинакова. Диапазон ее очень велик: от десятых долей рентгена до десятков тысяч рентген. Микрокосмонавтов подобрали так, чтобы создать из них живую шкалу для регистрации разных доз излучения: начиная от тех, какие способны выносить излучение громадной интенсивности, и кончая бактериями, чувствительными к ничтожным дозам.

Соблюдение всех требований, предъявляемых к будущим космическим путешественникам, делало отбор, безусловно, сложнейшей научной задачей.

Отобранные виды бактерий подвергали предварительным лабораторным испытаниям.

Как и полагается будущим космонавтам, они переносили огромные перегрузки на центрифугах, часами тряслись на вибростендах.

Чтобы определить, как повлияют на бактерии те или другие воздействия, с которыми, может быть, им придется встретиться в необычном полете, микроорганизмы подвергали и таким опытам, которые с человеком недопустимы, — например, радиоактивному облучению.

Обширная «программа подготовки» помогла микробиологам представить, что может произойти с микрокосмонавтами во время пребывания на орбите.

Все это облегчило предстартовые приготовления.

Участников полета заключили в маленькие специальные ампулы, которые спрятали в эбонитовые чехлы. Ампулы набили, как

папиросы в портсигар, в небольшие контейнеры. А эти металлические контейнеры помещены в космическом корабле.

На Земле в лабораториях оставались контрольные образцы точно таких же бактериальных культур, чтобы по возвращении их можно было сравнить с двойниками и точно установить, как повлиял полет на микрокосмонавтов.

Успехи первых же опытов в космосе были огромны, но ученым эта разведка казалась недостаточной. Они хотели наблюдать микроорганизмы не только до и после, но и во время полета, особенно когда его продолжительность увеличилась. Так возникла необходимость создать автоматические приборы, которые приводились бы в действие самими микроорганизмами, сигнализируя об их самочувствии из космоса в любой нужный момент.

Поиски начались вновь.

В ЧЕМОДАНЕ С ДВОЙНЫМ ДНОМ

Сначала несколько слов об одном из микробов, который называют палочкой маслянокислого брожения. Этот микроб относится к числу «бродильных», открытых еще в прошлом столетии Луи Пастером. Пастер обнаружил, что такие микроорганизмы выделяют в окружающую среду особые вещества — ферменты, вызывающие процессы брожения.

Ферменты вызывают и ускоряют сложные химические реакции, например расщепление крахмала. При этом образуется кислота и большое количество газа. Вот почему «бродильные» микробы называют еще газообразующими.

Палочки маслянокислого брожения отвечали всем требованиям, которые предъявлялись к невидимым космонавтам. Они совершенно безвредны для человека. При неблагоприятных внешних условиях эти бактерии постепенно меняются: их содержимое сгущается, они теряют жгутики, с помощью которых быстро плавают, покрываются плотной, прочной оболочкой и превращаются в споры.

А споры легко переносят кипячение, замораживание, высушивание. Жизнь как будто замирает, едва теплится. Но это, безусловно, жизнь. Ведь и семена в замерзшей почве хранятся до тех пор, пока солнечное тепло не заставит их ожить и дать зеленые всходы.

Исходя из этого советские ученые решили использовать газообразующее свойство этих микроорганизмов. «Что, если попытаться «выдрессировать» их так, — думал ученый, — чтобы на тщательно подобранных питательных средах они образовывали строго определенное количество газа? Тогда, если опыт поставить с достаточной точностью, показание газообразования можно передать со спутника Земли с помощью телеметрических систем».

Чтобы достичь такой степени точности, в одной из лабораторий начались поиски и подбор подходящих питательных сред.

Дни, а подчас и ночи напролет коллектив проводил за бесконечными опытами. Палочки сперва не хотели «слушаться». На одном «бульоне» они вдруг неудержимо размножились и бурно выделяли газ, на другом словно засыпали. Не так-то легко заставить работать живые организмы с точностью часов!

После долгих поисков необходимая питательная среда была найдена.

Но вторая задача оказалась технически куда более сложной.

Как снабдить газообразующие бактерии в путешествие? Обычные запаянные ампулы, плотно упакованные в контейнер, на этот раз не годились. Нужно было создать прибор-автомат, который сам точно регистрировал бы наличие газа, выделяемого бродильными микроорганизмами.

Создание прибора начали с простых на первый взгляд опытов. Питательные растворы с посеянными в них спорами наливали в обычные стеклянные шприцы для инъекций — такими делают уколы в любой амбулатории. Закрыв тщательно притертыми поршнями, их помещали в термостат при температуре 37°C. Место, где на шприц насаживается игла, плотно закрывали.

В теплом термостате на «вкусном» питательном бульоне споры прорастали, бактериальные клетки начинали размножаться, выделять ферменты.

Ферменты вызывали брожение... И спустя 12—15 часов дежуривший в лаборатории сотрудник слышал приглушенный звук выстрела: газ вышибал поршень.

Этот, казалось бы, несложный принцип (не станем повторять, что стоит найти в науке «простое» решение, так как к любому «простому» решению ведут очень сложные пути) конструкторы использовали при создании автоматического приборчика, названного биоэлементом.

Созданный ими прибор внешне походил на металлический цилиндр, а внутри разделялся стеклянной перегородкой на две изолированные камеры — этакий чемодан с двойным дном. В верхнюю камеру «загружали» споры, а в нижнюю наливали питательную среду.

Сверху на цилиндр навинчивалось ударное устройство. В любой момент по команде автомата боек ударного устройства разбивал стеклянную перегородку, и споры автоматически высевались в питательную среду. Дно нижней камеры заменяла гибкая мембрана. По мере образования газа давление внутри биоэлемента увеличивалось, мембрана прогибалась и замыкала электрические контакты. На Землю поступал радиосигнал: палочки живут и здравствуют. Создание биоэлемента позволяло отныне посылать микрокосмонавтов в полет на любые сроки и расстояния.

И действительно, помещенные внутри космического корабля споры могли лететь, сколько и куда угодно. Ученые стали мечтать о том, чтобы забросить биоэлемент, например, на Луну и через несколько лет проверить, прорастут ли заключенные в нем споры. Но пока биоэлемент позволял микробиологам в любое время получить сведения, как переносят полет невидимые космонавты.

„СКОЛЬКО РЕНТГЕН?“

Микроорганизмы, как и всякие живые существа, могут «болеть». У них есть враги — бактериофаги (буквально: «пожиратели бактерий»).

Бактериофаги, или просто фаги, — это вирусы бактерий, и живут они, как все вирусы, только внутри клеток. Если разрезать клетку, пораженную, но еще не полностью разрушенную фагом, то под электронным микроскопом можно отчетливо увидеть внутри ядра темные пятнышки. Каждое такое пятнышко — отдельный фаг.

Природа вирусов до сих пор вызывает споры ученых. Одни склонны видеть в них живые простейшие существа, другие, например академик А. И. Опарин, считают, что вирусы гораздо больше похожи на вещества. Дело в том, что вне клеток они вступают в химические соединения с различными веществами, а внутри клеток размножаются, как и все живое.

Сравнительно недавно обнаружены такие виды микроорганизмов, в которых бактериофаги как бы притаились и в нормальных условиях не беспокоят их. Способность совместного существования с бактериофагом передается по наследству от одной бактерии к другой в сотнях и тысячах сменяющихся поколений. Такие бактерии называются лизогенными. Но если лизогенные бактерии подвергаются воздействию рентгеновских лучей или другого вида ионизирующих лучей, в том числе и космических, то у них происходит изменение наследственных свойств.

Это приводит к тому, что притаившиеся фаги как бы пользуются вдруг возникшей «слабостью» бактерии и начинают размножаться в ней, приводя бактерию к гибели.

В отличие от всех известных живых существ лизогенные бактерии чувствительны даже к небольшим дозам излучений, их наследственные свойства изменяются под влиянием ничтожной дозы — $\frac{1}{3}$ рентгена.

Лизогенных бактерий тоже решено было использовать в исследованиях космоса — ведь они смогут уловить космическое излучение и тогда, когда самые чувствительные и, добавим, занимающие довольно много места приборы его не улавливают. Количество фага будет соответствовать дозе облучения.

Лизогенные бактерии отправляли в полет в запаянных ампулах. Когда они возвращались из полета, их заливали быстро застывающим веществом, похожим на парафин, — метилметакрилатом. Получившиеся свечки разрезали на тончайшие золотистые диски. Сотрудники лаборатории виртуозно, что называется с ювелирным искусством готовили из стекла специальные ножи с острыми, тончайшими лезвиями. Ножи рассекали заключенных в свечке бактерий величиной в полтора микрона. А затем их исследовали под электронным микроскопом.

Кроме того, вернувшиеся из полета лизогенные бактерии высеивали на твердые питательные среды, в которых заранее уже

были выращены колонии чувствительных к бактериофагу кишечных палочек.

По числу разрушенных бактериофагом микробных колоний легко определяли количество фага, образовавшегося за время полета, а стало быть, дозу космического облучения, которой подвергся корабль и все, кто находился на его борту.

НЕВЕДОМАЯ ЖИЗНЬ

Теперь, после того как советские люди открыли новую, космическую эру в истории человечества, нас особенно волнует вопрос о существовании жизни на других планетах.

В научно-фантастических повестях и рассказах планеты населены похожими или не похожими на людей разумными существами. Воображение читателя потрясают огромные чудовища и буйная растительность Венеры. Мудрые и жестокие марсиане куют в глубоких «подмарсельях» таинственное оружие...

Но давайте подумаем о другом: если самое многочисленное население Земли — микробы так неприхотливы, то почему бы им не здравствовать благополучно где-нибудь на Юпитере или на том же Марсе?

«С их точки зрения» условия там вполне выносимы. И выполняют они, по-видимому, ту же роль, что принадлежит им на нашей планете. Может быть, там они также являются той самой нижней ступенькой эволюции живых организмов, какой они явились когда-то на Земле.

Вот почему, оставив заманчивые, но подчас необоснованные фантазии, наука при изучении жизни вне Земли прежде всего, вероятно, займется поисками невидимого живого мира. И ведь незачем откладывать в долгий ящик начало исследований, ждать, пока отправятся экспедиции на Марс или на Венеру. Встречи с микроорганизмами возможны, по мнению ученых, уже на Луне и в межпланетном пространстве.

Уже несколько раз при исследовании метеоритов ученые обнаруживали в них остатки органических веществ.

В газете «Правда» совсем недавно появилась маленькая заметка, в которой сообщалось, что сотруднику нефтяного института в Ленинграде удалось извлечь из каменного метеорита углистый порошок, в котором после соответствующей обработки были обнаружены спороподобные образования и микроскопические остатки организмов.

Что найдено в метеоритах? Споры обитающих на других планетах микроорганизмов или обуглившиеся остатки земного происхождения, попавшие в полурасплавленный метеорит при его падении? Трудно ответить на все возникающие вопросы до тех пор, пока не удастся добыть метеорит за пределами земной атмосферы.

Большие надежды возлагают ученые на первые посещения Луны. На Луне атмосферы нет, и поэтому метеориты беспрепят-

ственно достигают ее поверхности. Там веками накапливается, если так можно выразиться, их ценнейшая коллекция.

На ничем не защищенной поверхности Луны существуют, вероятно, те же условия, что и в космическом пространстве, поэтому микробиологи не уверены, что там живут микроорганизмы. Но, вероятно, в глубоких слоях лунной поверхности удастся обнаружить неподвижно пролежавшие миллионы лет споры — живое свидетельство прошедших давным-давно событий.

Перед космической микробиологией возникает еще одна сложная проблема. Никто не знает, как будут себя вести наши бактерии на другой планете или, например, микроорганизмы Марса, попавшие к нам. Ведь бактерии обладают удивительной, широчайшей способностью к изменчивости. Они быстрее, чем любые другие живые существа, приспосабливаются к условиям любой среды.

Очень важно не допустить засорения космического пространства случайными земными микроорганизмами. Кто знает, каких бед могут натворить «зайцы» — бактерии, случайно попавшие с ракетой на Луну или Марс? Безобидные в земных условиях, они могут стать очень опасными на других планетах. Кроме того, важно вообще отличать, допустим, «лунные» бактерии от «земных». Вот почему при запуске ракеты, доставившей советский вымпел на Луну, были приняты все необходимые меры по ее стерилизации, обеззараживанию.

Когда космические корабли будут возвращаться с других планет, а, наверно, это дело не столь далекого будущего, санитарный кордон должен быть еще строже, так как пока неизвестно, к каким последствиям приведет соприкосновение незнакомых нам форм жизни с земными.

Речь пока шла о ближайших задачах космической микробиологии. А сколько интереснейших вопросов будет возникать по мере дальнейшего проникновения в космос? Придет время, и человек от изучения приступит и к освоению других планет. И здесь микроорганизмы должны сыграть не последнюю роль. Атмосфера Земли богата кислородом. В атмосфере Венеры, например, обнаружены пока лишь небольшие его следы. Лицо этой планеты закрыто от нас всегда густой влажной завесой облаков. Можно предположить, что влаги там хватает. А если так...

Что, если распылить во влажной атмосфере Венеры микроскопические сине-зеленые водоросли? Этими растительными микроорганизмами, содержащими хлорофилл, кишмя кишит любой земной водоем. Сине-зеленые водоросли в отличие от большинства микроорганизмов не поглощают, а выделяют кислород. Что, если удастся с их помощью подготовить Венеру для приема космонавтов и обогатить ее атмосферу столь необходимым для нас, земных жителей, кислородом?

А вспомните об удивительной способности микроорганизмов противостоять убийственной космической радиации! Не удастся ли в космосе посмотреть секрет защиты против этой смертельной опасности?

И еще одна интереснейшая проблема.

Время, так же как пространство, относительно, — эту мысль впервые высказал А. Эйнштейн. Скорость течения времени за-

висит от скорости движения того тела, по частям которого производится его отсчет. Эйнштейн сделал теоретический вывод, что в быстро движущихся друг относительно друга механических системах длительность времени не одинакова.

А распространяется ли «парадокс времени» на биологические явления? На этот вопрос не мог ответить даже сам автор теории относительности.

Можно ли проверить справедливость этой теории в биологии непосредственно опытом? Такая заманчивая мысль появилась еще в период подготовки первых космических полетов.

Почти сразу же после того, как возникла эта идея, несколько советских ученых высказали мнение, что биологическую теорию относительности следует попытаться проверить в ближайшее время с помощью... микроорганизмов. Опять невидимые космонавты! Чем же в этом случае они могут быть полезны?

Как известно, невидимые обитатели нашей планеты размножаются с очень большой быстротой. Представьте, что в космический полет отправляют биоэлементы, о которых мы уже рассказали, с заключенными в них спорами. Ракета мчится со все возрастающей скоростью. Сигнал с Земли — «спущен курок», автоматически производится посев спор в питательную среду. В земной лаборатории одновременно ставится точно такой же контрольный опыт. По «шахматным часам» исследователи наблюдают, какой же из биоэлементов сработает раньше. Сравнив полученные данные, легко будет установить, замедляются ли биологические процессы в клетках бактерий, летящих в пространстве с огромной скоростью по сравнению с земными.

Всеми перечисленными проблемами занимается или будет заниматься наука. У космической микробиологии большое будущее!

Во время нашей предыдущей радиопереклички с планетами несколько раз чуткие «уши» радиотелескопов улавливали странные звуки, похожие на отдаленный смех, хмыканье. Донеслась даже целая фраза на непонятном языке, построенная так ритмично, что походила на стихотворную. Фраза это была записана на магнитофонную ленту и затем предложена для перевода и расшифровки самой «умной» из имеющихся электронных машин.

Вот текст, выданный машиной:

«А меня как всегда забыли... А мне вы (ты) думаете (думаешь) нетрудно освещать? Иди сделай так же (варианты: повтори, последуй моему примеру). А вот иду (варианты: шагаю, поспешаю, тороплюсь, поторапливаюсь, двигаюсь) я, потому что я приняло на себя такое обязательство (варианты: дало обет, вызвалось, согласилось), и вот я иду, свечу сразу двумя фонарями...»

Долго мы ломали головы над этой тарабарициной. Вдруг наш специальный космический корреспондент Г. Голубев вскрикнул:

— Эврика! — и помчался на радиостанцию, где принялся торопливо вызывать Солнце...

ГОВОРИТ

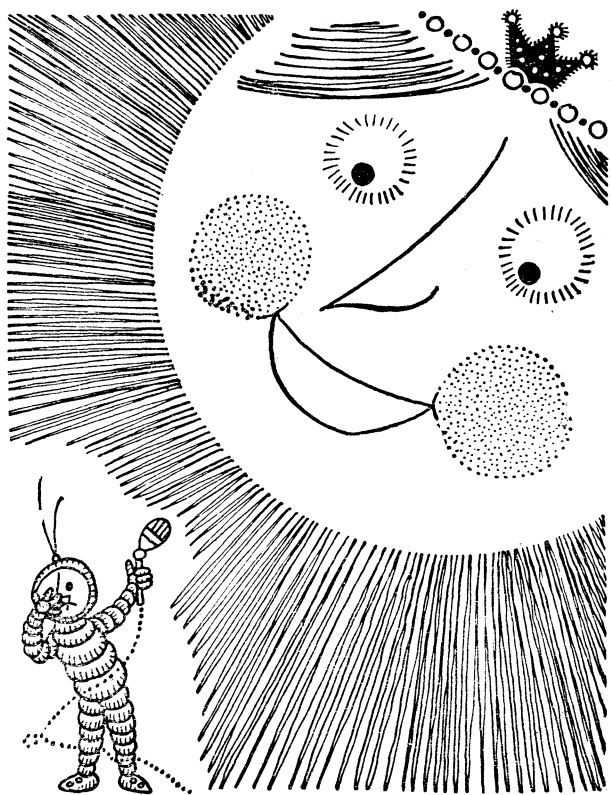
ДНЕВНАЯ ЗВЕЗДА...

— Солнце? Здравствуйте, наше дорогое светило! Вы не думайте, что мы о вас забыли, о нет! Просто мы решили предоставить вам слово после того, как выскажутся все остальные члены солнечной семьи. Надеюсь, вы не обижены?

— Нет. Я вовсе не так обидчиво, как некоторые мои неразумные дети — планеты, хоть и знаю себе цену. Думаю, и вы не склонны забывать обо мне — ведь в вашей системе я единственное и неповторимое.

— О, конечно! О нашем внимании к вам вы можете судить хотя бы по тому, что у нас в Советском Союзе даже создана специальная Служба Солнца. Множество обсерваторий провожают почтительными взорами своих телескопов каждый шаг вашего извечного пути по небосклону.

— Благодарю вас за такое внимание, но мне кажется, вы следите за мной столь тщательно вовсе не бескорыстно и отнюдь не ради моей красоты. Ведь я — единственная звезда, поверх-

Рисунки В. Стацинского

ность которой вы пока можете рассматривать в свои телескопы. А кроме того, я так неразрывно связано с Землей, что, изучая меня, вы пытаетесь разрешить и ваши земные проблемы: составлять прогнозы погоды и предвидеть урожай на полях.

— Да, мы привыкли относиться к вам с уважением. Первобытные народы даже поклонялись вашему золотому диску как самому главному божеству, дарителю жизни...

— Ну, допустим, не всегда вы оказывали мне должное уважение. Были времена, когда многие самоуверенно считали Землю центром мироздания и воображали, будто это я, Солнце, послушно вращаюсь вокруг вашей планетки, словно овца на привязи.

— Но ведь эти геоцентрические заблуждения давно отвергнуты наукой. Вспомните Коперника...

— Однако я бы не сказал, что с тех времен у вас прибавилось скромности. Теперь вы пытаетесь ни больше, ни меньше,

как создать себе свое земное солнце в лабораториях. Но, кажется, с управляемой термоядерной реакцией пока ещё не очень получается?

— Мы не унываем и надеемся справиться и с этой весьма нелегкой задачей.

— Насколько я изучило людей, рассматривая их день за днем, вы своего добьетесь. Но для этого вам придется получше разобраться в тайнах моего внутреннего строения, в сложной механике тех процессов, которые происходят в моих недрах.

— За последние годы советские ученые многое узнали о любопытных особенностях ваших трех внешних газовых оболочек: фотосферы, хромосферы и серебристой короны. Но вот проникнуть в ваши огненные недра не так-то легко. Они недоступны прямому наблюдению.

— И все-таки вам удастся, если не заглянуть в мои недра, то хотя бы «подслушивать» его секреты «ушами» радиотелескопов.

— Да, с помощью радиотелескопов нашим советским астрономам удастся как бы заглядывать внутрь солнечных пятен, зондировать их на большую глубину, на расстоянии без малого сто пятьдесят миллионов километров, которое нас с вами разделяет, измерять даже величину магнитных полей над отдельными пятнами. Но и тут возникает немало новых загадок: что питает энергией эти магнитные поля? Почему плазма в магнитных полях ваших пятен не рассасывается, а ведет себя гораздо устойчивее, чем в наших опытных термоядерных установках? И есть ли у вас общее магнитное поле, как и у нашей планеты, или только отдельные поля вокруг пятен и гранул?

— Мне кажется, вы слишком нетерпеливы и хотите сразу разгадать все загадки. Разрешите встречный вопрос: а у Земли есть единое магнитное поле?

— Есть.

— И вы знаете его источник?

— Как вам сказать... Существует несколько гипотез...

— Вот, вот, со своим земным магнитным полем еще не разобрались, а хотите все выяснить о моем. Позвольте напомнить вам слова одного из ваших ученых, сказанные по поводу загадок земного магнетизма: «Это неведение одновременно является и уроком скромности и призывом к дальнейшим исследованиям». Неплохо сказано, не правда ли? И может быть отнесено ко всем загадкам природы. Так что не огорчайтесь и продолжайте исследования. Они идут во многом весьма успешно. Позвольте, например, поздравить ваших ученых с таким выдающимся достижением, как недавняя радиолокация моей короны.

— Спасибо, это было действительно нелегким делом, ведь нужен был сигнал в сто раз сильнее, чем при локации Венеры, чтобы он мог вернуться на Землю, отразившись от вашей короны. А чтобы его уловить и отличить от вашего собственного радиоизлучения, пришлось к локатору присоединить электронно-счетную машину. Сейчас наши советские ученые и инженеры разрабатывают новые локационные установки с автоматическим электронным управлением.

— Ну что ж, будет очень приятно услышать их голоса.

— Даже для теоретических исследований вашего внутреннего строения астрономы начинают теперь применять оригинальные новейшие методы. Недавно в Пулковской обсерватории мне довелось видеть вашу модель, уважаемое светило.

— Вот как? И как же я выглядело?

— Честно говоря, я бы никогда сам не догадался, что вижу перед собой модель Солнца. Она не опалая жаром и не давала света. Это был просто-напросто большой стеклянный шар, наполненный водой со взвешенными в ней мельчайшими частицами. Но когда его начинали вращать, а потом выключали моторчик, движение воды в шаре затухало постепенно — от стенок к центру, и тогда возникали отчетливо видимые меридиональные потоки, весьма похожие на движение раскаленных газов в вашей фотосфере.

— Любопытно. Но ведь нельзя забывать и о разнице между водой в вашем шаре и моей магнитной плазмой...

— И это учитывалось в опытах: жидкость делали электропроводящей, а шар помещали между полюсами сильного магнита.

— Отлично. Теперь остается еще подобрать и другие подобию моим уникальным природным условиям: температуре, достигающей, по вашим расчетам, двадцати миллионов градусов в моих недрах, давлению, в тысячу миллионов раз превышающему ваше атмосферное. А для чего, собственно, понадобились такие модели, которые не светят и не греют?

— С их помощью ученые надеются уточнить прогнозы перемен вашей деятельности, которая очень сильно сказывается на всей Земле.

— Ага, мы, кажется, подошли к теме, которая вас больше всего волнует. «Проблема Солнце — Земля», — так, помнится, называют ее ваши ученые?

— Да, и это вполне естественно. Наша планета так тесно связана с вами, что многие астрономы теперь считают, и не без резона, что солнечная атмосфера простирается гораздо дальше, чем мы раньше полагали, — до самой Земли. И малейшие перемены в вашей активности сказываются на нашей жизни.

— Это, конечно, весьма лестно для меня, но, пожалуй, немного преувеличено...

— Может быть. Но во всяком случае ваше влияние на погоду мы ощущаем весьма явственно. Много хлопот причиняют нашим радистам магнитные бури в ионосфере, порождаемые ворвавшимися потоками ваших частиц? Тогда происходят совершенно невероятные вещи: то радиосвязь прерывается в некоторых местах так надолго, что внезапно замолкшие подводные лодки и самолеты уже считают погибшими, а то, наоборот, из-за ваших капризов через весь Атлантический океан перелетает с лондонских улиц голос диспетчера, вызывающего на ультракоротких волнах шофера ближайшего такси. Попробуй тут разберись...

— Н-да, но вам не кажется, что во всей этой неразберихе должна быть какая-то система, закономерности, которых вы пока не poznали?

— Этим и заняты сейчас ученые. Они пытаются раскрыть закономерности перемен вашей активности, чтобы можно было давать надежные прогнозы на неделю, на месяц, на год вперед. И в этом они добились несомненных, хотя и не слишком громких пока, успехов. Много исследователей занято разгадкой цикличности вашей деятельности. Уже довольно хорошо изучен самый заметный одиннадцатилетний цикл усиления и постепенного спада вашей активности. Другой цикл, захватывающий примерно восемьдесят лет, как предполагают ученые, особенно влияет на перемены земного климата, заставляя его периодически становиться то теплее, то холоднее. Есть у наших исследователей весьма серьезные подозрения о существовании и еще более растянутых во времени циклов вашей деятельности — примерно на шестьсот лет. Но проверить их пока трудно, потому что шесть столетий назад за вами еще не наблюдали так внимательно и пристально, как сейчас.

— Но ведь для расследования вам не обязательно иметь письменные доказательства. Все перемены моего излучения записаны и в отложениях различных горных пород земной коры, и в ископаемых остатках древних животных и растений, и в чередовании годовых колец тысячелетних калифорнийских секвой. Ищите, ищите...

— В связи с этим мне бы хотелось задать вам один весьма волнующий нас вопрос, дорогое светило. Земля существует пять, а возможно, даже семь-восемь миллиардов лет — тут ученые еще расходятся во мнениях. И, по новейшим космогоническим теориям, наша планета достаточно быстро остыла или даже вообще никогда не была слишком горячей, так что почти с самого начала имелись условия для развития жизни. Почему же в таком случае жизнь на Земле начала развиваться только в последний миллиард лет?

— Мне кажется, что и в этом случае имеет смысл искать ответ у вас, на Земле.

— Попробуем. Сейчас как раз наши ученые и инженеры объединяют свои усилия, чтобы в разных точках планеты пробурить сверхглубокие скважины и впервые заглянуть в сокровенную толщу земной коры. Но одновременно мы готовимся и усилить наблюдение за вами, наша сияющая дневная звезда. Сейчас заканчивается очередной одиннадцатилетний цикл вашей повышенной активности, оказавшийся на сей раз весьма бурным, и тысячи ученых различных стран готовятся вести исследования по программе так называемого «Международного года спокойного Солнца».

— Благодарю вас за такое внимание и от всей своей пламенной души искренне желаю успеха. Вы сможете многое узнать, наблюдая за мной с расстояния, особенно с искусственных спутников: приборам, установленным на них, не будет мешать земная атмосфера.

Кстати, как раз в октябре исполняется ровно пять лет, как пополнилась моя солнечная семья. Советские ученые, рабочие и инженеры создали первую искусственную планету. С тех пор спутников вокруг Земли уже закружилось столько, что я сбиваюсь со счета: сколько же теперь у меня детей? Правда, поче-

му-то не все они изучают космос. Многие искусственные спутники, стартующие с западного полушария Земли, больше заняты слишком пристальным рассматриванием поверхности своей родной планеты. Похоже, что все эти «Самосы», «Мидасы» и «Эксплореры» заняты не научными исследованиями, а совсем иной и, надо сказать, весьма малопочтенной работой...

— Да, к сожалению, вы правы. Но мы надеемся, что вскоре ученые всех стран действительно объединят свои усилия в мирном исследовании загадок природы, и тогда гораздо быстрее пойдет изучение и вас, дорогое Солнце, и всех планет. И хотя мы действительно вряд ли когда-нибудь сможем ступить на вашу огненную поверхность, это не помешает нам вечно стремиться к вам, добиваться разгадки всех ваших тайн.

По преданию, древнегреческий философ Евдокс умолял богов дать ему возможность хоть один раз увидеть Солнце вблизи и узнать, каковы его форма, величина и красота, даже ценой того, чтобы быть тотчас же сожженным. С тех пор мы многое узнали о вас, но та же великая страсть познания живет в душе каждого настоящего исследователя.

— Спасибо.

— А мне, в свою очередь, разрешите поблагодарить вас за такое обстоятельное интервью.

— О, у меня уже есть некоторый опыт!

— Что вы имеете в виду?

— Ну как же, ведь меня интервьюировали даже в стихах. Помните? «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче».

— Ага, значит, я правильно расшифровал странную радиogramму и сразу понял, что это именно вы подаете голос из мирового пространства?

— Конечно. Я очень люблю эти стихи:

«...А мне, ты думаешь,
светить
легко?

— Поди, попробуй! —
А вот идешь —

взялось идти,
идешь — и светишь в оба!»

— У вас это звучит отлично, но, к сожалению, перевод электронной машины был не слишком вразумителен...

— Но ведь это ваша, земная машина, с самих себя и спрашивают. А мое дело:

«...Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!..»

— Привет горячий, Солнце!

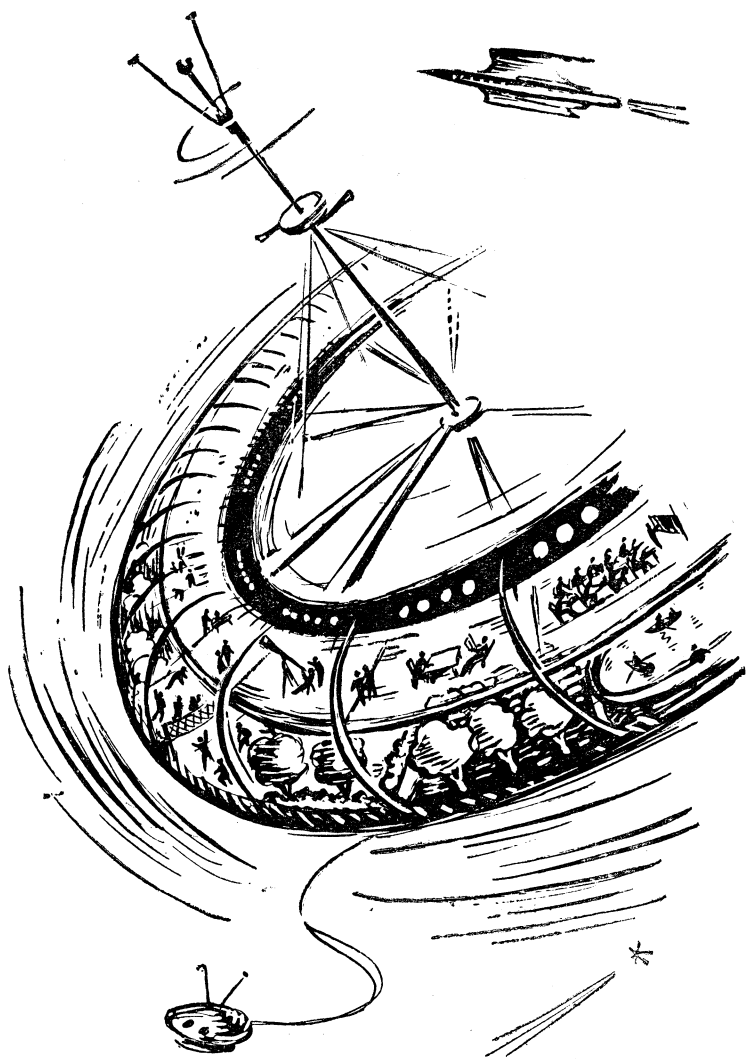

Рисунок В. Назарова

ОНИ МЕЧТАЛИ О ПОКОРЕНИИ КОСМОСА

«Ученый-мечтатель» — так назвал Циолковского Никита Сергеевич Хрущев, выступая на встрече первого космонавта Юрия Гагарина. Как верны и точны эти слова! В трудах К. Э. Циолковского гармонично слились дерзновенные мечты и строгий, точный научный расчет. Когда думаешь об этом, становится понятным тот интерес, который проявлял великий ученый к научно-фантастическим произведениям.

Константин Эдуардович говорил, например, о Жюле Верне как о писателе, который способствовал пробуждению у него интереса к проблеме межпланетных полетов. Позднее, в связи с постановкой научно-фантастического фильма «Космический рейс», в статье «Только ли фантазия?» ученый отмечал: «Рассказы на темы межпланетных полетов несут новую мысль в массы. Кто этим занимается, тот делает полезное дело: побуждает к деятельности мозг, рождает сочувствующих и будущих работников великих намерений».

Мимо внимания Циолковского не могли, конечно, пройти произведения выдающегося советского писателя-фантаста Александра Романовича Беляева. Особенно заинтересовал ученого «Прыжок в ничто» — роман о полете в ракетном корабле, построенном по идеям Циолковского.

В романе описана «ракета 2017 года», как назвал Циолковский этот большой пассажирский межпланетный корабль. Беляев необычайно выразительно передал обстановку межпланетного полета, «быт» космических путешественников, нарисовал впечатляющие картины вселенной. Только глубокое знание астрономии и космонавтики, творческое знакомство с работами Циолковского позволили ему сделать это.

В 1934 году журнал «Вокруг света» начал печатать новый роман Беляева — «Воздушный корабль». В основу и этого романа писатель также положил работы Циолковского.

Редакция получила тогда письмо Константина Эдуардовича, в котором он писал (10 декабря 1934 года):

«Рассказ... остроумно написан и достаточно научен для фантазии. Позволю себе изъявить удовольствие тов. Беляеву и почтенной редакции журнала. Прошу тов. Беляева прислать мне наложенным платежом его другой фантастический рассказ, посвященный межпланетным скитаниям, который я нигде не мог достать. Надеюсь и в нем найти хорошее. Прошу переслать письмо тов. Беляеву. С приветом. ЦИОЛКОВСКИЙ».

Отзыв о «Воздушном корабле» взволновал и обрадовал писателя. Он сразу же выслал Циолковскому экземпляр романа «Прыжок в ничто».

Замечания Константина Эдуардовича по первому изданию романа (выходившему без его участия) имели частный характер. Лучшей оценкой книги послужили слова предисловия, которое Циолковский дал к следующему, второму изданию: «Из всех рассказов на тему о межпланетных сообщениях, оригинальных и переводных, роман А. Р. Беляева кажется мне наиболее содержательным и научным. Я сердечно и искренне приветствую появление второго издания, которое, несомненно, будет способствовать распространению в массах интереса к заатмосферным полетам. Вероятно, их ожидает великое будущее».

На первой странице второго издания романа появилась надпись: «Константину Эдуардовичу Циолковскому в знак глубокого уважения. Автор».

Между писателем и ученым завязалась переписка, которая оборвалась только со смертью Циолковского. Она представляет сейчас большой интерес, показывая отношение великого ученого к научной фантастике и ее крупнейшему представителю Александру Беляеву¹.

¹ Переписка, хранящаяся в архиве Академии наук СССР, предоставлена профессором Б. Н. Воробьевым.

Глубокоуважаемый Константин Эдуардович!

Редакция журнала «Вокруг света» передала мне копию Вашего письма по поводу моей повести «Воздушный корабль» в № 10 журнала.

Я очень признателен Вам за Ваш отзыв и внимание.

Экземпляр романа о межпланетных путешествиях «Прыжок в ничто» высылаю заказной бандеролью. В этом романе я сделал попытку, не вдаваясь в самостоятельное фантазирование, изложить современные научные взгляды на возможность межпланетных сообщений, основываясь главным образом на Ваших работах. У меня была даже мысль — посвятить этот роман Вам, но я опасался того, что он «не будет стоить этого». И я не ошибся, хотя

Нелегко сложились жизнь и литературная судьба писателя Александра Романовича Беляева. Тяжелый недуг мешал работать, иногда на целые годы приковывал писателя к постели. Часть критиков не понимала и недооценивала его произведения. Примечательно, что в одном из писем к Циолковскому, говоря о своем творчестве, писатель благодарит Константина Эдуардовича за письмо, которое, по словам Беляева, придает ему «новые силы в нелегкой борьбе за создание научно-фантастических произведений».

Не могло не порадовать Беляева и письмо от 5 января 1935 года, в котором Циолковский писал:

«Одни изобретают и вычисляют, другие доступно излагают эти труды, а третьи посвящают им роман. Все необходимо, все драгоценны».

А. Беляева привлекали не только смелые идеи Циолковского. Его привлекала и сама личность ученого.

«Я перебираю его книги и брошюры, изданные им на собственный счет в провинциальной калужской типографии, его письма, черновики его рукописей, в которые он упаковывал посылаемые книги, его портреты — и раздумываю над этим человеком. Тяжелая и интересная жизнь! Он знал Солнечную систему лучше, чем мы — свой город, мысленно жил в межпланетных просторах, был «небожителем»... — писал Беляев. Писатель считал Циолковского «первым научным фантастом». Он посвятил «ученому-мечтателю» интересный очерк «Гражданин Эфирного Острова», опубликованный в 1930 году журналом «Всемирный следопыт».

Горький, восхищавшийся размахом мысли Циолковского, его трудами, «поражающими воображение», писал: «...пора, давно пора! — написать об этом изумительном человеке книгу». И Беляев откликнулся на призыв

у читателей роман встретил теплый прием. Яков Исидорович Перельман дал о нем довольно отрицательный отзыв. Вот конец этой рецензии:

«В итоге никак нельзя признать новый роман Беляева сколько-нибудь ценным обогащением советской научно-фантастической литературы. Родина Циолковского вправе ожидать появления более высококачественных произведений научной фантастики, трактующих проблему межпланетных сообщений».

Лично я считаю, что статья Перельмана написана далеко не во всем объективно. Но как бы то ни было, после такого отзыва я не решился даже послать Вам эк-

ПУБЛИКАЦИИ

Искаченя

Горького, решив создать литературный портрет знаменитого деятеля науки. К сожалению, рукопись не дошла до нас — она была утеряна во время блокады.

В последнем письме к Циолковскому, от 20 июля 1935 года, Беляев, находясь на лечении в Евпатории, писал, что обдумывает новый роман — «Вторая Луна». Этот роман появился под названием «Звезда КЭЦ» в 1936 году: второе название подчеркивает отношение автора к Константину Эдуардовичу Циолковскому, которому принадлежит идея искусственного спутника Земли.

Переписка А. Р. Беляева с К. Э. Циолковским показывает глубокий интерес романиста к идеям космических полетов, его отношение к «ученому-мечтателю», чье имя с особым чувством называется в наше время — время искусственных спутников и первых полетов в космос.

Б. Ляпунов

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

ГРАЖДАНИН ЭФИРНОГО ОСТРОВА

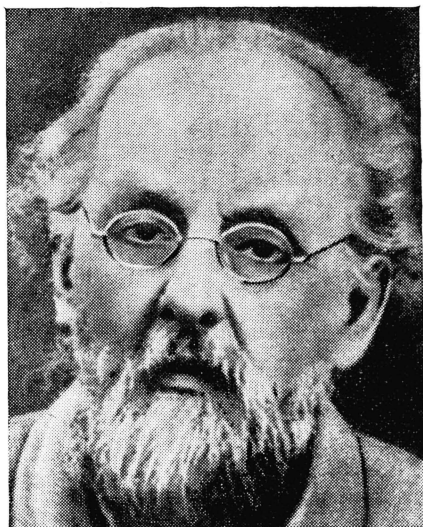
Рисунки В. Ковенацкого

земляк романа. Но теперь, поскольку Вы сами об этом просите, охотно исполняю Вашу просьбу и посылаю роман на Ваш суд. В настоящее время роман переиздается вторым изданием, и я очень просил бы Вас сообщить Ваши замечания и поправки. И я и издательство были бы Вам очень благодарны, если бы Вы написали и предисловие ко второму изданию романа (если, конечно, Вы найдете, что роман заслуживает Вашего предисловия).

Искренне уважающий Вас А. БЕЛЯЕВ.

И еще одна просьба: если роман найдете не слишком плохим, разрешите мне посвятить его Вам — ведь Ваше имя проходит через весь роман,

27.XII.34.

Константин Эдуардович Циолковский космический человек. Гражданин Эфирного Острова.

Вы не знаете, что такое Эфирный Остров?

— Наше солнце освещает более тысячи планет. В Млечном Пути не менее миллиарда таких солнечных систем. В Эфирном Острове находят около миллиона таких млечных путей. Дальше этого астрономия пока не идет! Вот что такое Эфирный Остров.

Глубокоуважаемый Александр Романович!

Ваш рассказ прочел и могу дать следующую оценку. Ваш рассказ содержательнее, научнее и литературнее всех известных мне работ на тему «Межпланетные путешествия». Поэтому я очень рад появлению 2-го издания. Он более будет распространять знание и интерес к великой задаче XX века, чем другие подобные популярные рассказы, не исключая даже иностранных.

Подробно и достаточно он охарактеризован профессором Рыниным. Что же касается до посвящения его мне, то я считаю это Вашей любезностью и честью для себя.

Математик, физик, астроном, механик, биолог, социолог, изобретатель, «патриарх звездоплавания», Циолковский мыслит астрономическими цифрами, считает миллионами, миллиардами, биллионами. Бесконечность не устрашает его. Он обращает свой взгляд к прошлому нашей солнечной системы и спокойно говорит, как о возрасте своих собственных детей: «На рождение всех планет понадобилось тридцать один биллион лет. Земля отделилась от Солнца два биллиона лет тому назад, а наша Луна рождена Землей менее миллиарда лет назад». Совсем новорожденная крошка! Что значит миллиард, если Циолковский иногда имеет дело с такими цифрами, для которых, по его собственным словам, «чтобы их написать, не хватило бы всей вселенной»!

Один перечень изданных трудов К. Э. Циолковского занимает двадцать четыре печатные страницы.

«Мне было лет восемь-девять, когда моя мать показала нам, детям, аэростат из коллодиума. Он был крохотный, надувался водородом и занимал меня тогда как игрушка». Об этом детском воздушном шарике Циолковский вспоминает, потому что шарик дал первый толчок направлению мыслей будущего изобретателя дирижабля. Четырнадцати лет, получив некоторые представления об аэростате из физики, он мастерит бумажный аэростат и надувает его водородом, а пятнадцати-шестнадцати лет делает подсчеты, каких размеров должен быть воздушный шар, чтобы подниматься с людьми, «будучи сделан из металлической оболочки определенной толщины. С тех пор мысль о металлическом аэростате засела у меня в мозгу». На подсчеты ушли годы.

Будучи учителем, Циолковский вставал до зари, чтобы успеть

Глубокоуважаемый Константин Эдуардович!

Ваше письмо очень обрадовало меня. Ваш теплый отзыв о моем романе придает мне новые силы в нелегкой борьбе за создание научно-фантастических произведений. Я всячески стараюсь популяризировать Ваши идеи в романах и рассказах. Когда перееду в город (где у меня хранится мой архив), постараюсь подобрать все, что писал о Ваших изобретениях. Очень благодарен и за присылку некоторых материалов. Очень интересуюсь идеей стратосферного дирижабля.

Ваши замечания, разумеется, используем для второго издания «Прыжка в ничто».

Искренне уважающий и давно любящий Вас
А. БЕЛЯЕВ.

18.I.35.

заняться своими вычислениями. Под «фантазию» был подведен прочный фундамент из тысячи формул.

И ровно тридцать лет назад молодой изобретатель делает доклад в Москве, в бывшем императорском Техническом обществе «О построении металлического аэростата».

Ученый синклит дал кислый отзыв: оно, конечно, металлический аэростат построить можно, но только строить его не к чему, так как всякий «аэростат обречен навеки, силою вещей, остаться игрушкой ветров».

Современная техника опровергла эти старческие тревоги. Но современные дирижабли, как известно, все еще имеют мягкую оболочку и сложный, дорогостоящий каркас. К идее Циолковского о дирижабле из волнистой стали только теперь подходит воздухоплавание.

Работая над проектом дирижабля, Циолковский думал уже о полетах к звездам. На Земле ему становилось тесно. Скромный калужанин выросал в гражданина Эфирного Острова.

Труды Циолковского в области «звездоплавания» считаются теперь классическими. Он первый дал все расчеты для устройства ракетного снаряда, при помощи которого можно покинуть пределы атмосферы. Работа над «реактивными приборами», действующими при помощи отдачи, создала Циолковскому мировое имя. Устройство реактивных приборов затрудняется тем, что «ракета» должна иметь очень большой запас горючего — по крайней мере в четыре раза превосходящий вес самой ракеты, чтобы набрать скорость не менее 8 километров в секунду, необходимую для космического полета. Гениальный старик решил выйти из положения при помощи «ракетных поездов».

Дорогой Константин Эдуардович!

Очень благодарен Вам за присылку Вашей брошюры и надпись. Очень рад буду получить от Вас и другие Ваши книжки. Они у меня имелись, но, к сожалению, были утеряны при перевозке по железной дороге. Среди этих книг были, между прочим, «О переделке Земли», заселении экваториальных стран и пр. С этими Вашими идеями широкая публика менее знакома, мне хотелось бы популяризировать и эти идеи.

Издательство «Молодая гвардия» очень просит Вас дать Ваше согласие написать предисловие ко второму изданию «Прыжка в ничто», которое предполагается издать довольно большим тиражом, и прислать Ваш портрет — для помещения в книге.

Кроме того, возникает идея о переделке романа в кино-

Под ракетным поездом он подразумевает соединение нескольких одинаковых реактивных приборов,двигающихся сначала по дороге, потом в воздухе, затем в пустоте, вне атмосферы, наконец где-нибудь между планетами и Солнцем.

Дело представляется так. Несколько ракет — скажем, пять — соединяется, как вагоны поезда, — одна за другой. При отправлении первая головная ракета играет как бы роль паровоза; она, взрывая горючее, везет за собой поезд, набирая все большую и большую скорость. Когда у этого «паровоза» запас горючего начинает истощаться, головная ракета на лету отцепляется от поезда и возвращается на Землю. Вторая ракета становится головною и везет поезд, пока и она не истощит свой запас горючего. Так происходит с каждой ракетой, кроме последней, предназначенной для межпланетного полета. Когда предпоследняя ракета отчалит и снизится на Землю, у последней уже будет набрана необходимая скорость для полета в межпланетном пространстве. Причем она не истратит на преодоление земной тяжести и на приобретение необходимой скорости ни одного грамма из своего горючего. А свои запасы горючего последняя ракета может расходовать уже на «небе» для необходимого маневрирования или спуска (торможения).

Представим себе, что полет совершился. Мы улетели «к звездам». Что найдем мы там и зачем нам лететь туда? На эти вопросы Циолковский отвечает в своих брошюрах «Цели звездоплавания» и «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Здесь, не переставая быть строгим ученым, Циолковский становится «фантастом», далеко оставляя позади себя

фильм. Признаться, я сам не из «деловых» людей и лично не хлопотал об этом... Но художник Травин, который иллюстрировал мой роман, уговаривает меня, что это надо сделать! Конечно, для популяризации идей звездоплавания такой фильм может иметь большое значение. Останавливало меня и то, что Москва как будто уже собирается ставить фильм о межпланетных полетах с Вашим участием, но режиссер Трауберг (ленинградский) говорит, что «одно другому не мешает».

Я надеюсь, что если бы я взялся за такой фильм, то я приложил бы все усилия, чтобы он был не только занимательным, но и действительно научно-популярным. Если бы Вы написали несколько строк о том, что находите желательным «показ моего романа на экране», это, конечно, имело бы большое значение.

Искренне уважающий Вас А. БЕЛЯЕВ.
21. I. 35.

по смелости и широте своих космических «грез» таких фантастов, как Жюль Верн и Уэллс.

«Но позвольте, — скажет читатель, — как же там жить, не возвращаясь на Землю? А воздух? А пища? А всепожирающие лучи Солнца? Ужаснейший холод мировых пространств?»

Все обдумано, предусмотрено. Ведь Циолковский первоклассный физик и математик, а не легкомысленный человек. Его фантазия выезжает в путь только на стальном коньке математических формул. Он уже приготовил для будущего человечества вполне удобную и вместительную жилплощадь среди лагун Эфирного Острова. Слушайте.

Небесный дом-коммуна будет представлять собой огромный

Дорогой Александр Романович!

С Совкино связан договором и не могу ничего сказать насчет Вашего фильма.

Мне также неловко писать предисловие, раз оно хорошо написано профессором Рыниным.

Портрет, если нужно, прислать могу.

Посылаю Вам мои книги,

К. ЦИОЛКОВСКИЙ

цилиндр, сделанный из металла и стекла и разделенный перегородками на отдельные камеры. Если в одной из камер произошла утечка кислорода в пустоту, жильцы могут переселиться в соседнюю, пока в первой исправят повреждения. Третий цилиндра, обращенная к Солнцу, застеклена обыкновенным стеклом, задерживающим губительные для организма ультрафиолетовые лучи Солнца. По мере необходимости, пуская через окна солнечный свет внутрь цилиндра, можно достигнуть любой температуры «дома» — от 250 градусов холода до 200 тепла. Так в жилых ячейках мы сможем установить равномерную температуру. Наши небесные комнаты залиты светом. В них чистейший воздух, без всяких бактерий. Ведь мы можем выходить в соседнее помещение, а в своем поднимать температуру выше точки кипения и таким образом стерилизовать воздух. Он может, кроме того, очищаться и восполняться кислородом при помощи растений. Для этого в цилиндре будут культивироваться растения, которые без остатка поглотят углекислоту и выделяют необходимый для дыхания человека кислород. Влага, выделяемая в воздух растениями и людьми, будет собираться в особые сосуды. Невесомость наших тел и всех вещей сделают ненужными мебель и вещи. Человек будет чувствовать необычайную легкость. Правда, отсутствие тяжести может создать и неудобства. Человек может беспомощно болтаться в пустоте посередине помещения, если ему не от чего оттолкнуться, вещи будут блуждать по комнате, земля плантаций может также рассеяться и загрязнить воздух. Но довольно будет использовать центробежную силу, чтобы все тела вновь обрели некоторую тяжесть. А сделать это легко. Представьте себе два шара или цилиндра,

Дорогой Константин Эдуардович!

С огорчением узнал из письма моей жены о Вашей болезни. Надеюсь, что Вы скоро поправитесь. (Я тоже сейчас болен — обострение костного туберкулеза.) Я пишу жене и редактору «Молодой гвардии», чтобы Вам скорее выслали экземпляр «Прыжка в ничто». Второе издание — с Вашим портретом и отзывом — находится уже в верстке. Как только выйдет, пришлем Вам. Н. А. Рынин дает послесловие, написанное заново, — так говорил мне редактор.

связанные и приведенные во вращательное движение. Так могут вращаться в пустоте целые «жилкоопы» или же отдельные части и предметы внутри зданий. И тогда все придет в норму. Любители твердой почвы почувствуют ее под ногами, лягнется верх и низ, вещи приобретут некоторую тяжесть.

В особых костюмах, похожих на водолазные, со скафандром на голове и запасом кислорода люди смогут выходить наружу, в безвоздушное пространство. Но нужно иметь на всякий случай маленькие «карманные» ракетные двигатели.

Отсутствие тяжести, отсутствие «верха» и «низа» дадут возможность небесным переселенцам развить необычайно грандиозное строительство и индустрию. Из самого легкого материала там можно построить «небоскреб» длиною в несколько километров, можно перекинуть «мостики» из тонкой проволоки через бездну, соединив ею отдельные дома, и по этой проволоке перевозить тяжести в сотни тысяч тонн земного веса.

Когда же «людям неба» покажется тесно вокруг нашего старого Солнца или же когда они заметят, что Солнце начинает греть слабее, они отправятся на своих воздушных домах-кораблях в далекие странствия, к иным солнцам нашей галактической системы.

Постепенно люди и растения, живущие на небесах, приспособляясь к новым условиям, изменят свой внешний вид, свой организм. И, быть может, через тысячелетия люди превратятся совершенно в иные существа.

Однако не пора ли нам спуститься на Землю? Без привычки к этим высотам мысли может закружиться голова...

Итак, человечеству нечего бояться перенаселения Земли. Ме-

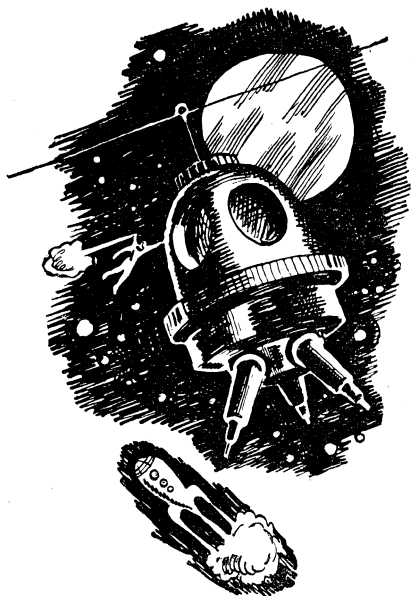
Я обдумываю новый роман — «Вторая Луна» — об искусственном спутнике Земли — постоянной стратосферной станции для научных наблюдений. Надеюсь, что Вы не откажете мне в Ваших дружеских и ценных указаниях и советах.

Простите, что пишу карандашом — я лежу уже 4 месяца.

От души желаю Вам скорее поправиться.

Искренне любящий и уважающий Вас А. БЕЛЯЕВ.

20.VII.35.

ста хватит на небесах. Но свободного места более чем достаточно и на Земле, надо только уметь использовать ее. Люди должны, как говорится теперь, «освоить» до конца Землю.

«В настоящее время Земля есть пустыня, — говорит Циолковский. — На человека приходится 52 гектара суши и воды. Одной суши 13 гектаров. Из них не менее 4 приходится на райский климат без зимы с чудесною плодородною почвой. Тут не нужно ни обуви, ни одежды, ни дорогих жилищ, ни труда для пропитания... Засаженной бананами, корнеплодами, хлебными деревьями, кокосовыми и финиковыми пальмами или другими растениями какой-нибудь сотни

Дорогой Александр Романович!

Спасибо за обстоятельный ответ.

Ваша болезнь, как и моя, отчасти результат напряженных трудов. Надо меньше работать.

Относительно советов — прошу почитать мои книжки — там все научно (Цели, Вне Земли и проч.).

Обещать же ввиду моей слабости ничего не могу.

К. ЦИОЛКОВСКИЙ

квадратных метров (ар) хватит для сытой жизни одного человека. И вот почему я называю Землю пустынной: дают 400 аров плодородной тропической почвы на человека, а ему много и одного ара (основание квадратного двенадцатиметрового дома). Как же Земля не пустынна, если почвы на ней в 400 раз больше, чем нужно?»

Мертвые пустыни Циолковский превращает в плодороднейшие местности. В пустынях будут дома-оранжереи. Крыши этих жилищ будут покрыты слоем черного железа. Ночью, которая в пустыне бывает прозрачной, безоблачной, железо сильно охлаждается и покрывается каплями росы, извлекаемой из воздуха. Вода стекает по желобам в особые хранилища. Этой воды будет вполне достаточно для орошения не только «оранжерейной» растительности, но и деревьев на открытом воздухе. Днем черный слой на крыше механически поворачивается нижней, блестящей стороной, отражающей лучи солнечного света, которые поэтому почти не нагревают воздух и рассеиваются в небесном пространстве. «Так можно понизить среднюю температуру места и вызвать дождь».

Океаны тоже должны быть укрощены и подчинены воле человека. По подсчетам Циолковского, «покорение» океанов начнется только тогда, когда население Земли возрастет до 400 миллиардов человек.

Борьба с водной стихией сопряжена с большими трудностями. Наступление начнется с берега, в сторону океана. На известном расстоянии от берега строится нечто вроде плота во всю длину береговой линии. Границы этого плота, обращенные к волнам, имеют машины-двигатели, которые используют вол-

Дорогой Константин Эдуардович!

Приношу Вам искреннюю благодарность за присланные Вами книги. Надеюсь использовать их в моих произведениях, которые буду присылать Вам.

Я не знал, что Вы связаны договором с Совкино, который лишает Вас права принимать участие в других постановках. Я выполнял только просьбу киноработников Ленинграда. Они полагали, что консультацию в крайнем случае мог бы дать и профессор Рынин, от Вас же они хотели иметь хотя бы лишь Ваше мнение о том, что Вы считали бы полезным показать «Прыжок в ничто» на экране. Но, повторяю, я передаю лишь их просьбу, с своей же стороны, если Вы находите почему-то неудобным выполнить эту их просьбу, я ни в какой мере не настаиваю.

нение океана для добывания энергии и укрощают волны. Фронт строится в виде очень прочного плота, а промежуток между этим плотом и берегом покрывается более легким плотом. Так постепенно покроемся плотами вся поверхность... «Обилие влаги, ровная, желаемая температура, горизонтальная местность, дешевизна транспорта — все это большие преимущества сравнительно с сушей». Испаряемость уменьшится, уменьшится и облачность. Средняя температура Земли вследствие этого повысится (большее количество солнечных лучей будет достигать Земли). Не только умеренные, но и полярные страны будут иметь сносную температуру. Земледелие будет процветать на плотках. Население Земли увеличится до 5 миллиардов.

Вот Циолковский предлагает проект оригинального бесфюзеляжного аэроплана, который должен явиться как бы переходом к космическому реактивному кораблю. Это даже не один, а десяток или два десятка аэропланов, соединенных особенным образом. Каждый из этих летательных снарядов напоминает собою веретено, сделанное из металла. Внутри — воздух или кислород. «Веретена» смыкаются боками и образуют как бы волнистую квадратную пластинку площадью не менее 400 квадратных метров. Воздушные винты помещены спереди и сзади каждого «веретена». При взлете аэроплан ставится на особые поплавки, которые затем сбрасываются, чтобы не висеть мертвым грузом. Спускаться можно непосредственно на воду. Такая система отличается прочностью, безопасностью, большой грузоподъемностью, дешевизной и многими другими летными и экономическими достоинствами.

Интересен и проект земного сверхскоростного поезда. Земным

ваю. Я был бы огорчен, если бы у Вас возникла мысль, что я хотел использовать Ваше имя в своих интересах. Я слишком дорожу Вашим добрым отношением ко мне.

Так же и по поводу предисловия ко второму изданию романа. Я передал Вам лишь просьбу редактора и издателя «Молодой гвардии». Но я забыл Вас предупредить, что редакция решила во втором издании не печатать послесловие проф. Рынина — и решила еще до переписки с Вами. Так что, может быть, это изменит Вашу точку зрения. Ваш ответ я передал издательству, но оно еще раз просило написать Вам о том, что они хотели бы иметь от Вас хоть краткое предисловие и портрет.

Я уже исправил текст согласно Вашим замечаниям. Во втором издании редакция только несколько облегчает «научную нагрузку» — снимает «Дневник Ганса» и кое-какие длинноты в тексте, которые, по мнению читателей,

его можно назвать только относительно, так как этот поезд будет двигаться не по земле, а по воздуху: между полом поезда и землей будет находиться слой воздуха. Слой этот будет не-

несколько тяжелы для беллетристического произведения.

Расширил я и третью часть романа — на Венере, — введя несколько занимательных приключений с целью сделать роман более интересным для широкого читателя.

При исправлении по Вашим замечаниям я сделал только одно маленькое «отступление». Вы пишете: «Скорость туманностей около 1 000 километров в сек.». Это я внес в текст, но дальше пишу, что есть туманности и с большими скоростями. Так, туманность Большая Медведица № 24 летит со скоростью 11 700 км в сек., Лев № 1 — почти 20 тыс. км. Эти данные я взял из журнала «Природа».

Глубоко уважающий Вас А. БЕЛЯЕВ.

большой, поезд будет висеть «над землей» всего на несколько миллиметров, но этого слоя достаточно, чтобы свести трение почти к нулю. Такому поезду не нужно будет колес и смазки. Он сможет идти с огромной скоростью. На нем можно будет в полчаса доехать из Москвы до Ленинграда, за десять часов — от полюса до экватора и менее двух суток, чтобы объехать по меридиану вокруг Земли. Каким черепашным шагом, по сравнению с этим, двигался вокруг света жюльверновский герой! С разбега по инерции поезд будет преодолевать все наклоны, взбираться без всякого усилия на горы и даже... перескакивать через реки, пропасти и горы любых размеров. Долой тоннели!

Циолковский, по-видимому, глядя на солнечные лучи, думает: «Какая бесцельная трата энергии!» Самая малая былинка занимает и волнует Циолковского. Зерновые хлеба используют только одну шестистаячную долю солнечной энергии. Как возмутительно мало! Солнце должно давать при идеальном использовании его энергии 625 килограммов в год на 1 квадратный метр. А мы получаем с квадратного метра 0,1 килограмма. В 6 250 раз менее того, что можно получить! Надо приняться за растения и за солнечный свет! Надо вырастить такие сорта растений, которые использовали бы солнечную энергию возможно больше. Ведь банан ее использует в 100 раз больше, чем зерновые хлеба. Почему же не вырастить такой «сверхбанан», который явился бы еще лучшим «аккумулятором» солнечной энергии? И Циолковский намечает план. Надо путем отбора и скрещивания выработать растения, которые способны будут максимально использовать солнечную энергию. Надо позаботиться о том, чтобы солнечная энергия не поглощалась облаками и полупрозрачной атмосферой. Надо устранить вредное перегревание плодов и излишнюю испаряемость, овладеть почвой, температурой, погодой, уничтожить вредителей, сорные травы, пыль. Наконец изменить самый химический состав лучей. На все это имеются у Циолковского подробные указания и расчеты. «Если бы утилизировать хоть 20% солнечной энергии, то и тогда Земля могла бы прокормить население в 100 тысяч раз больше теперешнего».

Поистине, у гиганта мысли Циолковского есть чему поучиться...

ПОРТРЕТ

Рисунки С. Прусова

Портрет шофера, лучшая работа художника Жоры Ленко, исчез бесследно. Портрет прочили на всесоюзную выставку, но он исчез. Меньше всех был опечален сам художник, потому что...

Однако давайте начнем по порядку. Прежде всего я должен представить Жору. Этот парень приехал в Сибирь с молодежным эшелоном строителей и немало удивил город Иркутск, впервые появившись на его улицах.

Найдите старинную гравюру, изображающую английского моряка, материализуйте его бесплотный облик, суньте моряку в нагрудный карман пару кистей и штихелей, дайте ему в руки деревянный чемодан необъятных размеров, набитый холстами, грунтованным картоном, красками, и перед вами предстанет Жора Ленко, приверженец романтизма в искусстве, поклонник Рериха, Кента и Чюрлениса. Долговязый, рыжебородый, с неизменной трубкой во рту, Жора бродил по городским окраинам, и его светло-голубые глаза мечтателя отражали сибирское небо.

В прошлом году зимой Жора собрался ехать на Байкал и уговорил меня поехать вместе с ним. Он сказал, что если

человек по-настоящему дорожит отпуском, он должен ехать только на Байкал. И еще он сказал, что подыщет интересный маршрут.

Легкие пути не устраивали Жору. В нем жил неукротимый дух скитальчества. Он долго мучал карту, тыкая в нее острие карандаша. Наконец Жора решил, что нет на Байкале лучшего места, чем остров Ольхон.

Зимой добраться до Ольхона не так-то просто. Нам предстояло проехать около ста километров по Якутскому тракту, еще столько же по зимнику, через болотца и ключи, к таежному селу Еланцы, а от села начиналась ледовая дорога до Ольхона, через все Малое море.

Мы выехали ранним морозным утром. До Еланцов, к счастью, нашелся попутный грузовик. В село мы приехали, когда взошла луна. Сопки блестели тусклым столовым серебром. Ставни домов были закрыты наглухо. Сельский уют таился за деревянными шторами. Где-то монотонно стучал движок.

Трудно привыкнуть к сибирским расстояниям, заброшенности отдаленных деревень, простору тайги, равнодушной и холодной, как океан. Черт знает куда нас занесло! Казалось, сделаешь еще шаг и наткнешься, как тот монах из школьного учебника географии, на грань, отделяющую небо от земли.

— Какой простор! — сказал Жора. — Чувствуешь, как перестал биться пульс времени?

Жоре ответил дробный стук движка. Но художник не обратил внимания на это. Он не замечал деталей, которые мешали ему воспринимать мир. А мир в его картинах всегда был диким и пустынным.

Мы пошли к центру села. Там, раскачиваясь на ветру, как акробат на трапеции, болтался фонарь. Жора шел впереди, согнувшись под тяжестью деревянного чемодана, без которого он не мог отправиться ни в одну поездку. Две тени бежали вслед за Жорой: желтая, мятущаяся — от фонаря, и лунная, голубая и спокойная.

Хозяйка гостиницы сказала:

— Мест нет.

Мы вошли в теплый коридор, пахнущий сапожным кремом, и уселись на полу. Жора зарядил трубку. Он курил особого рода табак, который называл тринитротолуолом. Название вы могли забыть, но запах — никогда. Хозяйка выглянула в коридор и спросила, кто зажег тряпку.

Мне вовсе не улыбалась перспектива провести ночь в коридоре, вдыхая аромат сапожного крема и самосада. В шестидесяти километрах от нас, как сказочный замок, лежал среди льдов скалистый Ольхон, над которым дули частые ветры. Я позвал хозяйку и спросил, ходят ли по вечерам на Ольхон машины.

— Потемну-то? — спросила хозяйка. — Другой и днем не поедет.

— Что ж так? — интеллигентно спросил Жора, посасывая трубку.

— Ветра ныне дуют. С Малого моря льдину унесло.

С рыбаками. Сказывают, рыбаки спаслись, лошадь утонула.

— Любопытно, — сказал Жора, встрепенувшись. Близость опасности действовала на него возбуждающе.

— Может, Кешка еще поедет, — сказала хозяйка, поразмыслив. — Кешка-бензовозник. Если не обломался до ро́гой, так поедет.

— Что ж, он и ночью поедет? — спросил Жора.

— Кешка-то? — сказала хозяйка. — А что ему! Он такой... — Она задумалась, вороша запас определений, но для Кешки не нашлось стандарта. — Он такой охальник непутевый! Необстоятельный, не то что другие.

Это была не очень лестная характеристика, но в голосе хозяйки, несомненно, звучала гордость. Видно, в душе она считала, что Кешка своей непутевостью украшает солидную и обстоятельную шоферскую братию. Я хотел было поинтересоваться у Жоры, в какой полынне он рассчитывает оказаться вместе с Кешкой, но тут послышалось голубиное воркование мотора. Откуда-то с сопок шла машина, и, видно, шла ходко. Через несколько минут завизжал снег под заторможенными колесами.

Набухшая дверь распахнулась от одного удара, и морозная ночь плюнула в нас плотным облаком пара. Парень в ватнике и толстых стеганых брюках показался вслед за облаком. У него было скуластое и дерзкое лицо цвета бронзы. Несмотря на тяжелые ватные доспехи, каждое его движение выдавало танцора и гуляку. Дурачась, он обнял пышную хозяйку, и та забарабанила розовыми кулаками по крепким плечам.

— С морозу-то хорошо! — сказал парень. — Вроде к печке приложился.

Выпустив из рук хозяйку, полную притворного негодования, парень завопил на всю гостиницу:

— Эй, на Ольхон дураков нету?

Жора машинально откликнулся:

— Мы.

Парень засмеялся, открыв крупные чудесные зубы. Такие зубы изображают на рекламах зубной пасты. Но не думаю, что шофер был хоть чем-нибудь обязан ей.

— А я думал, нет дураков, — сказал он. — С калымом, значит, едем. По рублю собьетесь?

Я сразу понял, что Кешка никогда не был и не будет калымщиком. Не потому, что он явно дешевил. Настоящий калымщик никогда не требует денег вперед. Матерый калымщик скажет, что ему очень приятно занять таких попутчиков. А о деньгах он напомним в пустынной части дороги. Там как-то не хочется торговаться. Да, этот шофер явно не походил на человека, думающего о деньгах.

Жора, брезгливо оттопырив губу, протянул два рубля. Кешка небрежно смял бумажки и сунул их в карман своих широких брюк.

— Повезло вам, земляки, — сказал он. — Я человек легкий, разговорный. Дорога дальняя — томиться не будете. Ну... — Он сбил шапку с затылка на лоб, подмигнул нам

и сгреб хозяйку гостиницы так, что та охнула и снова пустила в ход кулаки. Очевидно, это была Кешкина манера встречаться и прощаться с женщинами.

Мы вышли во двор. Машина источала тепло и густой запах бензина. Чемодан не удалось втолкнуть в кабину, и Жора, не доверяя ответственную работу шоферу, сам привязал его к борту цистерны. Жора считал себя большим специалистом по части вязания узлов — двойных, морских и прочих. Я на всякий случай толкнул чемодан. Удивительно, но он держался.

Мы залезли в кабину. Она показалась нам очень уютной. Заворчал стартер, и машина тронулась. Потом поехала. Потом понеслась. Кешка, видно, хорошо знал дорогу.

Звездное небо лежало на серебряных сопках. Чужие миры уставились на нас безучастными глазами вечности. Луна за дымкой была чуть видна. В утлую жестяную кабину проникла дикая поэзия сибирской ночи. Жора запел. Кешка понял Жору по-своему.

— В кабине чего не петь, — сказал он и показал на дыру в днище, где малиново светился раскаленный коллектор. — Специально для публики прорубил — греться. Вот денег соберу, приемник поставлю.

Мы спустились с сопки. Машина тяжело прыгала по каменным осыпям. Сквозь гул мотора доносилось кандальное позвякивание цепи заземления. Фары с трудом пробивались сквозь темноту.

— Сейчас и Байкал, — сказал Кешка. — Там, знаешь, горячие ключи. Подо льдом. Главное, правильно съехать. Польнуть-то, ее видать по сивому дыму.

— А ночью? — спросил Жора.

— Ночью по нюху ездию.

— Ну, а бывает так, что проваливаются?

Жажда опасности клокотала в Жоре.

— Бывает, — сказал Кеша и рассмеялся. — Шофер всегда выпрыгивает. У шофера, видишь, нерв не спит, а пассажир сонной дури хватит, разомлеет...

— Так что не спи, Жора, — сказал я.

— Капитан сходит последним, — возразил Жора.

Кешка принял это на свой счет.

— А я и не сойду, — сказал он. — Как можно свою шкуру спасти, а чужую загубить?

Он сказал это очень просто. И я впервые почувствовал, что этому непутевому бензовознику можно довериться перед лицом долгой и тревожной ночи.

Машину подбросило, раздался треск. Лучи фар скользили по зеленоватой гладкой поверхности. Белесая паутина трещин покрывала лед. Треск стоял непрерывный. Казалось, бензовоз катит по грецким орехам. Трещины веерами расползались из-под колес.

— Пресный лед, — успокоил нас Кеша. — Играет.

Я не видел колеи. Мы скользили по льду осторожно, как бригантина в шхерах. Этакая пузатая бригантина, наполненная вонючим этилированным топливом. Теперь Кешка стал лоцманом. Он вел свой корабль по звездам. Где-то внизу,

за нами, в ледяном аквариуме плыли разбуженные светом рыбы. Рыбы и мы — вот и все живое вокруг, на десятки километров.

Поднялся ветер. Луна куда-то исчезла. Ветер бил в цистерну, как в парус. В кабине похолодало. Лампадный свет приборов мягко ложился на скуластое лицо Кешки. Где-то далеко пронесся тяжелый гул: сдвигались под ветром льды.

— Разговаривает Байкал, — сказал Кешка и толкнул Жору: — Как, душа сосульками обросла, нет?

— Нет, — ответил Жора.

— Вот и ладно.

— Ты здешний, Кеша? — спросил я.

— Здешний. Я еще вот таким, — Кеша оторвал руку от руля, — Малое море объездил. На коньках. А когда в холостом звании был, работал на мэрэс, возле Еланцов, и гулял тут с одной, с Ольхона. Она на том, я на этом берегу. Вечерком прикрутишь коньки и чесанешь на Ольхон. Этак пятьдесят километров. А утром на работу. Солнышко на льду встречал — красота! Ездил, считай, две зимы, а потом надоела мне такая история.

— Бросил?

— Ездить бросил. Женился. По сей день удивляюсь, как она меня такого взяла. Она, знаешь, какая? Красивая! Во, торос пошел!

Кеша притормозил, но бензовоз катился вперед, как неловкий конькобежец, не знающий, как остановиться. Впереди заискрились обломки льда. Не дожидаясь, пока скользящая машина ударится в торос, Кеша включил сцепление, и мы вползли на ледяную кашу. Послышался звон. Машина переваливалась с боку на бок. Потом пошел чистый лед.

— Да, удивляюсь, — сказал Кеша. — Из меня какой, можно сказать, красавец мужчина? Уши — как пельмени, о прочем не говорю. А она первая девка на Ольхоне. Может, думаешь, я шофер классный? Не, шофер я зеленый. Начальник сколько раз с меня шкуру спущал. А чего с меня шкуру спущать? Нужна она кому? Другой мою шкуру и за деньги не возьмет. Как дурной рейс, тяжелый, так меня назначают. Потому что безотказный. Вот послали меня: надо, мол, срочно привезти бензин. А кто должен был ехать? Егоров. А кто поехал? Кешка... Тьфу, черт!

Резкий удар ветра сорвал ватный чехол с радиатора и теперь играл им, как флагом. Кешка открыл дверцу и выскочил на лед, держась за крыло. Ветер ворвался в кабину и выгнал последние остатки тепла. На зубах захрустел песок. Дула сарма. Мы находились напротив устья реки Сармы, по имени которой и назвали этот не очень-то приятный ветерок. Байкальская природа, любящая эффекты, установила где-то в этом устье хороший вентилятор. Она включала его в самые неподходящие минуты.

И Жора и я слышали кое-что о сарме. Это была самая острая колючка на байкальской розе ветров. Сарма подкрадывается неслышно и одним ударом топит баркас где-нибудь в ста метрах от берега. Петля по ущелью, она, как наждаком, стачивает скалы и несет рыжую пыль на Ольхон.

Кешка долго боролся с ватным чехлом, зарзвившимся яростью сармы.

— Ну и ветер, — сказал он, вползая в кабину. — Без ножа не выходи — унесет!

Он нажал стартер, и мотор ответил надсадным кашлем, точно сарма проникла в его железные легкие. Кешка произнес в адрес двигателя несколько великолепных по яркости и своеобразию слов, и двигатель завелся. Колеса вхолостую завертелись на льду. Наконец машина тронулась. Мы проехали еще два или три километра под бешеными ударами ветра. Тьма стала особенно густой, вязкой. Температура воды в двигателе падала. Бригантина выходила из повиновения.

Крепкие руки Кешки впились в штурвал. Лодман вел корабль вслепую: ни колеи, ни берегов не было видно. Через несколько минут снова сорвало чехол. Кешка, крихтя, полез из кабины. На этот раз единоборство выиграла сарма. Чехол, затрепетав, как птица, сорвался с мотора и улетел в ночь. Кешка вернулся мрачный и долго утирал нос рукавом.

— Ну и ветер! — сказал он. — Прижимает к машине.

Сарма свистела в стеклах кабины. Кешка снова заработал стартером. Двигатель ответил ласковым ворчанием и затих. Мы не сразу поняли значение этой тишины.

Но Кешка знал, в чем дело. С минуту он прислушивался к потрескиванию остывающего мотора.

— Карбюратор, — сказал Кешка, и это прозвучало как заклинание.

Он посопел немного носом и добавил:

— Поплавок небось прохудился. Говорил я этому Егорову...

И он высказал все, что думал о Егорове. Но легче ему от этого не стало. Нам тоже. Кешка выключил свет, чтобы экономить энергию аккумулятора. Исчезло уютное мерцание приборов. Тьма забралась в кабину и уселась четвертым пассажиром. От такого соседства нам стало очень холодно.

Я попробовал сориентироваться. Где-то по правую руку, в двадцати километрах, был Ольхон. Безлюдный берег — скалы, песок, горбатые сосенки. Слева за полосой льда — сопки, откуда неслась сарма. Под колесами машины за ледяной крышкой стлыла вода.

— Что-нибудь серьезное? — спросил Жора.

— Ерунда, — сказал Кешка. — Поплавок прохудился. Замылить, и порядок.

— Вот и хорошо, — вздохнул Жора.

Кеша нагнулся и заткнул дыру в днище тряпкой.

— Хорошо-то хорошо, а ночевать придется. Счас воду спущу.

— Как ночевать? — спросил Жора.

— Работа шоферская не всякому личит, — загадочно ответил Кеша. — Характер нужен сходный. Терпение нужно.

— А еще деньги брал... — сказал Жора в сердцах. — Шофер!

— Деньги я на приемник собираю, — сказал Кеша спокойной. — На культурные цели. Счас знаешь как хорошо бы музыку послушать!

— Еще бы! — сказал Жора.

Кеша молча извлекал из-за спинки сиденья какие-то тряпки. Я почувствовал теплое прикосновение меха.

— Ноги укутайте, — сказал шофер. — А то чахотку схватите.

По спокойному тону Кешки я понял, что положение серьезное. В кабине недолго было и замерзнуть. Помощи ждать не приходилось. Ледовая дорога будет пуста до света.

— Починить трудно? — спросил я.

Я задал этот вопрос для Жоры. Он, кажется, не совсем понимал, что произошло. Ремонт был ерундовый, но Кешка не мог копаться в моторе на таком ветру. Бензин в соединении с ветром и морозом дает страшную смесь. Кожа, обезжиренная бензином, на морозе да еще при прикосновении к металлу слезает с руки, ну, словно перчатка. Ни один шофер не полез бы сейчас в карбюратор.

— Поморожусь я, — сказал Кешка. — И вас не доведу.

— Никто еще не ночевал под сармой, — сказал я Жоре, стараясь задеть его за самые чувствительные струны.

— Да мне-то что! — сказал Жора. — Пойду чемодан посмотрю.

— Стой! — крикнул Кешка. Но дверца уже захлопнулась, и Жора исчез. Я выглянул. Было очень темно.

— Жорка!

Сарма ответила мощным гулом. Я, не раздумывая, выпрыгнул из кабины. Меня толкнуло в бок, в спину, и я заскользил, стараясь удержать равновесие, по льду.

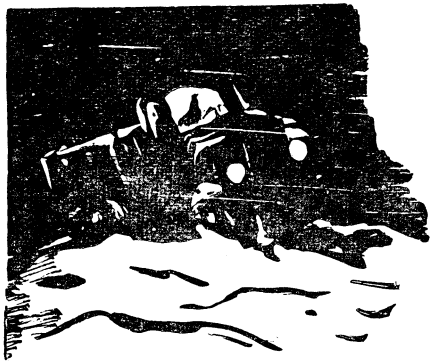
— Ножом цепляйся! — донесся до меня голос Кешки.

Я упал на бок, но ветер продолжал катить меня, как соломенный куль. Ветер был холоден и резиново-упруг. Он раздувал полущубок парусом. Тесемка ушанки хлестала по губам. Я попробовал встать, но ветер не давал даже приподняться. И я все скользил, скользил на боку. Пальцы лихорадочно шарили в карманах. Бумаги, одни бумаги, как у порядочного канцеляриста. И никакого холодного оружия. Машина исчезла в темноте. Ногти царапали лед, но меня несло. Куда? До первой трещины?

Я мягко ударился в сугроб. Здесь, видно, стояла торчком льдина, и вокруг нее намело снегу. Я приподнялся и крикнул. Сарма забила мне рот снегом и песком. Лицо сжали ледяные пальцы. Только тут я вспомнил, что оставил рукавицы в кабине. Я сунул ладони в рукава и лег ничком.

Час-полтора я, пожалуй, выдержу. Глупо, очень глупо получилось. Хуже не придумаешь. Кешка ничем не может помочь. Без машины он не отыщет меня. Да и зачем ему выбираться из кабины? Разве мне легче будет, если и он заляжет где-нибудь у сугроба?

Я приподнял голову. Глаза слезились под ветром. Вдали вспыхнуло желтое пятно. Фары. Кешка мигал нам. Жаль, что никто из нас не знал морзянку. Но все равно я понял Кешку. Он хотел сказать, чтобы мы не падали духом. Ина-

че зачем бы он мигал? Наверно, он что-то там придумал. Наверно.

До машины было метров четыреста. Может, больше. Трудно было определить расстояние в этой снежной сумятице. Попробуй проползи! Отрываться от спасительного сугроба не хотелось.

Но нельзя же было так лежать, чувствуя щекотку сармы за воротником.

Говорят, что человек, попадая в такой переплет, начинает вспоминать. Чепуха! Было не до воспоминаний. И о смерти тоже не думалось. Там, в четырехстах метрах, сидел в кабине Кешка, необстоятельный парень с Ольхона. В таких, как Кешка, верят. Он не растеряется. Он что-нибудь придумает. Но Жора...

— Жорка! — завопил я в темноту.

Сарма превратила мой крик в шепот и унесла куда-то среди воя и свиста.

Жорка. Он лежит, долговязый и беспомощный. Ему ничего не стоило заблудиться даже в городе. Каково же ему на этом бескрайнем ледяном поле? В ночи?

В кармане у него штихеля, острые, как скальпель хирурга. Жорка увлекался гравюрой и всегда таскал с собой штихеля. Он резал ими тугие листы линолеума. Он сопел, складывал губы трубочкой и ковырял неподатливые листы. Он сможет, цепляясь штихелями за лед, доползти до машины. Если догадается.

Неподалеку раздался треск. Будто кто-то сломал о колено доску. Лед подо мной дрогнул. Ветер сдвигал и крошил поля.

Я выбросил вперед руку и попробовал вцепиться в лед обломанными ногтями. Подтянул по-пластунски ногу. Прополз метр. Потом еще метр. Пальцы уже не хотели слушаться. Их свело. Сарма снова откатила меня к сугробу.

Хорошо, что встретился этот сугроб.

Тогда я решил атаковать в лобовую. Уперся ногами в снег. Сжался, оттолкнулся и бросился, согнувшись, вперед.

Наверно, мы находились как раз против устья реки. Здесь дул кинжальный ветер, мощный и резкий. Я словно наткнулся на стенку. Подошвы меховых сапог заскользили по льду. Несколько секунд я бежал на месте. Потом меня снова бросило на сугроб.

Глаза были засыпаны снегом и песком.

Я осторожно перепополз через сугроб и залег за ним. Здесь не так дуло. Спрятал руки в полушубке, но они плохо

отогревались. Лежать и ждать? Замерзнешь. Попробовать докатиться до берега Ольхона? На пути могут встретиться трещина, разводье.

Теперь ты будешь знать, что такое сарма. Надолго запомнится тебе ночевка на Малом море. Должен когда-то кончиться этот ветер. Он дует недолго и скоро теряет силу. Еще бы! Так расходовать энергию!

Важно продержаться эти часы. Потом сарма уступит, ей надоест. Ну, подумаешь — сарма! Что ж, ты хотел прожить жизнь и не побывать в переделках? Тоже сибиряк. Вот Кешка — тот, наверно, всякое видал. Через Малое море бегал на свиданье.

Сарма свистела, перелетая через сугроб. Лед непрерывно трещал. Страшно захотелось спать. Лучше ползти. Ползти и скатываться назад.

И тут я увидел тень. Это была моя тень. Она лежала на льду, длинная и трепещущая. Я не сразу понял, что произошло. Тень. Ну, подумаешь, тень!

Но откуда ей взяться в темноте?

Я повернул лицо навстречу свистящей сарме и увидел свет. Два ярких глаза двигались ко мне. Я вскочил и зарорал. Тут же ноги разъехались на льду.

Кешка. Неужели Кешка? Он заметил меня. Он ехал прямо на сугроб. Зашипели пневматические тормоза. Кешка заехал с подветренной стороны, чтобы меня не унесло опять. Он открыл дверцу. Ветер втолкнул меня в кабину. Я перелез через Кешку и уткнулся носом в бороду Жоры. Борода кольнула меня иглами сосулек. Жорка дышал часто и тяжело. Сумеречный свет приборов лежал на мужественном лице «английского моряка». Брови у Жоры были белесыми от инея.

Что-то холодное коснулось моих губ.

— Сглотни, — сказал Кешка.

Я поймал горлышко бутылки и сделал несколько глотков. В бутылке был чистый спирт.

Машина медленно ехала вдоль трещины. В трещине плескалась черная вода. Значит, я лежал в нескольких шагах от разводья.

— Как ты здесь? — спросил я Жору.

— Он подобрал, — сказал Жора, кивая на шофера. — Только что.

— А штихеля? Штихеля?

— Какие штихеля? — спросил Жора. — При чем здесь штихеля?

Кешка объехал трещину и погнал. Он ехал очень быстро, навалиясь грудью на руль. Он обхватывал руль локтями. Кисти рук беспомощно свисали вниз. Незачем было спрашивать его, как он отремонтировал машину.

— Поверти-ка баранку, — сказал Кешка, отрываясь от руля.

Я судорожно вцепился в черный ребристый обод. Пальцы гнулись плохо, но гнулись. Мне никогда не приходилось водить машину. Тем более груженный бензовоз. Кешка выжимал из мотора все, что он мог дать. Ледяная дорога влетала под буфер.

— Правее бери, — сказал Кешка. — Осторожнее. Вот так.

— Как руки? — спросил я.

— Известно как. Кожа на моторе.

Глубокие тени лежали на лице Кешки. Это я видел углом глаза. Кешка морщился, вглядываясь вперед.

— И зачем мне нужен был этот чемодан? — сказал Жора. — Все равно унесло.

— Ладно, не переживай, — сказал Кешка. — Чемодан так чемодан.

Мы подпрыгнули на каком-то торосе. Руль вырвался из моих рук, и я едва успел поймать его. Что-то треснуло под колесами. Бензовоз снова катился по гладкому льду. Впереди, как маяк, засветился огонь.

— Хужир, — сказал Кешка.

— Тебе надо сразу в больницу, — сказал я ему.

— У меня дома больница, — сказал Кешка. — Жена — сестра медицинская.

Огни перемигивались в морозной ночи. Небо высветлело. Чистые звезды взошли над островом. Кешка бросал короткие приказания.

Мне надо было бы сказать ему что-нибудь хорошее. Очень хорошее! Но никакие слова не шли на ум. Да и зачем они, слова? Важно то, что мы думаем о человеке, а не то, что говорим о нем. Банальная истина.

— Вам больно? — участливо спросил Жора.

Кешка фыркнул.

— Вот подсунули машину, — сказал он. — Старый при-мус. Крути направо! — крикнул он и, выбрав удачный момент, локтем передвинул рычаг скоростей. Мотор взвыл, и мы понеслись по ледяной крошке.

Впереди в свете фар, как декорация, вырос берег. Он оброс льдом последнего осеннего прибойя.

— Левее. Еще левей. Ну, левой же... Вот лопух! — командовал Кешка. — Вот так.

Мы взлетели на песчаный вязкий пригорок. Какие-то длинные бревенчатые амбары, бани, старые потемневшие дома, собака, шмыгнувшая у самых колес. Кешка нажал на тормоз, Жора сунулся носом в стекло, мотор заглох.

— Доехали, — сказал Кешка и ногой вышиб дверцу. Он неловко соскочил. Руки у него висели, как перешибленные.

— Закурить дайте, — сказал он хрипло.

Я сунул ему в зубы папиросу и поднес спичку. Лоб Кешки блестел от пота. Ветер дул над островом, нес песок, но здесь у сармы уже не было силы.

— Вот приключение, — сказал Кешка. — Целый роман. Художникам очень даже интересно.

Ветер срывал искры с папиросы. Кешкин чуб выбился из-под шапки. Лихой чуб танцора и гуляки. Я взял Кешку за плечи, подвел к радиатору, где ярко горели подфарники. Кешка спрятал руки за спину.

— Покажи руки! Ну, будет, покажи!

Кешка отрицательно замотал головой.

— Жора, — сказал я, — пойдй и разбуди врача.

— Сейчас, — поспешно сказал Жора. — Сейчас. И на кой черт мне сдался этот чемодан, скажи пожалуйста?

Как и следовало ожидать, Жора разбудил весь поселок в поисках врача. Врач жил на окраине, а Жора стучался в каждую дверь, пока не наткнулся на дом, который был нам нужен. Кешку положили в больницу, а нас отвели в гостиницу.

Утром Жоре принесли чемодан с красками, подрамниками и холстами. Шоферы нашли чемодан на краю трещины. Рыбы так и не полакомились масляными красками Жоры.

Мы долго стояли на берегу и смотрели на ту сторону Малого моря. Ясность воздуха здесь была поразительной. Долина Сармы рисовалась голубым треугольником, врезавшимся в бледно-коричневый гребень сопки. Было очень тихо. Казалось, не было ни этой тяжелой ночи, ни пережитого страха, ни ураганного ветра.

Потом Жора отправился в больницу рисовать Кешку. Он хотел подарить шоферу его портрет. По-моему, Жора никогда не работал с таким азартом. Он вернулся в гостиницу поздним вечером. Портрет был готов наполовину, и Жора хотел закончить его на следующий день. Я был очень рад увлечению Жоры. По-моему, в его картинах всегда не хватало человека. Скалы, вечные снега и сияющие льды... Скалы были красивы, величественны, надменны, но безлюдны и поэтому слишком холодны.

Кешка первым вошел в романтическую страну, созданную впоследствии Жорой. Вошел не сказочным великаном, не витязем, не прекрасным Бовой-королевичем. Он вошел Кешкой, с его нагловатой усмешечкой, бойким чубом и хитро прищуренными дерзкими глазами.

На следующее утро мы с Жорой вместе отправились в больницу. Я нес чемодан, как верный оруженосец. В чемодане лежал неоконченный портрет. Нас встретил врач. Это был очень молодой человек с румяным лицом и неожиданно черной бородой. Чувствовалось, что он недавно в Сибири.

— Удрал ваш шофер. — сказал врач, артистически развел руками и даже слегка присел. — Сел на машину и удрал. Второй год здесь работаю, а до сих пор не могу привыкнуть к здешнему пациенту.

В коридоре у окна стояла красивая девушка в белом халате. Она смотрела на ослепительный лед Малого моря и думала о чем-то своем. Жора толкнул меня в бок и сказал:

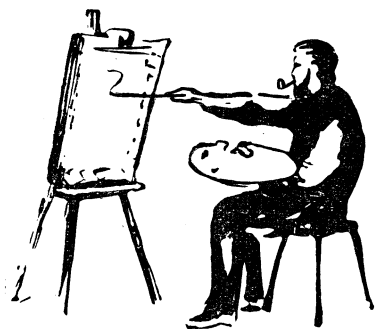
— Его жена.

И я подумал, что, наверное, эта девушка здорово любит своего шофера, который бегал к ней за пятьдесят километров на коньках. «И очень хорошо, — подумал я, — что такая тихая и красивая девчонка любит такого непутевого парня и недисциплинированного водителя».

Вскоре мы уехали обратно в Иркутск. Жора окончил портрет, и портрет получился лучше, чем если бы Жора писал с натуры. Ведь бывает и так. Критики, которые ходили в гости к Жоре, в один голос расхвалили портрет. Я не верю критикам, когда они единодушны, но на этот раз, кажется, они были правы. Потом мы с Жорой сели и написали письмо на Ольхон, Кешке. Мы просили его приехать и забрать портрет. Через десять дней пришел ответ. Незнакомые люди писали, что Кешка уехал куда-то на стройку, и его жена уехала вместе с ним.

Область у нас большая, и затеряться в ней легко. Но случилось так, что мы еще раз услышали о Кешке...

Прошло несколько месяцев. Портрет побывал на областной выставке, и его прочили на всесоюзную, а это была большая честь для Жоры. Вот тогда-то и вышел номер молодежной газеты с большой фотографией Кешки. Фотограф, видно, не отличался большой изобретательностью. На снимке Кешка стоял у крыла машины, неловко вытянувшись, как армейский повар перед генералом. Кешка вовсю старался придать лицу каменное выражение, и это ему почти удалось, если бы не глаза — живые, хитрые, насмешливые глаза первого танцора и непутевого водителя. В заметке под фотографией корреспондент рассказывал, как Кешка с риском для жизни провез по горной дороге взрывчатку, которая очень нужна была стройке. На следующий день Жора отправил Кешке портрет, а членам жюри заявил, что его лучшая работа исчезла бесследно. Члены жюри были опечалены, а я решил, что теперь обязан написать о том, как появился на свет портрет Кешки шофера.

В КАДРЕ —

Фото автора

Из записок оператора

ЗАВЕТНАЯ МЕЧТА

Мы сидим на вершине утеса, нависшего над Гизельдонским ущельем в Северной Осетии, на высоте почти три тысячи метров. Над нами в синем до боли в глазах небе черными точками проплывают орлы. Дна ущелья не видно, оно закрыто белой пеленой облаков. И невольно кажется, что, кроме нас троих: режиссера Владимира Чеботарева, практиканта Мирона

Тимиряева и меня, — на многие сотни километров вокруг никого нет.

Час назад погасли прожекторы и заглохли двигатели передвижных электростанций — лихтвагенов. В окружении почтенных старцев уехал на белом коне в родной аул Коста Хетагуров. Это перестало разносить по горам команды режиссера. Мы закончили съемки фильма «Сын Иристана».

До свидания, гостеприимная Осетия!

До свидания, горные вершины Кавказа!

А дальше? Где теперь вновь прозвучат такие знакомые и каждый раз неизменно волнующие слова: «Внимание! Мотор! Начали...»? Снова в горах? Во льдах Арктики? Или на берегах Волги?

Признаюсь, у нас троих есть заветная мечта: мы давно задумали перенести на экран события известного романа А. Беляева, отправиться вслед за Ихтиандром в пучины океана. Так, может быть, следующий раз знакомая команда прозвучит на дне моря?

...И вот на одной из дверей длинного коридора киностудии «Ленфильм» приколот лист бумаги с надписью карандашом: «к/к «Человек-амфибия».

Наша комната скорее похожа на водолазный класс, нежели на кабинет киностудии. Диаграммы, плакаты, карты глубин, водолазные шлемы и скафандры. Стены сплошь украшены плакатами из серии «Первая помощь утопающим», а над ними крупными буквами выведено известное изречение: «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

Дни проходят в разработке сценария и техники съемок, а вечера отведены тренировкам в бассейне. Каждый день приносит новые «открытия», и мы все отчетливее понимаем, какая огромная работа ждет нас впереди, как далека еще наша заветная мечта от осуществления. Это первая в нашей стране художественная картина с большим объемом игровых подводных съемок. На какой глубине лучше всего вести съемку? Из каких материалов делать декорации? Как изменится цвет под водой? Смогут ли работать на дне моря артисты? Да, перед нами задача со многими неизвестными.

Но прежде всего надо научиться работать под водой. Каждый член группы должен сдать экзамен на звание легкого водолаза.

„ТОНУ!“

В «Озерках» под Ленинградом проводятся соревнования на первенство города по подводному плаванию.

Вот уже над гладкой поверхностью озера появились белые буруны воздуха, вырвавшиеся из респираторов, и черные резиновые шары поплыли, отмечая пройденный пловцами путь.

Пока подсчитывают результаты, главный судья соревнований, первый чемпион Советского Союза по подводному плаванию Рэм Стукалов, уводит меня в сторонку к низко склонившейся над озером старой плакучей иве. В ее тени скрываемся от посторонних глаз.

Рэм Стукалов — наш тренер и консультант. Под его руководством я должен сегодня провести первую тренировку в открытой воде.

Теоретически я уже знаю, что такое акваланг и как им пользоваться. Несколько раз пробовал плавать под водой в бассейне. Но тем не менее я сейчас очень волнуюсь и не особенно тороплюсь лезть в воду. Рэм испытующе смотрит на меня, под его взглядом отступать неловко. Делаю несколько глубоких вдохов из акваланга и с размаху бросаюсь в воду. Возле берега мелко; если встать, голова окажется над поверхностью, но я не поднимаюсь и лежу на илстом дне, вспоминая все наставления тренера. Дыхание становится спокойным, воздух легко поступает в легкие.

Перед погружением я видел недалеко от берега ворота — трассу соревнований — и сейчас хочу доплыть до них. Оттолкнувшись от дна, устремляюсь вперед и быстро ухожу вниз. Сильно болят уши и давит виски. Сделав глубокий вдох, поднимаюсь немного вверх, сразу становится легче. Видимость — ноль. В поисках ворот плыву все дальше и дальше, но безуспешно. Поворачиваю вправо, влево и в конце концов теряю ориентацию. Тоскливое чувство одиночества овладевает мной. Несколько резких взмахов ластами — вхожу в глубину. Снова сильно давит на уши. Я уже не ищу трассу. Где же берег? Поворачиваюсь и плыву в обратном направлении. Берега нет. Еще через несколько минут я уже не могу понять, где дно, а где поверхность.

Кровь стучит в висках. Вспоминаю «теорию»: это значит кончается воздух.

Вытянув руки, быстро плыву до тех пор, пока не попадаю на дно. Скользкая тина обволакивает со всех сторон. Акваланг прижимает ко дну, не дает встать на ноги. Запутанные ремни развязать невозможно. Барахтаюсь на дне, задеваю маску, и она тотчас же заполняется водой. Хочется крикнуть: «Тону!»

Оттолкнувшись от дна, бросаюсь вверх, вслед за пузырями. Перед глазами плывут разноцветные кружки и точки. Я задыхаюсь. Наверное, мне попался испорченный акваланг. В трубки набралась вода, и теперь я глотаю ее вместе с воздухом. Размахиваю ногами и руками, судорожно пытаюсь отстегнуть ремни.

Каким-то образом освобождаюсь от акваланга и в облаке пузырей вылетаю на поверхность, где меня подхватывает тренер.

Рэм, отыскав брошенный мною на дне акваланг, говорит, что аппарат в порядке и воздуха в нем осталось более чем достаточно. Но что мне до этого! Хватит с меня острых ощущений. И на земле достаточно интересной работы. В конце концов я не человек-амфибия, мне совершенно не обязательно лазить под водой. Рэм, кажется, понимает мое состояние. Он начинает рассказывать о своих первых неудачных погружениях, об испытанном страхе, о потере ориентации и «научно» доказывает, что для практики мне было совершенно необходимо едва не утонуть. Я со всем соглашаюсь, но пойти в воду еще раз отказываюсь.

— Никогда не думал, что ты трус, — жестко говорит Рэм и уходит.

— Рэм, подожди... — Я догоняю его и пытаюсь объяснить, что в следующий раз буду выполнять все его приказания, но сегодня я замерз, устал, мне необходимо отдохнуть...

— Ты пойдешь сейчас или уже никогда не сможешь опуститься под воду! — твердо говорит Рэм и добавляет: — Не бойся, я буду все время рядом.

Мне ничего не остается. Путаюсь в ремнях, снова водружаю на спину тяжелые, ненавистные мне баллоны. Медленно вхожу в воду и ложусь на дно. Рэм стучит сверху по аквалангу, требуя, чтобы я полностью погрузился. С замирающим сердцем подчиняюсь.

Через несколько минут чувство страха проходит, и я отваживаюсь плыть.

В этот раз легко достигаю семиметровой глубины. Щелкают барабанные перепонки — это внутреннее давление стало соответствовать наружному, исчезла всякая боль в ушах. Несмотря на то, что ничего не вижу вокруг, на этот раз не испытываю волнения и страха. Мысль, что Рэм рядом, успокаивает.

Каждое резкое движение отражается на катушке компаса (прибор у меня в руках), и она, подобно эквилибристу на проволоке, начинает раскачиваться на оси. Стараюсь плыть ровнее. Вот уже передо мной ворота — два шеста, вбитые в грунт. Даже странно, что я их не нашел в прошлый раз. Пора возвращаться. Сделав круг, без всяких происшествий добираюсь до берега.

— Будешь плавать! — торжественно говорит Рэм.

400 КИЛОМЕТРОВ ПОД ВОДОЙ

Стремительно несется фелюга, разрезая носом неподвижную гладь моря. Легкая пенная полоса остается за кормой, и только крики провожающих нас чаек нарушают тишину.

Вот уже несколько дней мы движемся вдоль берега Крыма, составляя подводную карту береговой отмели, нанося на нее пещеры и скалы, ущелья и гроты.

От Севастополя до Феодосии — 400 километров. Этот путь мы должны проделать по воде и... под водой. Мы должны отыскать хотя бы предварительные значения неизвестных в той самой задаче, которая называется фильмом.

В шелесте волн и криках чаек появляется какой-то новый звук, он похож на прерывистый писк комара. Мы осматриваемся, но море по-прежнему спокойно.

— Это дельфины рыбу на поверхность гонят, — говорит капитан фелюги.

И как бы в подтверждение правоты его слов, мы замечаем среди рыбьей стаи мелькающие черные точки. Какой редкий кадр можно добыть — ведь мало кому приходилось видеть охоту дельфинов!

— Полный вперед! Курс на дельфинью стаю! — командует капитан.

Быстро подготавливаем к съемке подводный киноаппарат, надеваем акваланги, маски и ласты. Решено: как только фелюга

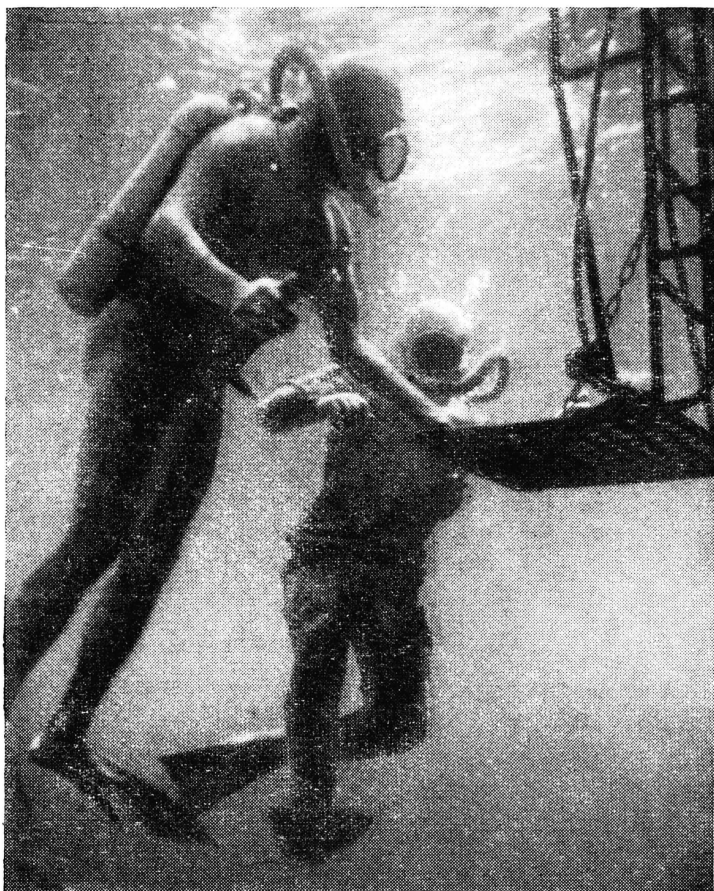
поравняется с дельфинами, прыгаем в воду. Со мной пойдет Мирон Тимиряев, а остальные, сделав круг на фелюге, спрыгнут в различных местах и, замкнув дельфинью стаю, погонят ее в нашу сторону.

Дельфинов очень много. Повсюду, сколько видит глаз, торчат из воды серлообразные спинные плавники.

— Аппарат за борт!

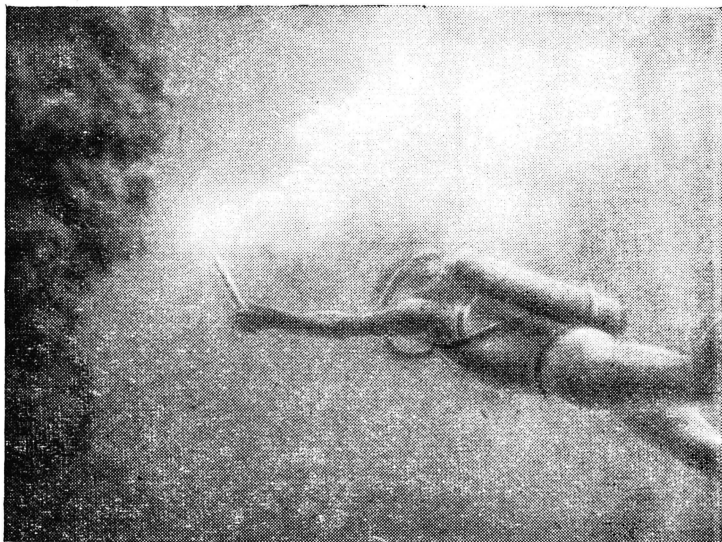
Со звоном лопаются воздушные пузыри, расходится белая пена, глазам открывается удивительная картина.

Мы находимся в центре рыбьей стаи, рыбы не обращают на нас никакого внимания, мечутся в разные стороны, пытаются скрыться от хищников. Мимо меня проносится черная тень, за ней другая, третья. Сделав полукруг под водой, перевернув-

шись белым брюхом кверху, один из дельфинов бросается на намеченную жертву; не успеваю заметить, как исчезает рыбка в дельфиньей пасти. Удар хвостом — дельфин вынырнул на поверхность пополнить запас воздуха в легких и вновь устремился за рыбой. Все это происходит так быстро, что я не выключаю мотор аппарата, боясь пропустить что-нибудь из этого необычайно интересного зрелища. Дельфины исчезают так же стремительно, как появились.

Вокруг тишина, и ничто не напоминает о происходившей только что подводной охоте. На счетчике аппарата цифра 20; это значит, что снято 20 метров киноплёнки, а вся съёмка продолжалась 40 секунд. Мирон показывает большой палец и улыбается. Интересно, как получатся эти подводные кадры?

В аквалангах достаточно воздуха, можно заодно осмотреть и прибрежные скалы. Вода удивительно прозрачна. Между скалами замечаем широкий, постепенно суживающийся кверху вход в подводную пещеру.

Стены густо заросли ковром водорослей самых невероятных расцветок. Вот маленькие ярко-красные трубочки с нежным розовым цветком на конце — актинии. Стоит протянуть руку к этому цветку, как он моментально сжимается в комочек и прячется внутри своего домика-трубочки. Вокруг них плавают такие же маленькие золотисто-красные и ярко-синие рыбки. Ближе ко дну видим белые цветы, но это не цветы, это кладки хищного моллюска рапаны. В них находятся икринки. А сами рапаны разлеглись на песчаном дне в своих крепких спиралеобразных панцирях.

Пещера большая, и нам не видно, где она кончается. Осторожно пробираемся внутрь. Здесь холодно и темно. Неясные рыбы тени скользят перед нами. Оборачиваемся назад — ярким голубым пятном светится вдали треугольник входа.

На темно-сером выступе скалы лежат страшные на вид рыбы. Коричневое тело с черными крапинками, огромная голова, усеянная множеством острых шипов, и длинные колючие плавники. Это скорпена. Надо быть осторожным: укол ее ядовитых шипов опасен для человека.

Пещера разделяется на два коридора. Мы сворачиваем в более широкий проход. Кругом темнота. Плыдем очень медленно, буквально на ощупь, вытянув перед собой руки, чтобы не удариться о каменные стены. Неясно засветилась трещина в скалах. Быстро плывем навстречу свету. Оказывается, пещера имеет второй замаскированный выход. Это может пригодиться: в такой пещере можно снять эпизоды в подводном тоннеле, ведущем к сухопутному жилищу Ихтиандра.

Пещера остается позади.

Перед нами открывается дно с причудливыми нагромождениями застывших каменных изваяний.

Базальтовые громады витыми колоннами возносятся к поверхности; течение относит вырывающиеся из аквалангов пузырьки воздуха, и они мелким бисером покрывают колонны, усиливая фантастическую прелесть подводного пейзажа.

Повсюду глубокие овраги и широкие ложбины с оголенным каменным дном. Тускло поблескивают крупинки вулканического стекла. Иногда стены ущелий сближаются, шатром нависая над головой. Поднявшись над ними, попадаем в спокойную долину.

Наше внимание привлекает непонятное черное пятно. Подплываем и видим: огромный морской скат-хвостокол лежит неподвижно, подстерегая добычу. Он напоминает гигантскую скорородку. Лишь раскрывающиеся время от времени дыхальца на спине да медленно шевелящийся, похожий на длинную плетку с колючками хвост говорят о том, что это живое существо. Подплывать к нему близко рискованно: острые шипы на хвосте ядовиты, и горе пловцу, если он попадет под их удар.

Все глубже и глубже опускаемся мы. Зеленоватый сумрак окружает предметы, сюда уже не доходят яркие блики солнечных лучей. Стрелка глубиномера показывает 25 метров. Вырисовываются неясные очертания затонувшего корабля. Вместо пассажиров разгуливают по палубам рыбы, а в машинном отделении пышно разрослись буйные водоросли. Прямо с капитанского мостика можно проникнуть в трюм, а оттуда через пробоину в днище выплыть в море. Около корпуса корабля — наполовину засыпанный песком гребной винт, сорванный с места при катастрофе. Он похож на огромный железный цветок. Неподдалеку от него, словно гигантская стрекоза, распластался фашистский самолет...

Чем ближе к берегу, тем больше тревожных видений минувшей войны.

Поднимаются со дна искромсанные железные балки и поросшие густым мхом стальные ежи. Грудами железного лома

лежат погнутые винтовочные стволы и проржавевшие гильзы. В 42-м году здесь шли бои...

Шум подходящей фелюги заставляет нас прервать поиски. Пора возвращаться на поверхность. Надо занести на карту и записать в дневник, что мы обнаружили здесь. И снова в путь.

...Полтора месяца экспериментальных работ позади. Три тысячи метров пленки сняты под водой. Сто сорок часов проведено на дне моря. С каждым днем мы все больше приспосабливаемся к жизни в морских глубинах. Мы привыкли ходить по дну на руках, вниз головой, чтобы не поднимать ил ластами. Научились пользоваться скучным языком жестов. Научились бесшумно подкрадываться к обитателям моря, не нарушая обычного хода их жизни. Нас перестала пугать глубина, и уже стало совершенно не обязательно смотреть на манометр, чтобы определить оставшееся количество воздуха в баллонах. А главное, мы получили ответы на многие вопросы, связанные с техникой подводных съемок.

МЫ СТРОИМ ПОДВОДНЫЙ МИР

После долгой ленинградской зимы, оснащенные новейшей техникой, мы возвратились к Черному морю. Живописная, глубоко врезавшаяся в сушу бухта надолго становится нашим домом. В нашем подводном полку прибыло. Это естественно. Мы приехали снимать картину. Осветители, бутафоры, художники — все те, кто будет участвовать в съемках, — получили вторую профессию — подводников.

У свежеструганного столба с жирной надписью «Причал-21 Б» уложены штабелями огромные ящики. В них «подводный мир». А к нашему «порту» все прибывает и прибывают караваны судов с оборудованием, лесом, декорациями.

И вот уже у самой кромки морского прибора вырос яркий, фантастический подводный лес тропических морей. Алым светом горят под палящими лучами солнца заросли кораллов, зеленые стрелы водорослей нацелены в небо. Черными змеями расплозились по берегу переплетения губок. Ветер шевелит нежные лепестки актиний. В этот яркий мир красок художники вносят последние штрихи.

Рыбаки, помогающие нам в строительстве подводного павильона, шивают сети — его стены, и вяжут длинные опорные столбы — гундеры. Каждая опора связана из двух семиметровых бревен, к основанию прикручен тяжелый камень. Общими усилиями стаскиваем гундеры в воду. Группами по три-четыре человека, ухватившись за основание, расставляем их под водой. Верхушки гундеров отмечают на поверхности отвоеванное у моря пространство. Паутина стальных тросов протянулась между столбами, образуя каркас. Наш павильон длительное время должен противостоять течению и штормам. Внимательно проверяем каждую оттяжку, устраняем перекосы.

С лодок опускают сетчатые стены. Предстоит самая сложная и кропотливая работа — обтянуть без складок и провисов проволочный каркас. Течение надувает пузырьем свободно

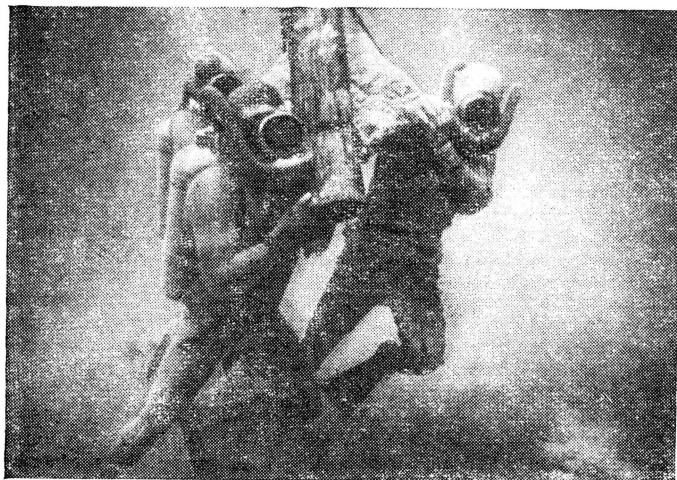
висящую сеть, но мало-помалу она поддается, натягивается, клетчатой стеной отгораживая бесконечные морские дали от замкнутого пространства павильона.

Павильон готов. Теперь нужно перенести в него созданную на берегу декорацию морского дна.

Тали, блоки, лебедки — все пущено в ход. Укрепленный на бетонных основаниях «подводный мир» переносится на дно павильона. Декорации занимают отведенные места. Под водой возник пейзаж, рожденный фантазией и трудом художников.

Следом с рыбацких фелюг обрушился живым серебром поток рыбы. Пучеглазые морские ерши, каменные окуни с желтыми и голубыми полосами, скаты, кефаль, султанки. Это «статисты» нашей картины — постоянные обитатели подводного павильона. Законал движок маленькой электростанции. Огоньки лампочек рассеялись над ночным берегом.

Мы готовы к съемкам.

КАДР 329, ДУБЛЬ...

Раннее утро. До погружения еще далеко: под водой лучше всего снимать около полудня, когда солнце находится в зените и его лучи, падая перпендикулярно к поверхности, проницают воду, почти не отражаясь от нее. Стоит только солнцу склониться на 20—30°, как море превращается в зеркало, отражая большую часть света. Все под водой окутывается синеватой дымкой, расплывается, теряет резкость.

Съемочное время под водой ограничено. План работы оговаривается заранее. Вся группа устраивается на белом пляже из крупного, обкатанного водой известняка.

По неписаному закону места на нем строго распределены. Центр занимают врач, режиссерская группа и актеры. Слева между скалами осветители, тренеры и спортсмены-подводники, обеспечивающие страховку. Правая сторона отведена операторской группе.

Здесь наиболее оживленно. Механики и ассистенты раскрывают большие кожаные ящики — «кофры», вытаскивают из них герметические боксы, крылья, поплавки, стабилизаторы — подводный «наряд» кинооператоров. Вооружившись длинной палкой с мягкой щеткой на конце, операторы протирают стекла подводных садков-аквариумов. Эти садки — моя гордость. Немало пришлось поломать голову над тем, как снимать плывущих под водой актеров в сопровождении рыб. Ведь рыбе не прикажешь занять место перед камерой. Однажды пришло очень простое решение — прикрепить к передней части киноаппарата металлический каркас, обтянутый сеткой, а стенку, находящуюся перед объективом, сделать из стекла. Рыба, помещенная в эту конструкцию, никуда не сможет удрать, и актеры всегда будут находиться на ее фоне.

Но сегодня нам предстоит не совсем обычная съемка. Мы снимаем эпизод, рассказывающий о том, как за плывущей в море Гуттиэре устремилась акула. Ловцы жемчуга, напуганные «морским дьяволом», боятся прыгнуть в воду и помочь девушке. Ихтиандр, заметив появившуюся акулу, бросается на выручку.

Операторы нашли подходящий участок дна и вместе с художниками расставили декорации. Геннадий Сергеевич Казанский, режиссер-постановщик, нарисовал монтажные кадры съемки и оговорил со мной возможные отступления от плана.

Все сосредоточены и молча ждут начала работ. Даже многочисленные зрители не задают сегодня обычных вопросов:

- Сколько лет Настеньке Вертинской?
- Когда прилетит Михаил Козаков?
- Сколько часов вы будете под водой?

Настроение у всех, как перед выпускным экзаменом. Нам еще не приходилось иметь дело с актерами-акулами.

Слышу приглушенный голос осветителя Виктора Литовченко — моего ближайшего помощника. Он проводит последние наставления по «технике безопасности» с Тоней Ивановой, всегда работающей с ним в паре.

— Когда у тебя акула отхватит полноги, — серьезно поучает Виктор, — ты не вздумай кричать и не волнуйся. От

крика может выпасть загубник, и ты утонешь. Плыви потихоньку к берегу, только не забудь выключить лампу, иначе разрядишь аккумуляторы.

Мрачный юмор Виктора можно простить: насколько нам известно, черноморские акулы на человека не нападают и питаются преимущественно мелкой рыбой. Но все-таки это акулы.

Впрочем, Тоню, или, как все ее называют, Антона, не легко запугать. Она единственная женщина в нашей группе, получившая профессиональные права водолаза. Чувство страха Антону неведомо. Рассказывают, что во время съемки картины «Полосатый рейс» она очутилась один на один с выпрыгнувшим из клетки тигром и, сняв босоножку, отгоняла его хищника от входа на пляж, где спокойно «жарились» отдыхающие, до тех пор, пока не подоспел дрессировщик и не загнал строптивного зверя в клетку.

Из-за скалы показалась фелюга рыбаков. По нашей просьбе рыбаки рано утром вышли в море для отлова «игровых» акул. Судя по возбужденному виду нашего администратора, находящегося на борту, улов хороший.

За бортом фелюги в большой сетке с жесткими ребрами плавают пойманные акулы. Длинные веретенообразные тела отливают сиреневым блеском. Маленькие глаза с хищным прищуром внимательно наблюдают за людьми. Пять жаберных отверстий, расположенных по бокам головы, ритмично открываются и закрываются. Большой рот на узкой вытянутой морде и белые, как отполированные, зубы.

Кто-то острит:

— Симпатичные «актрисы»!

Солнце приближается к зениту. Пора снимать.

Перед погружением каждый проверяет свой акваланг и проходит медицинский контроль. Результаты контроля вместе с данными о температуре воды, течениях, характере грунта, глубине погружения и количестве проведенных под водой часов записываются в толстую книгу — водолазный журнал. Расписавшись в том, что не утонем, уходим в воду.

Плывут осветители, вооруженные лампами-фарами. В своих водолазных одеждах они напоминают пришельцев с других планет. Плывут операторы с камерами, похожими на миниатюрные космические снаряды. Над нами в резиновых надувных лодках плывут пугающие нас спортсмены с садками и сеткой, в которой находятся акулы.

В лодке ждет сигнала Анатолий Иванов, дублирующий Владимира Коренева — Ихтиандра в наиболее сложных подводных кадрах. Сегодня предстоит трудная работа, и мы решили в сцене боя с акулой снимать Толю. Он студент института физкультуры и чемпион Ленинграда по подводному плаванию. Рядом с ним режиссер через смотровой колодец — конусообразную металлическую трубку со стеклянным дном — разглядывает место действия.

Подплываем к съемочной площадке. Здесь нужна особая осторожность, чтобы не поднять ил и не замутить воду. Никто не работает ластами, все плывут потихоньку, подгребая руками. Приходим на дно вниз головой и шагаем на руках к указан-

ным местам. Пока осветители проверяют приборы, я поднимаюсь на поверхность. Железной остройгой загоняю нужную для съемки акулу в садок и прикрепляю его к камере.

Акула, помещенная перед самым объективом, выглядит неплохо. Через лупу аппарата хорошо видно, как за ней в глубине вспыхивают и гаснут яркие точки осветительных приборов.

Репетирую несколько раз и провожу панораму по морскому царству. Как будто все получается нормально. Акула вынуждена поворачивать головой по движению аппарата, иначе ее прижимает водой к сетке садка. На глаз — впечатление достоверное: акула, преодолевая ток воды, плывет так, как нам нужно. Ее движение подчеркивают колышущиеся декоративные водоросли и кораллы.

Поднимаю левую руку. Это означает, что все в порядке, можно снимать.

Вижу, как из лодки спиной уходит в воду Анатолий, прижимая к груди акваланг. Он не надевает его, зная, что через минуту-другую придется расстаться с прибором. Ведь Ихтиандр — человек-рыба, он не может пользоваться аквалангом. И наши актеры после длительных тренировок научились оставаться под водой, не пополняя запаса воздуха в легких около двух минут. Рэм Стукалов, сопровождающий Анатолия, помогает замаскировать акваланг за скалой.

Даю сигнал осветителям. В кадре расцветает подводный мир. Сумрачный и однотонный до сих пор, он под яркими пучками света кинематографических приборов переливается всеми цветами радуги. Но акула ведет себя как-то странно, она совершенно неподвижна. Свет ослепил ее. Подождем, может быть, она привыкнет к условиям подводного кинопавильона. Включаю камеру. Звук работающего аппарата хорошо слышен всем участникам съемки. Веду панораму по зарослям нежных, перистых горгоний и причудливых мадрепоровых колоний. Вдали между ветвями благородных кораллов мелькнул серебристый силуэт Ихтиандра. Вытянувшись в струну, с зажатым в руке ножом, он стремительно приближается к акуле. А она... равнодушно отвернувшись, не проявляя ни малейшей заинтересованности к творческому процессу, опускается и лежит неподвижно, прижавшись к сетчатому дну садка.

— Стоп! — кричу я, совершенно забыв, что нахожусь не в кинопавильоне «Ленфильма», а на дне Черного моря. Тут же, мысленно чертыхаясь, поворачиваюсь на левый бок — в сторону клапана выдоха, чтобы продуть воздушные шланги, в которые попала вода.

Поднимаю вверх два пальца. Надо повторить съемку, или, как говорят кинематографисты, «сделать второй дубль». Но и без моей команды всем ясно, что съемка не состоялась. Плывет на аппарат исполняющий сегодня обязанности подводного ассистента режиссера старший тренер Владлен Кебало, с черной металлической «хлопушкой», на которой крупными белыми буквами написано: «Человек-амфибия», кадр 329, дубль 2».

На секунду включается свет, освещая табличку. Щелчок аппарата — номер снят.

Даже под водой необходимо снимать номера. Иначе при окончательном монтаже картины монтажницы не смогут найти среди десятков тысяч метров снятого материала необходимые куски.

Ихтиандр возвратился на исходную точку и теперь жадно глотает свежую живительную струю воздуха.

Ко мне подплывает Тоня — Антон с острогой в руках. Она устраивается под садком и направляет наконечник остроги на акулу.

— Приготовились! Свет!

На этот раз острога мешает акуле опуститься на дно. Хищница вынуждена держаться середины садка. Но она по-прежнему лениво шевелит плавниками и, несмотря на все наши ухищрения, не желает вести себя активнее. Какой уж тут бой с Ихтиандром! Нам решительно не везет с этой «актрисой».

Один за другим, показывая на манометры, уходят вперед подводники. У меня воздуха хватит еще минут на 30: за моими плечами акваланг с тремя баллонами вместо обычных двух. На смену ушедшим приходят те, кто ждал своей очереди на поверхности.

Но как же все-таки заставить упрямую акулу делать то, что нам нужно?

Соблюдая максимальную осторожность, заменяем сидящую в садке акулу свежей. Все начинается сначала. Увы! Безуспешно. В замкнутом пространстве садка акулы не хотят плавать.

Все труднее и труднее становится дышать. Исыкает запас воздуха. Оставляем на дне аппаратуру и плывем к берегу.

Самое неприятное — это выходить из воды. Только стаскивая с себя мокрый костюм, ощущаешь, как ты замерз за полтора часа пребывания под водой. Бьет озноб, руки становятся непослушными, с трудом натягиваешь толстые шерстяные рейтузы, шерстяные чулки, свитер, сверх всего надеваешь теплый халат, на голову шерстяную шапку и в этом облачении залезаешь в спальный мешок. Проходит несколько минут, прежде чем успокаивается дрожь, и тогда чашка обжигающего сладкого кофе возвращает тебя в нормальное состояние.

Над обрывом показывается администратор.

— Буфет приехал! Извольте кушать! В меню традиционные котлеты, кефир, печенка! На сладкое — арбуз!

Обычно приезд буфета сопровождался всеобщим оживлением. Мы вылезали из спальных мешков и, проявляя исключительную резвость, взапуски бежали занимать очередь, вызывая смятение в рядах зрителей. Но сегодня ни у кого нет аппетита. Как бы невзначай мешки стаскиваются в операторский угол.

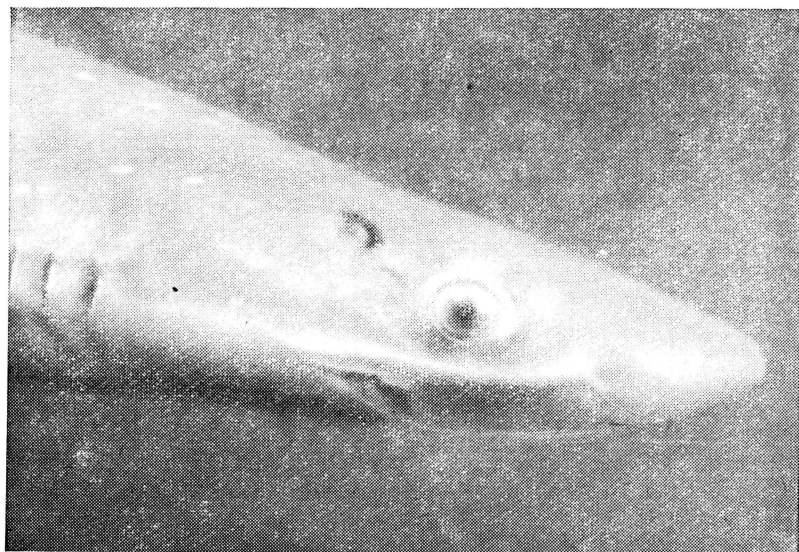
— Собрание считаю открытым, — говорю я мрачно, — на повестке дня один вопрос: без эпизода с акулой нет картины. А как ее снимать, если она не желает?

— Давайте выпустим катрана из садка и привяжем его к камере за хвост? — предлагает кто-то.

— А что, если держать его вдвоем за хвост и туловище?

— Да! А если он прокусит невзначай руку или проткнет шипами?

— Ничего не будет!

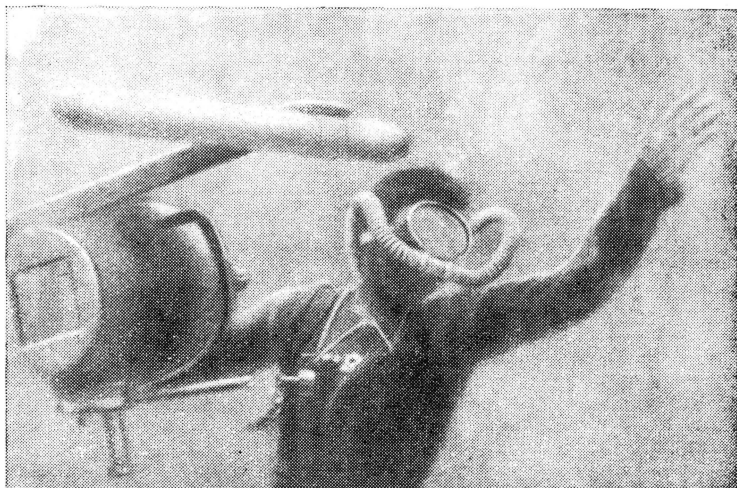

Все проблематично. Но, во всяком случае, один из этих вариантов должен быть опробован.

— Так с чего начнем?

— Попробуем удержать в руках. Будем снимать крупно голову, а за ней плавающего Ихтиандра. Все равно нужны кадры акульей головы.

Заменив акваланги, снова опускаемся на место съемки. Виктор Литовченко и Герман, научный сотрудник БалтНИРО, прибывший к нам в группу для стажировки, натянув брезентовые рукавицы, выуживают из сетки акулу.

Большой катран неистовствует, бьется, но Виктор и Герман крепко держат его. Голова акулы совсем близко от аппарата и потому кажется еще страшнее, еще больше.

Снова из глубины появляется Ихтиандр и стремительно пронесится над самой камерой.

Еще дубль и еще один. Мы не жалеем пленки для съемки этих редких кадров. Снова бросается Ихтиандр на акулу, заносит для ударов нож, но... в этот момент катран делает отчаянный прыжок и выскользывает из рук.

Мы не пытаемся догнать его. Кое-что удалось снять. Но все-таки этого мало. Оборачиваюсь назад и вижу Виктора, трясущего рукой в расплывающемся синем пятне. Кровь! Под водой она выглядит синей. Пытаясь схватить вырвавшуюся акулу, он забыл про шипы. Рана не глубокая, но несколько дней ему не разрешат опускаться в воду. Герман провожает его к берегу и вскоре возвращается, таща за хвосты двух катранов. Они не сопротивляются, повиснув, как большие резиновые дубинки. Эти акулы глотнули воздуха на берегу и теперь находятся в полусонном состоянии.

Одну акулу беру я. Герман плывет с другой, держа ее за хвост и направляя в нужную сторону. В сопровождении двух плывущих осветителей отретировали сцену. Получается неплохо. Но мне мешает второй катран, прижатый к камере. Распускаю ремень акваланга и засовываю акулу за пояс. Ее хвост доходит до плеча, а голова бьется о ласты. Пусть потерпит. Даю Герману знак отпустить акулу. Она устремляется вперед. Из-за скалы навстречу выплывает Ихтиандр. Короткий стремительный поединок. Стрекочет аппарат. Неосторожно наклоняюсь и тут же чувствую острый укол. Хватаюсь за бедро. Тоненькая струйка крови показывается из-под комбинезона. Катран отомстил мне, проткнув ногу шипами через толстый костюм и водолазные рейтузы.

Но кадр уже снят!

Съемочный день окончен. Мы возвращаемся на берег.

В режиссерском сценарии вычеркивается кадр № 329. В нем четыре метра. Он промелькнет на экране перед зрителем всего за восемь секунд...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Если вы когда-нибудь попадете в Севастополь и у вас будет несколько часов свободного времени, садитесь в автобус, идущий мимо Херсонесского музея, — он отвезет вас к морю. Через двадцать минут вы приедете на конечную остановку, в Казачью бухту. Спросите любого старожилы, где живет дядя Витя. Он укажет вам на небольшой чистенький домик, сплошь увешанный сетями и прочими орудиями лова.

Скажите гостеприимному хозяину, что хотите пройти на берег и своими глазами увидеть то, что считали вымыслом, глядя на экран кинотеатра.

Этим вы доставите дяде Вите большое удовольствие. Из полированного сундука он достанет аккуратно завернутый пакет с красными ластами, похожими на гусиные лапы, маской и гофрированной дыхательной трубкой.

Не удивляйтесь, если на внутренней поверхности крышки сундука увидите фотографии пиратов в экзотических костюмах, а среди них узнаете хозяина дома. По дороге он расскажет вам, как на семидесятом году жизни случай превратил его из потомственного рыбака в соучастника хитрого и злого Педро Зуриты, хозяина шхуны «Медуза». Эти бережно хранимые фотографии и плавательный комплект — следы кинематографической деятельности старого рыбака.

Вы пройдете к морю мимо невысоких холмов, густо заросших жесткой травой и шиповником. Белая лента дороги внезапно оборвется, и перед вами откроется бескрайное морское раздолье.

Эти места хранят память далекого и близкого прошлого. Кажется невероятным занесенное сюда и замурованное в скалах веретено якоря — след причала времен гражданской войны.

Глубокие воронки, груда проржавевших снарядов, подводное кладбище разбитых машин — страшные следы 1941 года. Как

будто однажды люди выбросили все ненужное для жизни, чтобы уже никогда не возвращаться за этим.

На самом конце мыса гладкая бетонированная площадка, постройки 1961 года. Здесь мы снимали танец рыбаков. Наверху стояла декоративная рыбачья деревушка. На косе, черной змеей уползающей в море, Ихтиандр в последний раз простился с Гуттиэре.

Не теряйте времени, наденьте красные ласты и маску. Конечно, в том случае, если вы умеете обращаться с ними! В воду удобнее всего входить с маленького белого пляжа у подножия мыса. Здесь расчищен довольно широкий проход.

Плывите вдоль обрыва до тех пор, пока не увидите на дне песчаную, не заросшую водорослями лужайку. От нее возьмите налево и двигайтесь к скале с плоской вершиной, мы называли ее «пирог». Подплывайте к нему справа — так удобнее войти в подводный грот. Видите? В глубине темнеет треугольник входа. Наберите побольше воздуха и ныряйте. Вам придется проплыть под водой шестнадцать метров. Это один из самых красивых подводных гротов побережья. Вы без труда заметите между скалами черные остовы уцелевших коралловых зарослей.

Может быть, вам повезет, и между ними вы сумеете отыскать раковину-жемчужину, искусно сделанную бутылками из пластмассы, или яркую морскую звезду, отлитую из формопласта.

Если не найдете, не огорчайтесь, плывите к рифам, на сторону, обращенную к морю. Там вы наверняка увидите таинственный вход в пещеру Ихтиандра, закрытый ажурной металлической решеткой, а вокруг него буйные декоративные заросли тропиков. Через анфиладу больших и малых тоннелей вы попадете на дно «дома» человека-амфибии. Здесь в последний раз проплыл Ихтиандр. Отзвучали команды, погасли прожекторы. Здесь на ветви коралла мы оставили, уходя, алую ленточку Гуттиэре. В память об этом визите вы можете привезти домой витую раковину рапаны.

Приложив ее к уху, вновь услышите зовущий голос моря: тихий шелест воды, свист ветра, глухие раскаты приближающегося шторма, крики чаек и незабываемую тишину «голубого континента».

Заглянув в морские глубины, вы навсегда потеряете покой. Тоска по морю исчезнет только тогда, когда, надев ласты и маску, вы снова броситесь в его прозрачные глубины.

И если меня спросят, где бы я хотел снимать новую картину, я отвечу совершенно определенно: снова на дне моря...

ГИГАНТСКИЙ СЛАЛОМ

Памир. Зима. Дорога на Калай-Хумб. Она то стремительно опускается вниз, резко изгибаясь на поворотах, то, ужом извиваясь, ползет вверх. Слева, тяжело нависая, словно грозя обрушиться, тянутся угрюмые голые скалы. Дорога — узкий, двум машинам не разойтись, выдолбленный в скале желоб. Внизу — бездна. Снегопад. Не видно ни зги. Караван машин медленно тащится к перевалу.

И вдруг снежный обвал. За исключением последней машины караван оказывается погребенным под снежной лавиной. Шофер Владимир Пальнов берет лопату и начинает рыть к соседу тоннель. Он торопится. Стужа лютая, товарищи могут замерзнуть. Но внезапно лопата натывается на что-то твердое. Каменная глыба... Ни обойти ее, ни столкнуть невозможно. Остается единственное — встать на лыжи и, пока не смерклось, добраться до перевала.

Наступает ночь. Идти все труднее. Дороги не видно. Если оступишься, сорвешься в пропасть. Наконец перевал. Впереди тридцать два серпантина, тридцать два поворота — неожиданно резких и коварных.

В горнолыжном спорте Владимир не новичок. Лыжи его стихия. И хотя гигантский слалом ночью в крошечной тьме дело почти немислимое (каждое мгновение — это поединок со смертью), Владимир резко отталкивается палками...

Навстречу ветер, снег и темень. Ошибись он хотя бы на несколько сантиметров, полет в бездну неизбежен. Но Владимир знает: ошибиться ему нельзя. Там, за перевалом, товарищи ждут помощи...

Это был самый скоростной спуск, какой ему пришлось когда-либо совершать. Когда две тысячи метров остались позади, Владимиру показалось, что прошло всего несколько секунд.

...К вечеру следующего дня машины были откопаны. Люди спасены.

ВЫСШАЯ НАГРАДА

Тревожная весть облетела все цехи Полонского фарфорового завода: в огненной камере муфельной печи заклинило несколько форм с сервизами. Через полчаса, самое большее спустя минут сорок, формы перегорят, сервизы превратятся в бесформенную грудку, которая закроет горловину. Печь на заводе одна, и если она выйдет из строя, придется останавливать завод.

Главный инженер Петр Михайлович Иванченко стоял перед печью и ломал голову над тем, как, не гася огонь, устранить неисправность. Даже в нормальных условиях, когда печь потушена, это дело не из легких. Нужны сноровка, опыт.

Рабочие молча смотрели на инженера. Ждали его решения.

— Делать нечего. Гасите огонь, — коротко сказал он. Вдруг кто-то легко тронул его за руку.

— Петр Михайлович...

Перед инженером стоял Юрий Заика. На заводе он был новичком. Полгода тому назад Юрий закончил школу.

— Нельзя, — сказал главный инженер и кивнул на раскаленную пасть печи. — Там, братец ты мой, огонек... К тому же сложное это дело. До горловины нужно добираться ползком. Через охлажденную камеру. Только в охлаждающей жара около ста градусов. Задохнешься...

— Петр Михайлович...

Юрий переминался с ноги на ногу, умоляюще смотрел на инженера.

— Ну что ж, — инженер испытующе посмотрел на Юрия, — попробуй.

Надев асбестовый костюм, Юрий нырнул в печь.

В лицо дохнуло каленой сухью. Обожгло... Охлаждающая камера. А перед глазами — добела раскаленное нутро печи. Вот и горловина. Формы.

Минута, другая... Лицо заливает соленый пот. Тлеет повязка на голове, дымится костюм. В раскаленной печи Юрий пробыл четыре минуты. Когда он вынырнул из печи, одежда на нем тлела.

— Все в порядке, — сказал он и потерял сознание.

Вечером к нему пришли товарищи. Почти весь цех.

Для Юрия это была самая высшая награда.

За строчками протокола

«Стася Леоновна Руткаускайте. Год рождения 1939-й. Родители бывшие батраки. Ныне — колхозники артели «Путь Ленина», где Стася работает дояркой. Образование — среднее. Депутат районного Совета. Характером Стася тверда и непреклонна. Решительна и смела». Эти строки взяты из протокола заседания бюро Расейнского райкома комсомола Литовской ССР.

...Сушь. Каленый зной. Ни дождя, ни росинки. И вдруг — гроза.

Стася выглянула в окно и увидела зарево. Оно занимало полнеба. Вгляделась и похолодела. Горели колхозные фермы. Как была, в халате и в ночных туфлях, выскочила в окно и стремглав побежала по улице. На бегу сообразила: звать на помощь некого — в деревне одни старики и дети. Все взрослые на полевых станах: уборка.

Стася повернула к ферме. Коровник был похож на громадный факел. Струясь вниз, пламя уже лизало двери. Угрожающе осели стропила. Еще несколько минут, и крыша обрушится, погибнет весь колхозный скот.

Стася — к двери. Потянула ручку на себя — и вскрикнула: раскаленная ручка обожгла ладонь, пальцы. Сорвав с себя

халат, обмотала им обожженную руку и дернула дверь. Дверь не поддавалась. И тут Стася увидела замок. Громадный, как пудовая гирия. От отчаяния чуть не заплакала. Нужен лом. Но где искать? Девушка бросилась бежать, споткнулась обо что-то, упала. Поднимаясь, наткнулась рукой на обрубок тележной оси. Схватила ее — и к двери. Удар, другой, третий... Наконец замок отскочил. Распахнула двери и едва успела отпрянуть в сторону: мимо нее с ревом пронеслись обезумевшие животные.

— Занялась конюшня! — крикнул кто-то из темноты.

В конюшне ржали лошади. Они были привязаны. Тут мало открыть дверь, нужно отвязать каждую и осторожно вывести в темноту и прохладу ночи. Лошади ржали и били копытами, боясь пламени, охватившего вход в конюшню. Отвязывая жеребца, Стася оступилась и попала под копыта беснующейся лошади. Окровавленную, без сознания, ее едва успели вынести на улицу, как тут же обрушилась крыша.

И дальше — строки в протоколе:

«Товарищ Руткаускайте никогда не оставит в беде товарища. У нее доброе и большое сердце...»

Стася готовилась к вечеру художественной самодеятельности. Гладила платье и слушала песни, которые передавали по радио. Вдруг песня оборвалась на полуслове. Наступила напряженная тишина.

— Демесо! Демесо! Внимание! Внимание! — В голосе диктора было что-то такое, что заставило Стасю насторожиться. — Произошел несчастный случай. Шофер получил сильные ожоги. Нужна кровь для переливания. Кровь могут дать люди, которые раньше сами перенесли ожоги. Сообщаем адрес больницы...

Первой в больнице была Стася.

— Как больной? — спросила она. — Только что по радио...

Жизнь человека была спасена.

«...Бюро Расейнского райкома комсомола рекомендует товарища Руткаускайте Стасю Леоновну кандидатом в члены КПСС».

БЕССМЕРТНИК

Борис Хеленюк получил письмо. Писал Степан, товарищ по целине. «Борька, нам очень недостает тебя. И не только потому, что в совхозе ты был лучшим трактористом. Обидно, что все так нескладно получилось. Но ты не тужи. Скорее заканчивай институт и приезжай. Привет от джез-

казганских сорванцов. Они часто тебя вспоминают и спрашивают, вернешься ли ты к нам. Листья от них».

Борис заглянул в конверт и увидел несколько листочков бессмертника. «Листья от них».

«Сорванцы...» Борис откинулся на спинку садовой скамейки, закрыл глаза...

...С утра накрапывало. К обеду пошел проливной дождь. Дороги развезло. Машины буксовали и с грузом тащились по вязкой грязи. Особенно нелегко приходилось шоферам, когда они взбирались на Потешную горку. Дорога стала скользкой, и машины не могли преодолеть крутизну Потешной. Образовалась пробка,

Время было страдное, горячее. От зачистивших дождей хлебные бурты на совхозных токах горели. Их не успевали перевеивать. Днем и ночью шла битва за спасение зерна. Его срочно вывозили на элеватор. И вдруг... пробка.

Было ясно, что без тракторов тут не обойтись.

Через полтора часа из близлежащего совхоза пришли пять «ДТ-54».

Первую груженую машину потянул Борис. Сначала все шло гладко. Отвоевывая пядь за пядью, трактор медленно тащился в гору. Но на полпути, где крутизна была особенно опасной, трактор забуксовал и начал сползать вниз: отказали тормоза. Увлекаемый тяжестью прицепа, трактор грозил врезаться в скопище машин и разнести все вдребезги. Несколько раз Борис выравнивал машину и не давал ей завалиться набок. Но чувствовал, что от беды не уйти. Пока не поздно, нужно покинуть кабину.

— Борис, прыгай! — услышал он голоса снизу. — Прыгай! — Но прыгать нельзя. Позади машины, люди. Нужно во что бы то ни стало свернуть с дороги. Наконец это ему удалось. Борис облегченно вздохнул. Хотя трактор с прицепом и продолжал соскальзывать вниз, машины и люди были вне опасности. Через несколько секунд гусеницы коснутся пологого участка и трактор остановится.

Оглянувшись, он увидел близ дороги у подножия Потешной ребятишек. Увлеченные игрой, они даже не подозревали о том, что над ними нависла смертельная опасность. Решение Борис принял мгновенно: завалить трактор. Это на несколько мгновений остановит падение. Услышав грохот и увидев падающие трактор с машиной, мальчишки разбегутся. И Борис до отказа потянул на себя рычаг. Выпрыгнуть он не успел...

— Как ребятишки? — очнувшись, спросил он стоявшего над ним Степана.

— Как воробы, в разные стороны, — ответил Степан.

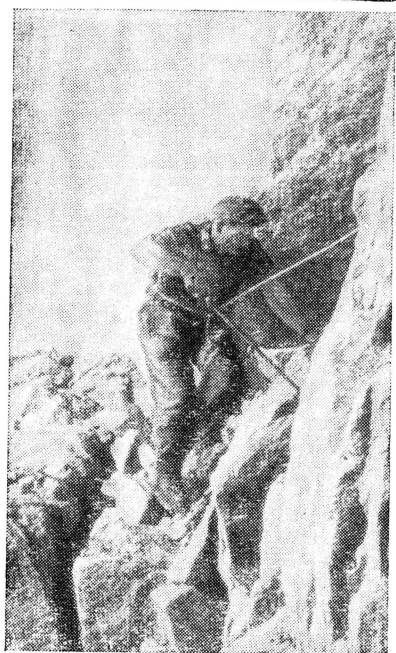
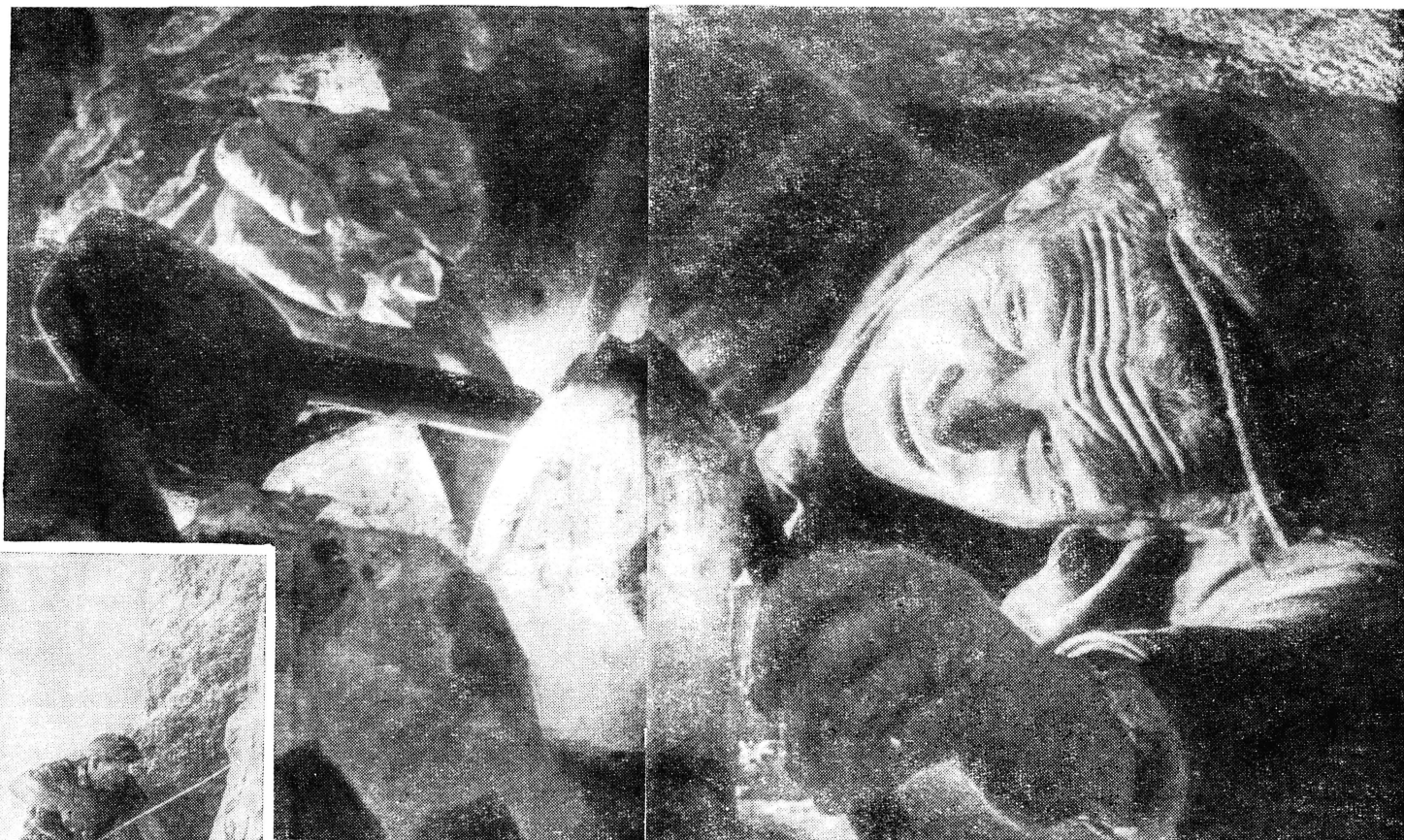
...Борис открыл глаза. Бережно положил листочки бессмертника в зачетную книжку: ничего, теперь уж недолго ждать. Скоро он вернется к «джезказганским сорванцам». Борис встал и, прихрамывая, пошел по аллее.

ЦЕНА КРИСТАЛЛА

Захватив запас продовольствия и незамысловатое снаряжение, искатели горного хрусталя надолго уходят в предгорья Альп. Чтобы выследить кварцевую жилу и найти переливающиеся всеми цветами радуги кристаллы, приходится карабкаться по альпийским скалам, вползать в глубокие расщелины,

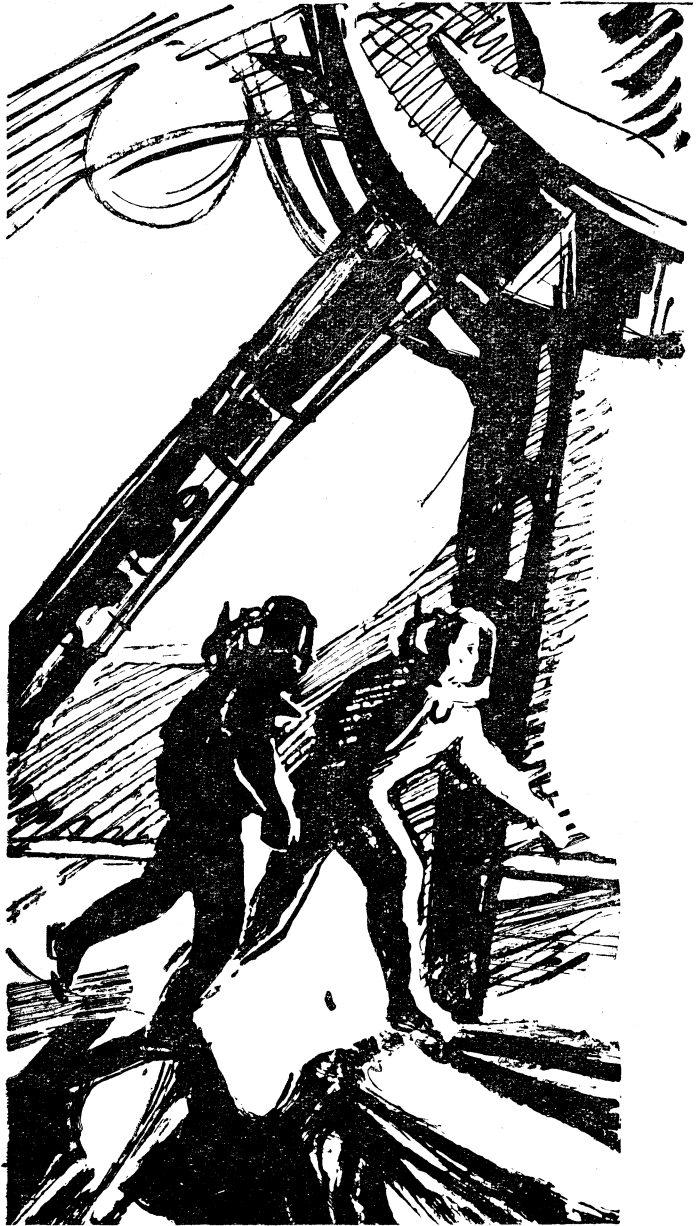
СНИЖАЮТ ЦЕНУ НА КРИСТАЛЛЫ

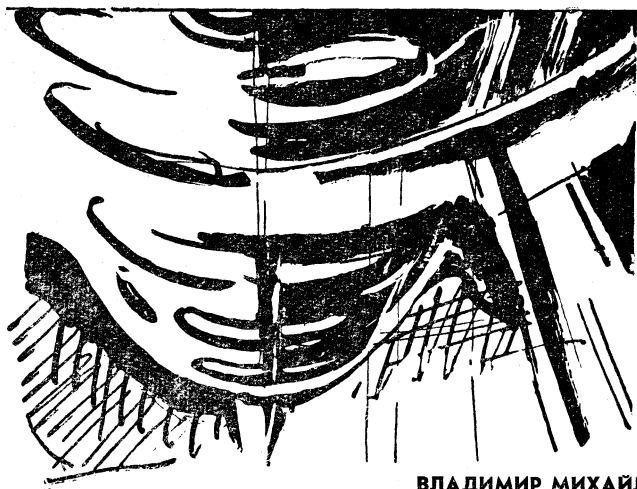

Успех поисков не всегда решают ловкость, отвага и опыт. Многие зависят от случая: ведь ценные находки чрезвычайно редки. Бывает и так, что кристаллическое семейство, с немалым трудом отделенное от гранитного основания, оказывается «фальшивкой». При дневном свете вы-

ясняется, что кристаллы некачественные. И тогда утомленные люди продолжают поиск. Дважды в году устраиваются торги. Скалолазы продают здесь добытые нелегкой ценой кристаллы дымчатого кварца. Но выгодная сделка — тоже дело случая. Покупатели — ювелиры и богатые коллекционеры — не упускают возможности нажиться за счет нуждающихся в деньгах продавцов. И получается так, что вырученные деньги ни в коей мере не окупают труд и риск горнодобытчиков.

Но охотники за горным хрусталем снова и снова уходят в царство скал и снегов. Видно, не только заработок, но и любовь к горам, к своей тяжелой зачастую неблагодарной, но увлекательной профессии толкает их на новые поиски.

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ

ОСОБАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ*

Рисунки А. Гусева

Эти мысли пронесли в его мозгу в доли секунды, и он сделал последний шаг, отделявший его от двери, хотя знал, что ему после этого наверняка не выбраться... В последний миг он подумал, что товарищи не найдут его следов и не узнают, что случилось. Они зря потеряют время на поиски. И потом если даже отыщут автоматическую ракету, то без него, Азарова, гораздо дольше будет возиться с передатчиком, потому что полностью заменить его в радиотехнике не мог бы даже такой мастер электроники, как Калве. Все так, но это лишь мелкие неприятности по сравнению с той опасностью, какой угрожала всем открытая дверь. Она означала явную гибель, а если уж гибнуть, то одному, а не пятерым...

Он закрыл глаза и рванулся вперед, нагнув голову, прощаясь со всеми и одновременно проклиная радиацию. Так вот, значит, какой конец готовила ему судьба...

* Окончание. См. номера 3 и 4 за 1962 год.

Азаров успел пробежать шага два и даже увидел краешком глаза широкий коридор и на противоположной его стороне еще дверь, почему-то закрытую не до конца. За ней скорей угадывались, чем виделись, странные, тускло поблескивавшие, уходящие ввысь колонны. В следующий миг что-то мягко толкнуло Азарова в грудь, он зашатался, потерял равновесие, чуть не упал — что-то мягко подхватило его, словно он опустился на мягчайшую перину, вынесло, откинуло от двери обратно в коридор.

Еще два раза он пытался прорваться, но оба раза невидимая преграда останавливала его, мягко опрокидывала, отбрасывала назад... Пройти в дверь оказалось невозможным.

Азаров перевел дух, руки и ноги его дрожали... Он громко выругал неизвестных конструкторов, придумавших такую мудреную защиту и не догадавшихся применить простую блокировку двери. Потом он повернулся и торопливо побежал к товарищам. Боком проскользнул в дверь коридора, словно надеясь этим задержать излучение, не дать ему проникнуть следом за ним, хотя знал, что простые двери его не задержат, не остановят...

Возле двери в ангар он наткнулся на Коробова — тот спешил ему навстречу. Азаров взглянул на его встревоженное лицо, на напряженные глаза и положил руку на плечо товарища, прижался к нему, словно ища поддержки...

15

Это было как наводнение, когда вода подступает все выше и нет надежды, что уровень ее по какой-то причине остановится и удастся спастись. Все двери закрыли накрепко, однако уровень радиации возрастал хотя и медленно, но неудержимо.

Можно было, конечно, покинуть ракету и укрыться в верхних ярусах спутника. Но тогда придется окончательно проститься с надеждой отправить сообщение на Землю: другого выхода на поверхность, кроме уже известного, они не знали, а радиограмму можно послать только с поверхности — сквозь броню звездолета радиоволны их передатчика не пройдут.

Отступить решили в самую последнюю минуту. Пока же все занялись одним: поисками автоматической ракеты с передатчиком. Искали и не находили...

С Азаровым все держали себя так, словно бы ничего и не случилось. Но сам он был чернее тучи, порывался лезть в самые опасные места, пока Сенцов не сказал ему однажды:

— Ты не горячись... Теперь сам видишь — к чему это приводит.

Собирались вместе, лишь совсем выбившись из сил. И уже становилось ясным, что через день-два уйти все равно придется: уровень радиации станет опасным. Наверху еще можно будет продержаться, но здесь оставаться невозможно.

О своем трудном положении ничего не говорили. Рассказывали друг другу о том, что видели за день, спорили, как

объяснить те или иные непонятные машины, приборы. Эти беседы за ужином теперь были единственным временем, которое космонавты проводили вместе, и на них полагалось являться чисто выбритыми, подтянутыми, в вычищенных комбинезонах.

Сейчас в одной из кают, превращенной в кают-компанию, собралось уже трое пилотов. Они были голодны, с нетерпением поглядывали на часы, но оба ученых задерживались, хотя и вели поиски в разных направлениях.

Наконец они явились вместе, оба какие-то мрачно-возбужденные. Молча сели за стол и ели молча, не поднимая глаз на товарищей.

— Не нашли, конечно? — спросил Сенцов, когда ужин уже заканчивался и на столе оставалось только какао во фляжках с присосками: питались они так же, как при невесомости, — привыкли, да и другой посуды не было.

— Не нашли... — мрачно ответил Раин.

Калве только вздохнул.

Раин замолчал, но не удержался:

— Что ж тут скрывать?.. И не найдем. И никто не найдет.

— Почему ты думаешь? — насторожился Сенцов.

— Мы тут с Калве прикинули... По дороге забежали в кибернетический центр и там еще раз проверили. Как будто бы наши выводы правильны...

— Какие выводы?

— Где был найден счетчик? — спросил Раин. — В том отсеке, на который указывал переключатель на пульте. А переключатель этот, как Калве в общем установил, задает машине режим подготовки ракеты в данном ангаре к полету.

— Ну и что?

— Ясно, что автоматическая ракета, попавшая сюда таким же образом, как мы...

— То есть автоматически посаженная и затем втянутая в ангар, — уточнил Калве.

— Ну да... Эта ракета и встречена была, очевидно, так же, как наша...

— Это справедливо, — сказал Коробов. — Они однотипны, разница лишь в деталях.

— Правильно. Значит, и ее роботы по своей программе сначала вскрыли, а потом, так сказать, отремонтировали: навесили люковые крышки, кое-что там наварили — по образцу своих ракет.

— Так, понятно...

— Но так как она попала в тот ангар, который был переключателем подготовлен к выпуску ракеты, то ее, поскольку никакого вмешательства в программу действий машины не последовало, просто-напросто выбросили из ангара. Отправили, так сказать, в рейс... Другого объяснения мы не находим.

— Подожди... Но на чем же она ушла в рейс? Кто включил двигатели?

— Никто не включал, — ответил Азарову уже Сен-

цов. — Ты что думаешь, ракеты у них стартовали на своих двигателях? Что бы тогда осталось от этих ангаров? Нет, они выбрасывали их таким же образом, каким и втягивали: посредством поля, магнитного или другого — мы не знаем.

— Правильно, так и мы с Калве решили, — поддержал его Раин. — Ну, а раз ее выбросили, то искать ее бесполезно, сами понимаете...

— Да не может быть! — возразил Азаров. — Они же не могут быть такими глупыми, ваши роботы и машины. Выбрасывать ракету, в которой нет ни одного человека, незаправленную, неподготовленную и вообще чужую...

— Они не глупые и не умные, — сказал Калве. — Они действуют по программе. Что касается людей — возможно, и у них на звездолете были автоматические ракеты-разведчики. А что касается того, что выброшенная ракета была не готова, то автоматы этого просто не заметили.

— То есть как? — удивился Коробов.

— Можно себе представить, что автоматы, снимающие показания датчиков после возвращения ракеты из рейса и передающие их в кибернетический пост, принимают сигналы, свидетельствующие о недостатке чего-то: топлива, энергии... Тогда происходит дозарядка. А раз, по их «понятиям», ремонт окончен, сигналов о нехватке чего-либо не поступало, то, значит, ракета готова к вылету.

— Может быть, конечно, это и не так, — сказал Раин. — Но что спорить и ломать головы? Давайте проверим!

— Как именно? — спросил Сенцов.

— Пожертвуем нашим искалеченным кораблем. Он нам больше не нужен, с него снято все, что возможно. Переключим машину на наш ангар. Тогда будет видно, что произойдет. Автоматы уже несколько дней не прикасаются к ракете. Если наши предположения подтвердятся, значит мы узнали, как производится отправление ракет. И, кроме того, прекратим ненужные поиски...

Сенцов молчал. Было видно, как жаль ему расставаться со своим, хотя бы уже и ни на что не годным кораблем: командование им было поручено ему, Сенцову, и вот не уберег... Кроме того, если эксперимент подтвердит предположения Раина и Калве, значит не остается никакой надежды разыскать недостающие части для передатчика, для восстановления связи с Землей...

— А куда же девались остальные наши разведочные ракеты? — пытаюсь найти хоть малейшую возможность иного решения, спросил Сенцов. — Ведь их посылали несколько, и ни одна не вернулась. Что же по-вашему: их все вот так здесь прооперировали, а потом выбросили? Больно естественно получается...

— О судьбе других автоматических ракет мы пока ничего не знаем, — ответил Раин. — Можно только гадать. Может быть, и не одна из них побывала тут. А вероятнее, что остальные ракеты, попадая в сильное магнитное поле этого звездолета, выходили из строя, теряли правильный курс...

— Возможно, — задумчиво вставил Коробов. — Отказала автоматика, и ушли они куда-то в бесконечность, ищи их теперь. Ты вспомни, командир, как нам самим пришлось взяться за управление, когда при полете сюда задурили автоматы.

Сенцову нечего было возразить. Ничего не скажешь, доводы основательные. После долгой паузы он молча кивнул, принимая план Раина и Калве.

В конечном итоге главное было — выяснить как можно больше сведений об устройстве звездолета. Кто знает, пусть не сейчас, а хотя бы через полгода они смогут разобраться и в том, как его строители осуществляли связь, сумеют все-таки дать сигнал на Землю. Для этого стоило пожертвовать многим.

...Три пилота медленно вошли в ангар. Взобравшись на эстакаду, постояли возле корабля. Металлическая сигара сейчас была вовсе не похожа на ту, какой ее втянули сюда автоматы всего несколько дней назад. Появились два новых люка. Основная ступень накрепко приварена к первой — теперь не было никакой возможности отбросить ее в полете... Какие-то гребни украшали среднюю часть ракеты. Такие же они видели и на оболочке чужого корабля, ставшего теперь их домом. Зачем они нужны?

Сенцов легко коснулся, словно погладил, шероховатой оболочки ракеты. Вручную закрыли люк, так и оставшийся открытым с самого дня нападения. Потом молча слезли с эстакады и отошли в дальний угол зала. Сенцов послал Азарова передать ученым, что можно начинать.

Прошло несколько минут. Внезапно в зале раздалось легкое гудение, на стенах загорелись, замигали сотни лампочек. Их переключка становилась все быстрее, наконец, лампы стали вспыхивать и гаснуть с такой быстротой, что зарило в глазах.

Оба ожидали: вот-вот ракета сорвется с места, поползет вверх по эстакаде... Но лампочки внезапно погасли.

Прошло еще несколько минут. Все началось сначала — и опять без видимого результата. Снова наступил перерыв, он тянулся, казалось, бесконечно. Сенцов уже собрался пройти в кибернетический центр и поинтересоваться: долго ли еще ученые-исследователи намерены развлекаться, не лучше ли сразу признать, что их опыт не удался, предположения не подтвердились?..

В этот момент переключка огоньков началась в третий раз, и Сенцов решил подождать до очередного перерыва. Но лампочки не угасали, мигание их слилось в один световой кипящий вихрь, и, наконец, Сенцов и Коробов увидели, как тяжелое тело ракеты начало медленно, едва уловимо всплывать над эстакадой... Оно повисло в воздухе на расстоянии нескольких сантиметров над поверхностью вогнутого лотка, на котором до этого лежало. Это выглядело странным и сверхъестественным.

— Сейчас они ее... — сказал Коробов.

Сенцов замахал рукой, словно требуя полнейшей тишины. Глухо загудело где-то совсем рядом, за стеной. Задрожал

пол. По нему чуть заметно заскользили струйки пыли, они текли в двух направлениях — к углам зала. Сенцов понял, что заработали компрессоры, откачивая воздух из ангара.

— Да, они правы... — пробормотал он.

Внезапно оба космонавта вздрогнули. В ангаре раздался могучий рев. Стихнув, он повторился еще и еще... Вспыхнул под потолком большой красный глаз, его прерывистый свет казался гневным. Вой сирены все усиливался.

— Ясно! — прокричал Коробов. — Нам придется выйти... Очевидно, по требованиям безопасности присутствие кого-либо в ангаре во время запуска не разрешается...

Они быстро пошли к двери, открыли, выскочили в коридор. Пока опускалась дверь, Сенцов бросил последний взгляд на корабль — он все так же висел над эстакадой... Дверь опустилась, и тотчас же сильная дрожь прошла по стенам, потолку — и все стихло, только глухое гудение компрессоров доносилось из-за стены. Коробов попробовал открыть дверь, она не поддавалась. К ним подошли остальные трое. Молча остановились, стали ждать.

Дверь открылась минут через пять. В ангаре все осталось по-прежнему. Только эстакада опустела.

— Да... — сказал Сенцов после минутного молчания. — Ну что ж, прощай... — И было непонятно, относились ли эти слова к исчезнувшему навсегда кораблю, или к надежде смонтировать передатчик, или ко всему вместе...

— Далеко она не уйдет, — сказал Азаров. — Двигатели-то не включаются...

— Станет спутником Марса, — подтвердил Раин. — Когда-нибудь мы ее выловим...

— Ну, пошли, — позвал Сенцов, и все вернулись в ракету. Сбросили скафандры, собрались в кают-компанию.

— Что будем делать? — спросил Сенцов.

Все молчали. Из ракеты не сегодня-завтра придется уходить. Надежды собрать передатчик не осталось. Может быть, конечно, со временем что-нибудь и придумается, но сейчас ломать голову было бесполезно.

— Ну что ж, — сказал Сенцов. — Во всяком случае, открытия нами сделаны первостепенного значения. И то, что это звездолет. И относительно Фобоса. Я думаю, что — как бы там ни было — нам надо записать все, что мы видели. Рано или поздно наши записи найдут... Может быть, именно наверху мы найдем возможность связаться с Землей, хотя бы используя какой-нибудь мощный источник света. Не может же быть, чтобы на звездолете не было такого устройства. Световые сигналы, возможно, заметят с Земли. Пока ясно одно: здесь, в ракете, оставаться нельзя.

Остальные понуро слушали его, никто не говорил ни слова. После паузы Раин преувеличенно-бодро сказал:

— Писать так писать... Что именно мы запишем?

— Напишем, как нам это все представляется, — сказал Сенцов. — Вот как ты сам представляешь себе случившееся?

— Как я себе представляю? — задумчиво переспросил Раин.

Много лет назад от созвездия Дракона по направлению к солнечной системе шел звездолет.

На борту его, кроме экипажа, были тысячи колонистов — они летели заселять новые планеты, выдвигать все дальше во вселенную форпосты Разума.

Размеренно работали двигатели. Звездолет шел на скорости, близкой к световой, но на борту его размеренно текла жизнь, велись наблюдения, исследования. Приближался решающий момент — уже неподалеку была желтая звезда, вокруг которой, как установили астрономы, обращалось несколько планет.

В вычисления астрономов вкралась неточность. Уже в фазе торможения звездолет сблизился с крупнейшей планетой солнечной системы — Юпитером. Притяжение этого гиганта начало искривлять путь корабля. Пришлось усилить торможение, чтобы искривление не стало гибельным для всех живых, находившихся на его борту.

Им удалось избежать гибели. Но двигатели не выдержали, режим работы их был нарушен. Пройдя орбиту Юпитера, звездолет оказался вынужденным окончательно затормозиться у следующей по направлению к Солнцу планеты и лечь на круговую орбиту.

Были сделаны попытки восстановить двигатель. Они не увенчались успехом. Космонавты вызвали помощь с родной планеты.

Помощь могла прийти через годы... А пока, используя находившиеся на борту звездолета ракеты, экипаж начал исследование трех планет, которые могли оказаться пригодными для колонизации. За эти годы пришельцы побывали на Марсе, на Земле, на Венере.

Помощь пришла. Но и тогда им, видимо, не удалось восстановить испорченные двигатели. Потерпевший аварию звездолет пришлось оставить здесь, возле Марса.

Хотя ни одна из трех обследованных планет не годилась, по мнению пришельцев, для колонизации, но продолжать их изучение и детальное обследование стоило. Используя оставленную станцию, пришельцы в любой момент могли снова посетить солнечную систему. Пока же они занялись поисками пригодных для колонизации планет в других ближайших звездных системах...

— Ну, конечно, многовато фантазии, — сказал Сенцов. — Но в общем так оно, возможно, и было...

— Интересно, почему эта ракета не ушла вместе с остальными? — спросил Коробов.

— Вряд ли такое путешествие, как у них, могло обойтись без жертв, — ответил Раин. — Очевидно, для этой ракеты просто не хватило экипажа.

Все на миг умолкли.

— Впрочем, может быть и другое объяснение, — сказал Раин. — Они оставили одну ракету на случай своего возвращения, чтобы можно было посетить планеты снова.

— А почему они не смогли колонизировать эти планеты?

— Мы можем сделать некоторые выводы на основании анализа условий, существующих в звездолете. Содержание

кислорода здесь, в атмосфере, значительно больше, чем у нас. На Марсе кислорода и того меньше, на Венере, очевидно, тоже... Возможно, были и другие причины...

— Так, — сказал Сенцов. — Вопросы еще будут? Нет? Добро... А теперь — за работу.

— Послушайте, — торопливо проговорил Калве. — Но ведь это... Нельзя же, чтобы на Земле не узнали об этом еще годы. Мы обязаны использовать все возможности. Мы теперь знаем, как стартуют ракеты...

— То-то вы возились чуть ли не полчаса!

— Мы не сразу разобрались... Оказывается, поворота переключателя недостаточно. Там есть еще стартовая кнопка, ее надо нажать. Разобраться можно... Почему же мы не рискнем? Оставим записи здесь, а сами пустимся на этой ракете...

— И я бы рискнул, — поддержал Азаров.

— Рисковать не будем, — холодно ответил Сенцов. — Голосовать тоже. Будем делать так, как я сказал. Все равно наши сюда прилетят.

— Конечно, прилетят! — сказал Коробов. — Вон какие ребята остались на Земле: Низов, Крамер, Рудик...

— Да, это надежные ребята, — сказал Сенцов. — Добавь к ним Иванова и Вольского — вот и готовый экипаж...

— Нельзя в такой экипаж Вольского, — перебил его Раин. — Астроном он хороший, но сдержанности у него мало. Его надо в такой экипаж, где будет, кому его сдерживать. К Улугбекову, например. Улугбеков, Вернер, Самохин, Ильин и Вольский — вот это будет первоклассный экипаж.

— С Низовым может лететь Бочаров, — сказал Сенцов. — Хотя он сам в скором времени может получить корабль. Страшно способный парень... Дзенис — вот кто может лететь с Низовым. Отличный пилот...

Так прощались они с теми, кто остался на Земле, у кого впереди была еще долгая жизнь, много миллионов километров и — как знать, — может быть, даже световых лет пути...

— А вы говорите — лететь... — сказал Сенцов. — Из ваших же слов следует, что все улететь не смогут: кому-то придется остаться, нажать стартовую кнопку...

— Так то — для автоматических ракет, — сказал Калве.

— А для неавтоматических?

— По логике ракеты с экипажем должны стартовать после сигнала с самой ракеты. В ней тоже должна быть стартовая кнопка.

— Иди проверь, — усмехнулся Сенцов.

— Может, ты сам сходишь проверишь? — сказал Раин. — Я устал...

— Это куда же? — спросил Сенцов. — В кибернетический центр?

— Зачем в центр? В рубку...

— Куда? — прошептал Сенцов.

— Я говорю — в рубку, — сказал Раин.

— Он говорит — в рубку, — подтвердил Калве.

Сенцов минуту недоверчиво смотрел на них, затем яростно пробормотал что-то и выскочил из каюты. Коробов и Азаров кинулись за ним. Раин и Калве неторопливо пошли следом.

Приближаясь к проклятой прозрачной перегородке, Сенцов невольно замедлил шаг и протянул руку. Но обогнавший его Коробов как ни в чем не бывало прошел дальше...

Перегородка исчезла.

— Как? — спросил коротко Сенцов.

— Переключатель... — ответил подоспевший Раин.

Дверь в рубку открылась легко. Все пятеро, теснясь в дверях, заглянули в нее.

Как и в центральном посту звездолета, здесь вдоль стен тянулись диваны, а посредине стоял пульт — такой же, как в кибернетическом центре, только гораздо меньше. Очень мало приборов, и никаких органов управления, только круглый экран со стрелкой и две большие, выпуклые кнопки — красная и белая.

— Что за черт, — сказал Сенцов. — Ни одного рычага...

Раин между тем осмотрел экран.

— Да, — сказал он Калве. — Нет сомнения — они связаны. Огоньки здесь точно так же расположены, как и на экране кибернетического поста.

— И стрелка в таком же положении, — кивнул Калве.

— Тебе ясно? — спросил Раин, обращаясь к Сенцову. — Перегородка блокировала рубку, пока поворотом переключателя мы не назначили ракету к вылету. Теперь остальное ваше дело, товарищи пилоты.

Сенцов все еще растерянно осматривался вокруг: может, это совсем не космический корабль? Как мог кто-то лететь в ракете, где нет ни одного органа управления?

— Нет, — сказал он, — на таком корабле далеко не улетишь. Я, во всяком случае, не рискну. Переключатель выключить, а то что-нибудь еще стрясется...

— Но мы же проверили схемы... — умоляюще сказал Калве.

— Нет, — сказал Сенцов. — Нет.

Наступило молчание. Все смотрели на командира.

— Категорически? — хмуро спросил Азаров.

— Категорически. Я доверяю автоматике, но не до такой степени... Раз нельзя управлять или хотя бы задать программу — значит, нельзя и лететь. Если мы даже вылетим, то неизбежно затеряемся в пространстве. Ну, кто мне объяснит, как тут рули-то включаются? А двигатель?!

— Ну что ж, — спокойно сказал Раин. — Выключим...

16

И опять — какую же ночь? — Сенцову не спалось. Завтра предстояло покинуть ракету — так он решил, а он ведь при любых условиях оставался командиром.

Будь эта ракета построена людьми, он бы рискнул. Один человек всегда в конце концов разберется в том, что придумал другой. Но эту ракету строили не люди, а существа

иного порядка. А тут все имело огромное значение: быстрота их реакции, физические возможности... Кто его знает — может быть, у них управление кораблем на биотоках? Вылететь и болтаться в пустоте до конца дней — нет, уж лучше ждать здесь.

Но ждать здесь — значит не предупредить Землю, товарищей. Но Калве так и не дал обещанных доказательств того, что пришельцы были подобны людям. Внешнего сходства мало. На Земле все люди в общем похожи друг на друга, а в то же время... Слишком много неизвестных в этой задаче...

...Все-таки он незаметно уснул, забылся. Сквозь сон Сенцову показалось, будто кто-то зовет его. С трудом он приподнял голову, но, сколько ни вслушивался, ни одного шороха не слышалось в каюте. Во всей ракете царила мертвая, космическая тишина.

И все-таки было такое ощущение, что зов ему не почувчился.

Сенцов поднялся и вышел из каюты, чтобы походить по коридору, успокоиться. Длинный, ровно освещенный, пустынный коридор уже несколько раз помогал ему сосредоточиться, прийти в себя, овладеть мыслями.

Правильно ли решает он, командир? Не рано ли сдастся?

Правильно, решил он еще раз. И больше об этом думать не стоит. Завтра перейти в оранжерею, где есть кислород, может быть, даже и растения удастся использовать для еды. Все.

Он снова вернулся в каюту, улегся на диван. Дремота все ближе подступала к нему, и вдруг он снова услышал чей-то голос.

Да, это был тот же самый голос... Женский — низкий, чуть вибрирующий, полный какой-то мягкой теплоты... Он легко и мелодично произносил непонятные слова, и казалось — женщина чем-то взволнована, настойчиво просит о чем-то дорогом, очень важном... Или же она что-то объясняет ему? Голос иногда повышался, дрожал и снова ласкал слух бодрими, радостными переливами...

И тогда Сенцов сразу вспомнил, что в тот момент, когда впервые он услышал голос, ему снился сон. Женщина снилась ему, стройная и красивая. Он не мог сейчас припомнить ее лица, но голос ее он узнал, и интонацию тоже. И так же, как во сне, он не понимал ее слов, но чувствовал теплоту и нежность, которыми этот голос был пропитан.

Голос умолк, оборвавшись на полуслове, и тогда Сенцов, окончательно понявший, что слышит его вовсе не во сне, стал лихорадочно соображать — откуда же он мог возникнуть? Это не галлюцинация: женщина действительно говорила где-то совсем рядом, здесь, в каюте...

Вскочив, он начал тщательно обыскивать каюту. Открывал стенные шкафы, исследовал весь, до последнего дециметра, пол — и ничего не нашел. И только в самом углу, над ложем, на уровне головы лежавшего человека обнаружил маленькую дверцу, не замеченную им раньше.

За ней оказался миниатюрный аппарат, из него торчала пластинка, покрытая сложным, неправильной формы узором. Очевидно, здесь было записано последнее пожелание женщины уходящему вдаль любимому человеку, и бывший хозяин каюты слушал его перед сном...

Почему, уходя, он не взял письма? Таких вещей не забывают. Просто потому, что они торопились, или была и другая причина?

Возможно, командир корабля — каюта эта, ближайшая к рубке, принадлежала, наверное, ему — погиб еще раньше. Не случайно ведь ракета осталась в спутнике.

Сенцов от души пожалел женщину с удивительным голосом, которая никогда не дожидется обратно любимого. Да и сама она, наверное, давно ушла из жизни — сколько времени утекло... Впрочем, может быть, там, на их планете, живут долго?

И вдруг — впервые с такой отчетливостью — его охватило чувство, что построившие этот звездолет и ракету были такими же, как люди. Они так же любили, а значит, так же ненавидели, так же страдали, так же радовались и так же мыслили, и поэтому никакого бессознательного зла не могло быть скрыто в их технике...

И еще он понял, что возможность выбраться отсюда все же существует и они ее со временем обязательно найдут!

— Спасибо, милая, — сказал он женщине и поклонился в ту сторону, где стоял аппарат. Он сказал это так сердечно, словно его благодарность могла долететь до нее. Но — кто знает? — может, каждое, даже самое тихое слово благодарности и любви не теряется в пространстве и всегда достигает того, кому оно послано, летя со скоростью, о какой еще ничего не знает теория относительности?

Потом он вынул пластинку из аппарата, чтобы голос не звучал зря: только в трудные минуты следовало слушать его... Он подумал, что непременно возьмет ее с собой на Землю.

Затем он вышел из ракеты. Уровень радиации продолжал возрастать. Медлить было нельзя.

Он пошел будить остальных. Вскоре все были в сборе. Сенцову не пришлось долго объяснять положение.

— Ну что ж, присядем как полагается... — сказал Сенцов, — и все сели на минуту. Все уже было собрано, все готово к уходу наверх, в оранжерею.

Сенцов оглядел друзей.

Они уже принадлежали истории — пять человек, сидевшие в чужой каюте.

Они принадлежали истории, как первые люди, встретившиеся с иной цивилизацией. Но даже если бы этого не было — а на Земле ведь об этом пока ничего не знали, — они равно принадлежали истории, как люди, погибшие вне Земли, при штурме Пространства. Еще живые, они были погребены под невообразимой толщей отделявших их от родной планеты просторов, которые когда-нибудь покажутся совсем не страшными.

И все же, подумалось Сенцову, они не капитулировавшая армия, а отдыхающие между боями солдаты.

Отдыхали бойцы... И, как обычно бывает на привалах, кто-то тихонько принялся напевать песню.

Едва разобрав напев, Сенцов подхватил ее — так же негромко, потому что песня эта была из тех, какие поются не звучными и хорошо поставленными голосами, а тихо, чуть, может быть, неправильно и хрипловато, с тем трудно определенным качеством, которое по-русски называется задушевностью, и не могут его заменить никакая школа и даже талант.

Это была песня, родившаяся в незабываемые и неповторимые тридцатые годы, — такие далекие и такие близкие сейчас им; песня, в которой как бы сконцентрировалась вся романтика того сурового, вооруженного времени...

В ней пелось о двух друзьях, которые служили в одном полку — «пой песню, пой...» (пой, что бы там ни было: не тебе одному пришлось нелегко! — так понимал сейчас Сенцов эти слова), — и, несмотря на разницу характеров, они дружили настоящей дружбой (тут в песню вступили Коробов и Азаров: кому, как не им, летчикам, было знать цену настоящей дружбе!)

Земная песня звучала в призрачно, неправдоподобно освещенной каюте. И так неистово захотелось каждому еще хоть на час увидеть Землю — родную, суровую и прекрасную.

И вдруг Сенцов поднялся во весь рост, глаза его сверкали.

— Ребята! — громко сказал он. — Мы все продумали, и иного выхода у нас нет. Только уходить... Лететь — безумие, мы даже не знаем, как включаются двигатели... Но мне почудилось... мне кажется — так ли уж необходимо нам все продумывать? Вы понимаете, ведь это все строили люди. Люди! Пусть они иначе себя называли, как бы они там ни выглядели... А ведь не может один человек в таком деле подвести другого! Лететь нельзя, потому что не умеем управлять ракетой. Но Земля ждет! И ведь они же летали! А может быть, и мы сможем? Может быть, здесь совсем и не надо управлять? У меня такое чувство, что разгадка где-то рядом, стоит только ее поискать как следует... Дело ведь не в наших пяти жизнях, черт их возьми совсем... Мы-то могли погибнуть и раньше... Но люди ждут нас! Если мы не вернемся, Земля прервет исследования, будут снова перепроверяться все расчеты и конструкции, уйдет время, может быть, годы... Мы должны вернуться!

— А ну, — в наступившей тишине сказал весело-лениво Коробов, придвигаясь к столу. — Ведь, по сути дела, дом у нас почти рядом, — он стремительно начертил на столе пальцем два концентрических круга. — Вот Марс, а вот Земля...

— А тут Венера, — иронически сказал Азаров и начертил третью концентрическую окружность, поближе к Солнцу. И тут же вздрогнул — так резко схватил его за руку вскрикнувший Раин.

— Ты что? — спросил Сенцов.

— Ничего... — сказал Раин. — Просто я идиот. Марс, Земля, Венера... А в центре что, я вас спрашиваю?

— По всем данным, Солнце, — буркнул Сенцов. — Ну и?..

— Так, — удовлетворенно кивнул Раин. — Прошу разрешения отлучиться на полчаса.

— Куда?

— Очень важно... Проверить одно соображение, — сказал Раин, роясь в грудe справочных катушек, захваченных ими из погибшей ракеты, и торопливо заправляя одну из них в магнитофон. — Одно соображение...

Он закрыл глаза, прислушиваясь к числам, которые равнодушно диктовал магнитофон, и делая быстрые расчеты на листке бумаги.

Потом просмотрел их и кивнул.

— Мы вдвоем с Калве... Одевайся, Лаймон, — он начал натягивать скафандр, от нетерпения не попадая в рукава. — И как только мы раньше не сообразили... Искали сложностей, а получается очень просто...

— Да в чем дело-то? — не выдержал Азаров. — Что за секреты?

— Узнаешь, дорогой, узнаешь, — сказал Раин. — Через полчаса мы вернемся. Захвати инвертор. Калве...

Пока трое в каюте ожидали их возвращения, не произнося ни слова и только переглядываясь, Раин и Калве миновали отсек с вычислителями и вошли в круглый зал. Раин торопливо подошел к экрану, склонился над ним, глухо — только по голосу можно было понять, как он волнуется, — сказал:

— Дай-ка увеличение...

Калве включил. Несколько минут Раин напряженно всматривался, вода стрелкой по экрану, что-то считал, шевелил губами. Наконец он решительно поставил кончик стрелки точно на огонек среднего кольца.

— Замерь... — сказал он коротко.

Калве двинулся вдоль кабеля, медленно приблизился к двери, ведущей в секцию, сказал:

— Сигналы поступают...

— Так, — сказал Раин, выписывая новые цифры на листке бумаги. После этого он еще раз проверил положение стрелки. Кивнул головой. Выпрямился, весело блестя глазами: — Пошли...

Через десять минут они были уже в рубке ракеты. Три вопрошающих и полных надежды взгляда встретили их. Калве в ответ недоумевающе пожал плечами, покачал головой. Раин сразу направился к центральному пульту, несколько секунд глядел на него. Пригладив волосы, сухо сказал:

— Все мы — а я в самую первую очередь — заслуживаем единицы по сообразительности и логике. Я никак не мог разобраться в значении пульта на кибернетическом посту. Калве тоже. Но это оказалось не по его части... Если бы кто-нибудь из моих ассистентов на кафедре не знал, что

Земля обращается вокруг Солнца, — это было бы меньшим грехом... На пульте обозначены — и мы давно должны были догадаться — орбиты трех планет: Марса, Земли, Венеры. Вот они, кольца с огоньками. А огонек в центре.

— Солнце! — сказал Калве, улыбнувшись, как будто он уже увидел настоящее, земное солнце — не пылающий, косматый шар, каким они видели его из ракеты сквозь светофильтры, а золотистое, ласковое земное светило, сияющее на голубом небе...

— Солнце, — повторил Раин. — Но дело не в этом — сам факт этот еще ничего не значит... (Сенцов кивнул головой.) — Стрелка на пульте может находиться на уровне любой из трех орбит. Причем это не схема: огоньки перемещаются, они дают действительное положение планет на орбитах в данную минуту — это я специально проверил по справочникам. Страшная удача, что нам удалось их спасти... И вот, устанавливая стрелку в положение, когда острие указывает, скажем, на Землю, мы даем задание кибернетическому центру, который тут же начинает вырабатывать программу полета...

— Стоп! — прервал Сенцов. — А вы в этом уверены?

— Вероятность ошибки невелика, — ответил Калве. — Я не допускаю, что мы могли ошибиться. Я исследовал очень тщательно. И убежден в том, что правильно понял общие принципы...

— И что же? — спросил Сенцов.

— Программа передается в киберустройство ракеты, — сказал Калве. — Импульсы уходят по кабелю. Мы проследили — он идет сюда. Машина, как можно заключить, вычисляет и задает ракете оптимальный режим полета на данную планету применительно к сегодняшнему положению планет на орбитах.

— Видите, — вставил Раин, — в каком положении стоят сейчас огоньки? В таком же, как и в кибернетическом посту. Это может означать только, что ракета сейчас подключена к большой машине...

— А какой именно ракете эта программа передается, — заключил Калве, — определяется переключателем. Одновременно может стартовать только одна ракета.

— Ясно! — торопливо сказал Азаров. — Значит, своими ракетами они действительно не управляли. С начала до конца корабль ведут автоматы.

— Это просто руководство для программирующего устройства, — сказал Калве. — Для удобства оно выполнено в виде планетной карты.

— А почему только для трех планет? — спросил Коровов.

— Не обязательно... Когда-то в этот пульт были заложены и другие схемы. Помните, мы видели на экране...

— Программа... — сказал Сенцов. — А если вылет задерживается?

— Вычислитель ракеты должен постоянно вносить в нее поправки, — ответил Калве. — Интересно будет разобраться в его устройстве...

— Ну, а как же все-таки стартовать?

— Вот кнопки — такие же, как в кибернетическом посту. Там старт давался белой кнопкой. Дело человека только дать разрешающий импульс в машину. Дальше она ведет корабль сама...

— Что ж, — сказал Коробов. — У велосипеда есть педали, у автомобиля нет. Но никто не отказывается ездить на автомобиле из-за того, что у него нет педалей...

— Вот, значит, как получается... — сказал Сенцов. — Просто кнопка... Нажать — и лететь...

— Лететь! — как эхо, повторил Азаров.

— Лететь, — спокойно согласился Коробов.

— Лететь, — сказал Раин и усмехнулся.

— Лететь так лететь, — безмятежно проговорил Калве. — Так я пойду разложу вещи...

— Слушайте! — вдруг громко воскликнул Азаров, вспомнив в этот миг две такие же манящие пусковые кнопки, которые властно притягивали его руку, когда осматривал он командный пункт в ходовой рубке звездолета. — Слушайте, а что, если нам лететь прямо на нем?..

Он взмахнул руками, пытаясь пояснить свою мысль.

— На чем? — переспросил Сенцов.

— Да прямо на звездолете! Если наши гении разобрались, как запустить чужую ракету, то и с управлением всем звездолетом справятся.

Все переглянулись.

— Вот это был бы подарок для Земли! — восторженно сказал Коробов.

Сенцова тоже захватила дерзкая мысль Азарова, но лишь на мгновение. Тут же он поспешил охладить пыл товарищей.

— Ничего не выйдет. Если они бросили здесь свой звездолет, то, значит, он совершенно неисправен. И, вероятно, выведены из строя его двигатели, отсюда и повышенная радиация, которую Азаров выпустил на свободу, по неосторожности сунувшись в машинный отсек. Помнится, ты говорил, что там одна из дверей была даже не закрыта?

Сразу помрачневший Азаров молча виновато кивнул.

— Значит, там серьезные повреждения, и хозяева в спешке покидали корабль. И если уж сами создатели этого звездолета не надеялись его отремонтировать, то нам и мечтать об этом смешно.

— Правильно, — поддержал его Раин. — Лучше, как говорится, синицу в руки, чем журавля в небе.

— А такая синица, как эта ракета, тоже подарок неплохой, — ободряюще добавил Коробов, хлопая Азарова по плечу.

— Ладно, пошли собираться! — решительно сказал Азаров и первым вышел из рубки. За ним последовали остальные. Сенцов остался один.

— Ну вот... — сказал он тихо. — Ты ведь не подведешь, правда?

Никто не мог бы услышать ответа. Но он, наверное, услышал, потому что улыбнулся взволнованно и радостно.

— Ну что же? — сказал Сенцов. — Так где у них сидел пилот? Здесь?

Он взглянул на стоявшее перед пультом большое кресло, приподнятое на что-то вроде пьедестала — под ним, наверное, находились противоперегрузочные устройства.

Составление программы полета было закончено. Об этом возвестил вспыхнувший полчаса назад на пульте огонек. Побывав в последний раз наверху, Калве установил, что машина выключилась. Зато за задней стеной рубки не умолкало чуть слышное гудение: кибернетическая машина ракеты продолжала работать, с каждой протекшей минутой внося в программу соответствующие изменения.

— Ну, — сказал Сенцов, — значит, решились. Я уверен, что мы не ошибемся: «Разум не может подвести другой Разум. Мы должны верить Разуму, хотя бы он и принадлежал другим существам...»

В рубку, вытирая пот с лица, вошел Коробов.

— Вроде бы приготовления закончены... — сказал он. — Вахту в полете будем нести?

— Поскольку Правилами предусмотрено, — ответил Сенцов.

— Кто первый?

Сенцов пожал плечами, давая понять, что считает вопрос лишним и даже не заслуживающим ответа.

— Тогда ты, может, отдохнешь? — спросил Коробов.

— А как же! — сказал Сенцов. — Обязательно... И еще как! В санатории! На Земле...

В последний раз осмотрели ангар, стоя в проеме люка. Коробов заметил внизу, почти под самой эстакадой, забытый кем-то кислородный баллон — один из служивших для питания скафандров, и весело усмехнулся: по опыту он знал, что стоит забыть что-нибудь на месте, тогда уж обязательно уедешь.

Потом все собрались на середине входного отсека. Раин вошел последним. Замигали лампочки, и стальные рычаги, распрямляясь, медленно вдавили втянутый кусок обшивки на место. Все меньше становилась светлая щель. Рычаги, дойдя до места, глухо лязгнули.

В коридоре освобождались от скафандров. Сенцов еще раз прошел по каютам, проверил, все ли закреплено как надо, чтобы не случилось чего-нибудь во время старта.

Медленно вошел в рубку. Двигаясь, как во сне, расселись по диванам. Тут всем стало по-настоящему страшно...

Сенцов остановился у пульта.

— Ну, так что же? Что скажешь, второй пилот?

— Интересно, — откликнулся Коробов, — каков все-таки этот новый способ передвижения в пространстве?

— Доберемся и до него, — сказал Раин. — Не исключено, что мы сможем наладить связь с ними. А со временем и встретиться.

— Да, — сказал Сенцов, — встретимся. В полном составе.

Он опустился в кресло перед пультом. На миг зажмурился. Потом нажал белую кнопку.

Низкий гул наполнил рубку. На пульте замигали разноцветные огоньки. По одному из экранов заструились светлые линии. Сначала редкие, они постепенно собирались во все более плотный пучок.

Рядом вспыхнул второй экран. На его зеленоватом фоне возник непонятный рисунок: несколько рубиново-красных цилиндров, каждый в нескольких местах перехватывали толстые спирали кабелей.

— Вы только посмотрите... — изумленно воскликнул Сенцов и потянулся за карандашом.

Внезапно блокнот, положенный Сенцовым на пульт, всплыл, повис в воздухе. Все почувствовали странную легкость, от которой успели уже отвыкнуть... Искусственная гравитация выключилась, диваны повернулись так, что их плоскость стала перпендикулярной оси корабля. Все торопливо улеглись, утонули в диванах. Стало легче дышать. Сенцов понял, что аппараты подают в рубку усиленную дозу кислорода.

— Ну вот, — сказал Коробов. — Даже не верится. Летим... И ведь придут времена, когда школьники станут путать эпохи и страшно удивляться, если учитель им скажет, что звездоплавание началось в двадцатом веке, а вовсе не в десятом, как думает ученик Петров, и что Джордано Бруно погубила инквизиция, а совсем не гравитация...

— Не забудут! — сказал Сенцов уверенно. — Ну, по местам!

Во все более нарастающем гуле ракета дрогнула и медленно заскользила вверх. Это были лишь первые сантиметры из тех миллионов километров пути, пройти которые ей предстояло, но они в каком-то отношении были самыми главными и самыми трудными.

Распахнулись, ушли в стороны стены. Ускоряя ход, ракета проскочила шлюз. Рубку обняла темнота, в прозрачном куполе мелькнули ребра эстакады — и, выброшенная мощным магнитным полем, ракета скользнула в пространство.

— Летим! — ликующе крикнул Азаров и чуть не прикусил язык.

Кругом загремело сильно и мелодично, будто сама гармония небесных сфер, о которой писали древние, снизошла на головы экипажа. Диваны прогнулись, тела налились тяжестью... Это включились двигатели, разгоняя ракету.

— Похожи на обыкновенные, химические... — сквозь зубы проговорил Коробов.

Сенцов не ответил. Втиснутый в кресло, он напряженно смотрел на экран с красными цилиндрами, словно чего-то ждал. Ускорение возрастало, в глазах темнело.

Сенцов подумал, что надо было лечь на диван... Но внезапно гул оборвался. Ускорение исчезло. Все одновременно подняли головы. Калве сказал Раину:

— Страшно было...

— Еще будет, — сказал Раин. — Но, как сказал один старинный писатель, это совсем другая история...

Сенцов увидел, как из одного рубинового цилиндра на экране вырвался ослепительный, узкий луч света. Выбросил луч еще один цилиндр, еще...

— Фотонный! На квантовых генераторах! — крикнул Сенцов, откидываясь в кресле.

Ослепительный, хотя и притушенный фильтрами, свет бушевал теперь на экране. Снова прогнулись диваны, на шкалах приборов рванулись вверх красные полосы... В полной тишине главный двигатель корабля набирал ход.

— Следующая остановка — Земля! — торжественно сказал Сенцов. — Он не станет садиться на Лунную базу, ему это незачем. Интересно, где он приземлится?

Глядя на один из экранов, где, стремительно удаляясь, уменьшался шар Марса и совсем уже неразличимым казался только что покинутый ими звездолет, Раин сказал:

— Похоже, лететь будем считанные дни... Это тебе не полет по орбитальной траектории. Он летит по траектории светового луча! Примерно, конечно.

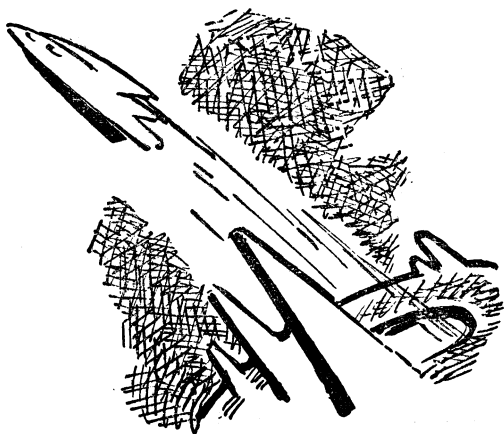
— Недаром он так и выглядит! — ответил Сенцов. — Что ж, по сути дела, надо бы уже начинать готовиться к посадке...

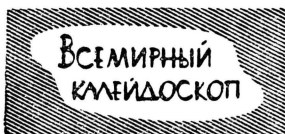
— Я все-таки хотел бы разобраться в этом кибернетическом устройстве, — пробормотал Калве и покосился на Сенцова.

— Стоп! — сказал Сенцов, всем телом радостно ощущая, как плавно все быстрее и быстрее разгоняется корабль. — Я вам разберусь! Вы не думайте, что коли корабль чужой, на нем правила недействительны. Корабль теперь наш!

И, усмехнувшись, добавил:

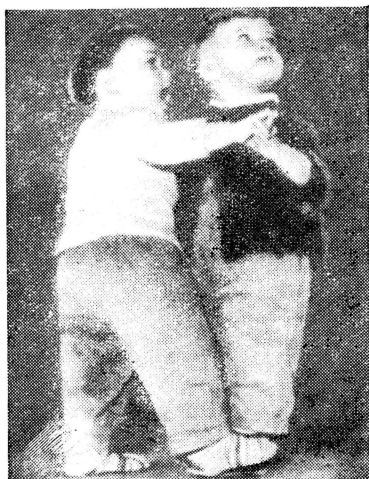
— Нарушать работу автоматов в рейсе запрещено правилами. Без Особой Необходимости...

ВО ИЗБЕЖАНИЕ НЕСЧАСТЬЯ

Отныне пешеходам, возвращающимся ночью домой по слабоосвещенным улицам Гамбурга, предписано вешать на спину металлический кружок-рефлектор, который может отражать лучи фар идущего сзади автомобиля. Полиция Гамбурга полагает, что благодаря новому «правилу уличного движения» удастся значительно сократить число несчастных случаев в ночном городе.

ЖЕРТВЫ РЕКЛАМЫ

В честь 25-летия со дня основания Ассоциации детских садов в Дании состоялось большое празднество. Его организаторы, вероятно, долго думали над тем, как бы прославиться и создать рекламу ассоциации.

И «придумали»... «Гвоздем» программы эстрадных выступлений воспитанников детских садов был рок-н-ролл в исполнении двухлетних малышей.

ПТИЦЫ- ИММИГРАНТЫ

В Швейцарии поселились новые иммигранты. Они приехали из разных стран, чтобы помочь... в борьбе с грызунами.

Натуралисты страны пришли к выводу, что химические средства, применявшиеся здесь для борьбы с грызунами, не дают нужных результатов. Но грызуны, как известно, — «лакомое блюдо» сов. Новый метод был успешно испытан на опытных участках. Теперь колонии сов в Швейцарии создаются во всех районах распространения грызунов.

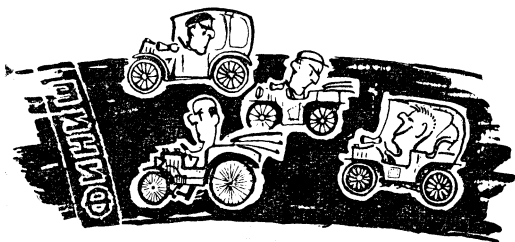
„ДАВАЙ, ТОРМОЗИ!“

Идут традиционные соревнования автогонщиков, учрежденные парижской газетой «Либерасьон». На трассе — автомобили старых марок. Они еле ползут. А болельщики азартно кричат: «Давай, давай, тормози!»

Но нельзя же совсем остановиться...

Первое место в соревновании занимает гонщик, который миновал заданную дистанцию — 660 метров — за 1 час 50 минут и 8 секунд. Все остальные участники соревнований не смогли выдержать «темп» и пришли к финишу раньше...

Такие «гонки» собирают во Франции немало зрителей.

ОГЕНРИ

Рисунки О. Генри

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПАРИКМАХЕРА

Когда репортер «Почты» вошел вчера в парикмахерскую, все стулья были заняты ожидающими, и на мгновение у него блеснула надежда, что он сможет избежать пытки.

Но взгляд парикмахера, мрачный и злобный, устремился прямо на него.

— Ваша очередь следующая, — сказал он с сатанинско-злой усмешкой, и репортер в безнадежном отчаянии опустился на жесткий табурет, привинченный к стене.

Через несколько секунд раздался треск, потом грохот, и клиент, над которым парикмахер закончил операцию, вылетел из кресла и бросился вон из салона, преследуемый негром, злобно тыкавшим в него платяной щеткой, из которой предательски торчали деревянные шпательки и гвозди.

Репортер кинул последний долгий взгляд на солнечный свет, булавкой пришил к галстуку записку со своим адресом на случай, если свершится худшее, и уселся в кресло.

В ответ на суровый вопрос парикмахера он сообщил, что

11 сентября 1962 года исполнилось сто лет со дня рождения известного американского писателя О'Генри.

Вильям Сидни Портер (О'Генри — псевдоним писателя) прожил короткую, но трудную жизнь — беспрестанные поиски работы, вынужденное скитание в Гондурасе, годы тюрьмы — расплата за доверчивость, одинокая жизнь в Нью-Йорке... И, несмотря на это, через всю жизнь он пронес любовь к людям и веру в них.

Мариэтта Шагинян писала о рассказах О'Генри: «Главная их прелесть — это вера в нравственную мощь своего народа. Помраченная, но неисчезнувшая человечность светится читателю в каждом из его героев; и что особенно дорого, симпатия к этим людям вызывается в вас не авторским состраданием, а любовью и уважением автора к своему народу».

Нам, сегодняшним читателям О'Генри, хочется присоединиться к этим написанным давно строкам и сказать: спасибо писателю за добрые, искрящиеся смехом, человечные рассказы!

В этом номере «Искателя» печатается малоизвестный рассказ О'Генри, взятый из журнала «Интернациональная литература» 1940 года.

стричься не собирается, но его слова были встречены взглядом недоверия и презрения.

Кресло взметнулось и застыло в наклонном положении; парикмахер взбил мыльную пену, и по мере того, как смертоносная кисть последовательно лишала репортера зрения, обоняния и слуха, он погружался в оцепенение; из этого состояния его вывел громкий лязг стального инструмента, которым парикмахер соскребал с него пену, тут же вытирая лезвие о его пиджак.

— Нынче у нас все разъезжают на велосипедах, — сказал парикмахер, — и не так-то легко будет нашим светским бездельникам бахва-

литься, будто этот вид спорта только для них. Сами подумайте, ведь вы никому не можете запретить кататься на велосипеде, а улицы — они для всех.

Я вот и сам считаю, что это неплохое занятие, и оно с каждым днем прививается все больше и больше. Пройдет совсем немного времени, и езда на велосипеде станет таким обычным делом, что какая-нибудь дамочка верхом на такой штуке будет обращать на себя не больше внимания, чем когда она просто прогуливается. И это хорошая гимнастика для дам, можно даже примириться с тем, что они, сидя на велосипеде, выглядят точь-в-точь как мешок, набитый дерущимися котами и перекинутый через бельевую веревку.

А каким только пыткам они себя не подвергают, чтобы стать похожими на мужчин! Почему это, если женщина хочет заниматься спортом, она непременно должна придать себе залихватский вид? Если бы я вам только рассказал, какую штуку со мной выкинула одна девчонка, вы бы просто не поверили!

Тут парикмахер бросил такой взгляд на репортера, что тот, с нечеловеческим усилием вынырнул из мыльной пены, поспешил убедить мастера в готовности верить каждому его слову.

— Как-то прислали за мной, — продолжал парикмахер, — чтобы я пришел на Мак-Кини-авеню и захватил с собой бритву и прибор. Пошел я. Подхожу к дому. Вижу — красивая молодая леди катается около ворот на велосипеде. На ней короткая юбка, гетры и куртка мужского покроя.

Подошел я к подъезду, постучал. Меня провели в комнату. Через несколько минут входит эта самая леди и усаживается на стул, а за ней следом входит пожилая дама, должно быть ее мамаша.

— Побрейте меня, — говорит девица, — два раза, начисто.

Я просто обомлел. Но все же разложил свой прибор. Ясно было, что эта девица командует всем домом. Старуха мне потом сказала шепотом, что ее дочка верховодит девицами, которые стоят за раскрепощение женщин, и что она решила отпустить усы и таким образом заткнуть за пояс всех своих подруг.

Так вот, прислонилась она к спинке стула и закрыла глаза. Я окунул кисточку в пену и провел по ее верхней губе. Тут она как вскочит со стула да как уставится на меня.

— Как вы смеете оскорблять меня? — кричит. — Вон из моего дома немедленно!

Я прямо остолбенел. Потом подумал, что, может быть, она немного не в себе, собрал свои инструменты и направился к двери. Но тут ко мне вернулось присутствие духа, и я сказал:

— Честное слово, мисс, я ничего обидного вам не сделал. Я всегда веду себя как джентльмен, когда это уместно. Чем же я вас, позвольте узнать, оскорбил?

— Что я, абсолютная дура, по-вашему, и не могу распознать, когда меня целует мужчина?

— Ну, что вы на это скажете? — спросил парикмахер, большим пальцем старательно засовывая в рот репортера унцию мыльной пены.

— Да, такой истории трудно поверить, — сказал репортер, призвав на помощь все свое мужество.

Парикмахер прекратил бритье и вперил в свою жертву таковой свирепый взгляд, что репортер поспешил добавить:

— Но, разумеется, так оно и было.

— Так и было, — сказал парикмахер. — Я вовсе не прошу верить мне на слово. Я могу доказать это. Видите вон ту голубую чашку на полке — третью справа? Это та самая, которую я брал с собой в тот день. Надеюсь, теперь вы мне верите?

— Кстати о плешивых, — продолжал парикмахер, хотя никто ни словом не обмолвился о плешивых. — Мне вспоминается, какую шутку сыграл со мной один субъект вот здесь, в Хьюстоне. Вы знаете, что ничем на свете нельзя заставить расти волосы на лысой голове. Масса всяких средств продается для этого, но уж раз корни омертвели, их ничем не оживишь. Как-то, прошлой осенью, заходит ко мне в парикмахерскую один человек и просит побрить его. Голова у него была совершенно лысая и гладкая, как тарелка. Все средства в мире не вырастили бы ни единого волоска на его голове. Я этого человека видел в первый раз, но он сказал мне, что держит огород на краю города. Так он приходил ко мне раза три бриться, а потом как-то попросил меня порекомендовать ему какое-нибудь средство для рощения волос.

Парикмахер потянулся рукой к полке и достал кусочек липкого пластыря. Потом ловко резанул репортера по подбородку и наклеил ему пластырь.

— Когда в парикмахерской просят средство для рощения волос, — продолжал он, — отказа в этом не бывает. Всегда можно приготовить смесь, которую человек будет втирать себе в голову, пока не обнаружит, что никакой пользы от нее нет. А тем временем он будет ходить к вам бриться.

Я сказал своему клиенту, что изобрел такой эликсир, который заставит расти волосы на самой плешивой голове, только запастись терпением и употреблять его продолжительное время.

Я сел, написал рецепт и сказал ему, что это средство он может заказать в аптеке, но рецепта никому не должен показывать, так как я собираюсь взять на эликсир патент и пустить его в продажу оптом.

Рецепт заключал в себе массу всякой безвредной дряни — виннокаменную соль, миндальное масло, тинктуру мирра, лавровишневые капли, розовое масло и прочую ерунду. Я писал все это наугад и через полчаса уже забыл, чего я там насочинил. Он взял рецепт, заплатил мне за него доллар и отправился в аптеку.

В течение недели он два раза приходил ко мне бриться и говорил, что употребляет мой эликсир самым добросовестным образом. Потом он куда-то пропал недели на две. И вдруг как-то вечером является, снимает шляпу, и я прямо чуть не свалился на пол, увидев у него на голове роскошную свежую поросль. Вся лысина была покрыта густо пробивающимися волосами, а какие-нибудь две недели тому назад голова у него была совершенно голая, как набалдашник у трости.

Он сказал мне, что страшно доволен моим эликсиром, да еще бы ему не быть довольным! Я стал его брить, а сам все стараюсь вспомнить, что это за рецепт я ему тогда сочинил, но не мог вспомнить и половины основных частей и дозировок. Я только одно знал, что случайно наткнулся на средство, которое действительно выращивает волосы, а еще я знал, что рецепт этот стоит миллионы долларов, стоит только пустить его в дело. Выращивать волосы на лысых головах, если это действительно возможно, это почище, чем разрабатывать какие-нибудь золотые прииски. Я решил во что бы то ни стало заполнить обратно свой рецепт. Когда он собрался уходить, я говорю ему будто бы между прочим:

— Ах да, мистер Плэнкет, я потерял свою записную книжку с рецептом этого моего эликсира, а мне к утру нужно приготовить несколько пузыречков. Если он у вас с собой — дайте я спишу его, пока вы здесь.

Вид у меня, наверное, был очень озабоченный, потому что он поглядел на меня молча, а потом расхохотался.

— Черта с два, — сказал он. — Так я и поверю, что у вас вообще есть этот рецепт. Я просто думаю, что вы наткнулись на это случайно и сами не помните, что вы такое прописали. Но я не такой дурак, как вам кажется. Это средство — целый капитал. И не маленький. Я намерен сохранить этот рецепт и, как только найду компаньона с деньгами, — пустить его в оборот.

Он повернулся, чтобы уйти, но я позвал его в заднюю комнату и добрых полчаса всячески уламывал.

Наконец мы договорились, что он вернет мне обратно рецепт за 250 долларов наличными. Я пошел в банк и взял деньги, которые откладывал на постройку дома. Он отдал мне рецепт и подписал бумажку, что отказывается от всяких прав на него. Кроме того, он согласился дать свидетельство, что с помощью этого средства он за две недели отрастил себе волосы.

Тут лицо парикмахера приобрело весьма зловещее выражение, он засунул пальцы репортеру за шиворот и так дернул воротничок, что разорвал петлю; запонка стукнулась об пол и покатилась за дверь на тротуар и дальше — в канаву.

— На другой же день я принялся за дело и представил мой эликсир к патенту в Вашингтоне, договорившись с большой аптекарской фирмой в Хьюстоне, что она пустит его в продажу. Я уже видел себя миллионером. Я снял комнату и там сам приготавливал свою смесь — я не хотел посвящать в это дело ни фармацевтов и никого другого, — а затем передавал ее в аптеку, где ее разливали по пузырькам и наклеивали этикетки. Я бросил работу в парикмахерской и занимался только эликсиром.

Мистер Плэнкет заходил ко мне еще два раза, и волосы у него по-прежнему великолепно росли. Вскоре я заготовил эликсира долларов на двести, и мистер Плэнкет обещал приехать в город в субботу и дать мне аттестат, чтобы я мог отпечатать его и выпустить афишки и проспекты, которыми я собирался наводнить страну.

В одиннадцать часов, в субботу, я поджидал его у себя в комнате, где приготавливал эликсир. И вот открывается дверь, и входит мистер Плэнкет в совершенном неистовстве и ярости.

— Полюбуйтесь-ка, — кричит он, — что наделал ваш проклятый эликсир! — Он снимает шляпу, и я вижу: голова у него блестит, совершенно гладкая и голая, как фарфоровое яичко. — Все выпали, — говорит он мрачно. — До самого вчерашнего утра росли так, что любо было смотреть, а потом вдруг начали выпадать, и сегодня утром я проснулся без единого волоска.

Я исследовал его голову и не обнаружил на ней даже признака волос.

— Какой прок от этого проклятого средства, — возмущался он, — если от него волосы только начинают расти, а потом сразу же выпадают.

— Ради бога, мистер Плэнкет, — говорю я. — Не рассказывайте никому об этом, умоляю вас. Или вы пустите меня по

миру. Я вложил все до последнего цента в этот эликсир, и я должен вернуть свои деньги. Ведь все-таки у вас от него начали расти волосы. Дайте мне аттестат, чтоб я хоть мог продать то, что заготовил. Вы уже заработали на мне 250 долларов и должны мне помочь.

Он рвал и метал, кричал, что его одурачили, грозился заявить, что это средство мошенническое и прочее, и прочее. Наконец мы договорились, что я заплачу еще сто долларов, а он выдаст мне аттестат, что мой эликсир обладает свойством выращивать волосы, и ни словом не заикнется, что они после выпадают. Если бы мне удалось продать то, что я заготовил, по доллару за пузырек, я бы вывернулся.

Я пошел, занял денег, заплатил ему, а он дал мне аттестат и ушел.

— Ну и что ж, удалось вам продать эликсир? — спросил репортер робко.

Парикмахер посмотрел на него с презрительной усмешкой и сказал тоном величайшего сарказма:

— О да, удалось. Мне удалось продать ровно пять бутылок, и покупатели после месяца прилежного употребления эликсира явились ко мне и потребовали деньги обратно. Ни у кого из них не выросло ни единого волоска.

— Как же вы объясняете, что у мистера Плэнкета отросли волосы? — спросил репортер.

— Как я это объясняю? Я вам скажу, как я это объясняю. Однажды я пошел туда, где жил мистер Плэнкет, и спросил, дома ли он.

— Какой Плэнкет? — спросил меня человек, который вышел к воротам.

— Плэнкет, который здесь живет.

— Они оба уехали, — говорит тот.

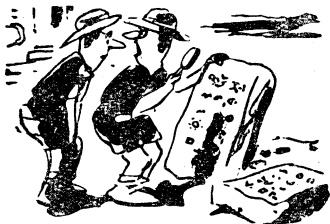
— Что значит — оба? — говорю я, а сам уже начинаю догадываться. — А скажите, как они выглядят, каковы они из себя, эти Плэнкеты?

— Похожи друг на друга, ну, прямо, как две капли воды, — отвечает тот. — Они, знаете, близнецы, и никто, бывало, их друг от друга не отличал ни по виду, ни по разговору. Одна только разница, что у одного голова лысая, точь-в-точь как куриное уйцо, а у другого шапка волос.

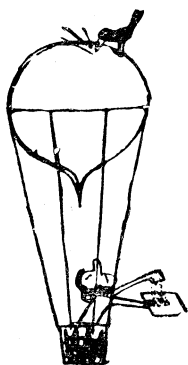
— Вот, — сказал парикмахер, плеснув розовой воды на манишку репортера. — Вот как я это объясняю. Сначала ко мне в парикмахерскую являлся лысый Плэнкет, а потом — тот, что с волосами. А я и не заметил подвоха.

Начинающий альпинист:
— Как быть?! Правила спуска
во втором томе...

— Терпеть не могу, когда
у меня читают через плечо!

— Цып, цып, цып...

Велёлая СТРАНИЧКА

Без слов...

СОДЕРЖАНИЕ

ЧУДЕСА XX ВЕКА	1
АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВ. Ничья земля	4
Ю. ШИШИНА, В. ДЬЯКОВ. Невидимые космонавты	58
Г. ГОЛУБЕВ. Говорит дневная звезда	68
ОНИ МЕЧТАЛИ О ПОКОРЕНИИ КОСМОСА	75
ВИКТОР СМИРНОВ. Портрет	91
Э. РОЗОВСКИЙ. В кадре — человек-амфибия	104
Лицом к лицу с опасностью	122
Снимки рассказывают	127
ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ. Особая необходимость	131
Всемирный калейдоскоп	150
О'ГЕНРИ. Приключения парикмахера	152
Веселая страничка	159

ЧИТАЙТЕ В „ИСКАТЕЛЕ“

...Они живут в палатках. Они на себе испытали, что такое песчаные бури. Они знают, что значит заблудиться в пустыне, остаться без капли воды. Целыми днями не выпускают они из рук скребков, удаляя пыль веков со стен древних храмов, откапывая, казалось бы, навечно исчезнувшие ценности.

Трудная и кропотливая работа у археологов. И все-таки каждую весну исследователей снова тянет в пустыню. В них живет настоящая страсть искателей — страница за страницей восстанавливают они историю Средней Азии.

О работе археологов Хорезмийской экспедиции и рассказывается в повести «Время в песках», которая будет печататься в «Искателе». Автор повести — М. Земская, молодой археолог, участник раскопок в древнем Хорезме.

Рисунок на 3-й стр. обложки сделан художником Б. Жутовским.

На 4-й стр. обложки — фото М. Редькина «Для большой химии» с выставки «Семилетка в действии».

Редакционная коллегия: И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, Л. Н. МИТРОХИН, Ю. А. ПОПКОВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ
Художник-оформитель А. ГУСЕВ

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Рукописи не возвращаются. Технический редактор И. Егорова.

Адрес редакции: Москва, А-30, Суцеская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 3-38.

А10003. Подп. к печ. 11/X 1962 г. Бумага 80×108¹/₂. Печ. л. 5 (8,2). Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 100 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 1704.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Суцеская, 21.

Читайте в „ИСКАТЕЛЕ“
повесть об археологах

„ВРЕМЯ В ПЕСКАХ“

ЦЕНА 20 коп.